

НОВГОРОДИКА NOVGORODICA

№ 3

2022

Министерство культуры Новгородской области
Новгородская областная универсальная научная библиотека

№ 3

НОВГОРОДИКА
NOVGORODICA

2022

АЛЬМАНАХ

Великий Новгород — Москва

2022

УДК 94(47-2-3)
ББК 63.3(2Рос-4Нов)
Н 72

Редакционная коллегия:

д-р ист. наук Б.Н. Ковалёв, д-р филол. наук Т.В. Шмелёва,
д-р Э. Лёфstrand, д-р ист. наук Е.А. Рыбина,
канд. ист. наук Г.М. Коваленко, канд. ист. наук В.Г. Смирнов,
канд. ист. наук И.В. Хохлов, учёный секретарь НГОМЗ Т.Н. Ярыш,
гл. ред. Е.В. Барканова, отв. ред. Т.А. Данько

Н 72   НОВГОРОДИКА : альманах / гл. ред. Е.В. Барканова ; Министерство культуры Новгородской области ; Новгородская областная универсальная научная библиотека. — Вып. 3. — Великий Новгород — Москва : ООО «Издательство «Вече», 2022. — 224 с.

ISBN 978-5-4484-4173-8

Знак информационной продукции 12+

Очередной выпуск просветительского альманаха «Новгородика» обращает читателей к событиям, памятным датам и интересным фактам из истории Новгородской земли. Облик древнего Новгорода и его окрестностей, быт новгородцев, взаимоотношения с соседями предстают из записок иностранных путешественников, архивных документов и писем.

Значительная часть выпуска — публикации о персоналиях, связанных с историей нашего края: выдающихся государственных деятелях Петре I и М.М. Сперанском, новгородских дворянах Храповицких, офицерах русского флота — землевладельцах Боровичского уезда, современниках — архитекторе-реставраторе Г.М. Штендере, генерале МВД В.А. Филимоненко, главном редакторе газеты «Новгородская правда» В.П. Никуличеве, о хранителях памяти — краеведах.

© Коллектив авторов, 2022
© Новгородская областная универсальная
научная библиотека, 2022
© Новгородский музей-заповедник, 2022
© ООО «Издательство «Вече», 2022

ЭХО

<i>Конецкий В.Я.</i> Русь до Руси	5
<i>Филиппова Л.А., Сперанская И.Н.</i> Великопольское имение М.М. Сперанского	17
<i>Востров А.В.</i> Непокойная Балтика	31
<i>Игнатъев А.А.</i> Офицеры русского флота — землевладельцы Боровичского уезда	41
<i>Мельников И.А.</i> «Церковь внутри каждого человека находится...»	57

НОВГОРОД

<i>Малиновский Н.А.</i> Партнёр Ганзейского союза	69

EXTRANEA

«Новгород знаменит, велик, красив, довольно населён...» <i>Переводы Коваленко Г.М., Галинова А.М.</i>	79

КАФЕДРА

<i>Ранне А., протоиерей.</i> Философия самовластия	89

КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ

<i>Рукавичникова В.В.</i> «Посторонь правого крылоса мощи преподобного отца нашего Антонья Римлянина в раке...»	101
<i>Смирнов В.Г.</i> Новгородские исторические рассказы.....	109
Феофан Прокопович и его «вендетта»	109
Митрополит Иов	112
Как Яков Брюс боролся с коррупцией	114
Обогнавший время.....	116
Купец Иголкин	118

<i>Коваленко Г.М., Бажмина Н.Н.</i> Вєсьєгоня. Хранители памяти	121
<i>Бажмина Н.Н.</i> Несвоевременный человек.....	122
<i>Бажмина Н.Н.</i> Неординарная личность	128
<i>Коваленко Г.М.</i> Подвижник краеведения.....	133

ВЕРНИСАЖ

<i>Володина Т.В.</i> В мастерской художника Штендера	137

ИМЕНА

<i>Секретарь Л.А.</i> Григорий Михайлович Штендер: воспоминания об учителе	143
<i>Ядрышников В.А.</i> Лидер новгородской реставрации	153
<i>Колотушкин В.Г.</i> Путь служения Отечеству	169
<i>Витушкин С.В.</i> Школа доброты и ответственности	185

АРХИВ

<i>Савинова И.Д.</i> «Как сказать тебе, друг мой, о настоящем положении своём?»	197

EXLIBRIS

<i>Хвощинская Н.В.</i> «Откуда есть пошла Русская земля»	209
<i>Козлов С.А.</i> Азбука города мальчика Онфима	211
<i>Колотушкин В.Г.</i> Эпоха и личность	213
<i>Барканова Е.В.</i> Виртуальный диалог	220

Владимир Конецкий РУСЬ ДО РУСИ

В 2022 году наша страна отметила пусть не совсем круглую, но всё же заметную дату — 1160-летие русского государства. Ныне это событие называют «зарождением русской государственности» и связывают с летописным сообщением о призвании славянскими и финно-угорскими племенами Северо-Запада на княжение скандинавского конунга Рюрика с его дружиной. В первом приближении со всем этим можно согласиться, но при углублении в проблему вырисовывается ряд обстоятельств, которые, полагаю, будут интересны всем, кто занимается историей Отечества, тем более что речь здесь идёт о ключевом моменте национальной истории — становлении государства.

Современная историческая наука безоговорочно признаёт, что сложение государства представляет длительный процесс, свести который к одному, хотя и важному событию, неправомерно. С этих позиций и следует расценивать призвание Рюрика.

Рассмотрим фон, на котором происходили интересующие нас события.

Вторая половина I тыс. н.э. стала важнейшим периодом в истории Европы. В это время закончился переход от Античности к Средневековью и были заложены основы политической, этнической и культурной истории большинства современных народов. На развалинах Римской империи возникли новые государства. На востоке, на территории Малой Азии и Греции наследницей Рима являлась Византийская империя, которая с переменным успехом отбивалась от славян на Балканах и от арабов, сумевших захватить обширные бывшие римские территории на Ближнем Востоке, в Северной Африке и на Пиренейском полуострове. На западе, поглотив целый ряд варварских королевств, к VIII веку гегемоном стала империя франков.

После бурных веков «великого переселения народов» славяне, как уже упоминалось, расселились по Центральной и Восточной Европе. Где-то в VII — начале VIII века крайняя северо-восточная группировка восточных славян достигла Приильменья и расселилась на широком

пространстве от Чудского озера на западе до бассейна реки Мологи на востоке.

На севере и северо-востоке соседями славян были балтийские (родственные современным литовцам и латышам) и финно-угорские племена, которые в ходе славянского расселения были частично включены в процесс формирования древнерусской народности. Южными соседями славян и финно-угров были тюркские племена, образовавшие в степях Евразии несколько могущественных каганатов. Среди них для судеб России наибольшее значение имел Хазарский каганат. Его владения в период расцвета простирались между Волгой и Днепром, ограничиваясь на юге Кавказскими горами.

Оценивая значение Хазарского каганата для русской и, шире, европейской истории, учёные давали ему порой диаметрально противоположные оценки. Одни авторы писали о Хазарии лишь как о незначительном государстве, паразитически существовавшем в низовьях Волги за счёт проходивших здесь международных торговых путей, другие видели в нём сильнейшую державу Восточной Европы VIII—IX веков, своего рода предшественника Киевской Руси. Наверное, главное, «всемирно-историческое» значение Хазарии заключается в том, что это государство стало заслоном на пути распространения ислама в Восточной Европе в пору его наиболее активного натиска. Ценою огромных потерь, но фактически остановив арабов на Кавказе, хазары сделали то же самое, что и франки на другом конце Европы, став преградой мусульманству на рубеже Пиренеев. При ином ходе событий вся

история Восточной Европы могла бы пойти совершенно другими путями.

После отражения экспансии арабов часть хазар, вместе с подвластными им аланами и болгарами, откочевала из Предкавказья в донские и приволжские степи, при этом происходил частичный переход кочевников к оседлому образу жизни. В середине — второй половине VIII века каганат входит в пору своего могущества. В это время хазары вступают в соприкосновение со славянскими племенами, проживавшими в лесостепной зоне.

Для ранней истории Руси большое значение имел тот факт, что хазарская гегемония в Нижнем Поволжье остановила продвижение новых кочевых орд из Азии в степи Северного Причерноморья. Это создавало условия для стабильной жизни славянского населения лесостепи. Правда, ряд восточнославянских племён, обитавших в той зоне, — поляне, славяне, радимичи, вятичи, как сообщает летопись, были обложены данью со стороны хазар, но в любом случае тяготы регулярных выплат были предпочтительнее опасности полного разорения и уничтожения. И, конечно, велика была роль Хазарии в функционировании великих международных торговых путей.

Северная окраина Европы — Скандинавия вместе с соседствующим с ней Ютландским полуостровом были родиной многочисленных германских племён, принявших самое активное участие в «великом перенаселении народов». Почему именно Скандинавия сыграла такую роль? Причины мощных миграций древности всегда неоднозначны, но в любом случае существенную роль здесь

играл естественно-географический фактор. А в этом отношении северная окраина Европы вовсе не была земным раем. Большая часть Скандинавии занята горами и лесами, так что и в настоящее время пригодные для обработки земли составляют в Швеции 9 процентов, а в Норвегии лишь 3. Лучше обстоит дело в Дании, где преобладает равнинный ландшафт. Но всё равно собственного хлеба в Скандинавии в эпоху Средневековья не хватало. Нехватка зерна компенсировалась развитием животноводства. Очень важное значение имело и морское рыболовство. Сам характер береговой линии Скандинавии, изрезанный фьордами, способствовал развитию кораблестроения и мореплавания, посредством которого гораздо проще, чем по суше, осуществлялось сообщение между отдельными районами.

Многовековая традиция морского судостроения, существовавшая, судя по наскальным изображениям, ещё в эпоху бронзы, выработала к середине VIII века тип совершенного килевого судна с низкой осадкой, способного принять на борт отряд в несколько десятков человек. Эти корабли носили гордое название «драккары», что означает

«драконы». С равным успехом они могли перемещаться по прибрежному мелководью и, заходя в устья рек, подниматься вверх по их течению, и вместе с тем пересекать тысячекилометровые расстояния в открытом океане. Драккары могли ходить и под парусами и на вёслах, что обеспечивало их скорость и маневренность.

В V—VI веках Скандинавия вступает в полосу значительного экономического подъёма. Меняется система расселения — на смену крупным родовым посёлкам приходят мелкие хутора. Заметный прогресс виден в земледелии. Развивается ремесло и особенно обработка железа, благо источники качественных горных железных руд здесь были неиссякаемы. Ювелиры изготавливали различные украшения из драгоценных металлов, исходя из вкусов и запросов окружения. Из их рук выходят

Накладка в стиле Борре. IX—XI вв.
Металл цветной; литье. 4,5 × 2 см
Из раскопок Рюрикова городища
НГМ КП 38667/284 А-119/284

пусть грубоватые, но весьма выразительные вещи. Заметно усиливаются торговые связи между отдельными районами, и одновременно со всем этим происходят существенные изменения в обществе. Начинает выделяться знать, о чём свидетельствуют захоронения в огромных курганах с богатым погребальным инвентарём.

Начало контактов между племенами, живущими на разных берегах Балтики, относится к глубокой древности, но в конце I тыс. н.э. они приобретают качественно новый характер. Потребности новых социальных групп, формирующихся на развалинах родового строя, — свободных общинников-земледельцев, дружинников, военной знати — росли быстрее, чем собственное производство. В этих условиях появляется регулярное движение товаров в первые портовые города, гавани и рынки, возникавшие на Балтике в землях различных племён.

Однако связи народов Балтики не ограничивались лишь южным направлением. В VIII—IX веках они вступают в активные контакты с Востоком — арабским миром и Византией. Конкретным выражением этого стало сложение великих водных путей, пересекавших по рекам Восточно-Европейскую равнину и связывающих Балтику с Каспийским и Чёрным морями. Первым по времени и важнейшим на раннем этапе был, как его называли современники, Восточный путь, по-скандинавски Остервег, именуемый в нашей литературе Балтийско-Волжским. Развитие этого пути оказалось возможным лишь после завершения арабо-хазарских войн и установления более или менее мирных отношений на Каспии и в низовьях Волги. Бурное развитие экономики стран Арабского Халифата, разработка богатых серебряных рудников позволили начать массовую чеканку серебряной монеты — дирхемов. Следствием военно-политической стабилизации и экономического процветания стало

установление торговых связей арабов с северными землями, откуда в обмен на серебро поступают экзотические товары, имеющие большой спрос на южных рынках. Это была, прежде всего, ценная пушнина. Как ни покажется странным, но, несмотря на жаркий климат, при дворах мусульманских владык в это время возникает мода на дорогие меховые одежды. У моды свои законы, если она служит утверждению социального престижа.

Первоначально активность арабской торговли была направлена на районы Прикамья и Предуралья, а в VII—IX веках оживлённая торговая артерия соединила мир ислама с Балтикой. На значительном отрезке Балтийско-Волжский путь проходил по территории будущей Древней Руси, и это обстоятельство явилось очень важным в процессе образования государства у восточных славян.

Зона влияния балтийского культурного единства охватывала и территории, составившие впоследствии основу Новгородской земли. Главными воротами восточного славянства на Балтике стала Ладога, расположенная в низовьях Волхова, в двенадцати километрах от его впадения в Ладожское озеро или, выражаясь словами летописца, «в озеро великое Неве».

Значение Ладоги в ранней русской истории стало очевидно в полной мере лишь после проведения здесь широко-масштабных археологических раскопок. Установлено, что древнейшее ядро поселения находилось близ впадения в Волхов реки Ладожка. И отдельные находки, и дендродата — 753 год, полученная для одной из древнейших построек,

указывают на середину VIII века, как на время возникновения этого поселения. Торгово-ремесленный характер Ладоги позволяет говорить о ней как о древнейшем русском городе. Особенно показательны в этом отношении находки, связанные с крупной кузнечно-слесарной и ювелирной мастерской, обслуживающей также строительство и ремонт кораблей.

По составу населения Ладога изначально была разноэтничной. О присутствии здесь выходцев из Скандинавии свидетельствуют не только обнаруженный клад инструментов, но и другие находки. Можно говорить, что славяне и скандинавы появляются в этом пункте практически одновременно. При этом численно славяне, безусловно, преобладали, поскольку связь Ладоги со ступком славянских поселений в районе истока Волхова была относительно простой.

Становление Ладоги как торгово-ремесленного поселения произошло ещё до начала функционирования «пути в арабы». И очень похоже, что ладожане прошли по нему одними из первых. Древнейшие в бассейне Балтийского моря клады арабских серебряных монет были найдены в Ладоге и на острове Готланд. Самые поздние монеты в них, по которым традиционно определяется время сокрытия клада, отчеканены соответственно в 783 и 786 годах. Ладога становится важным узловым центром международной торговли. Этому способствовало и оформление в начале IX века ещё одной торговой магистрали — пути «из варяг в греки», для которого Ладога была тем же важнейшим пунктом,

Монета. Дирхем анонимный.
92 г. х. = 710/711 гг. н.э. серебро; чеканка.
диаметр — 26–28 мм. НГМ КП 28756/5

открывающим движение вглубь Восточно-Европейской равнины.

Об объёме торговли между Востоком и Балтикой в IX—XI веках можно судить по тому факту, что в данном регионе было найдено более полутора тысяч кладов, в которых содержалось около 150 тысяч арабских монет. Ещё больше серебра осело на территории Руси. Стимулами в этом беспрецедентном движении денег и товаров была разница в уровнях цен на Севере и Юге.

Среди различных товаров только два — пушнина и рабы — имели решающее значение по стоимости и широте распространения.

Наиболее выгодной продолжала оставаться торговля мехами. В лесной зоне меха были недорогими. Так, на Руси шкурка куницы стоила 1 арабский дирхем — около 3 граммов серебра. Будучи

проданным, на рынках Востока, мех давал прибыль в 1000 и более процентов, то есть в десять раз больше начальной стоимости.

Другой важной статьёй экспорта являлись рабы. Основными их покупателями были арабские халифаты Испании, Северной Африки, Передней и Средней Азии. Но и в средневековой Византии имелись крупные рынки рабов. Если обратиться к содержанию договоров, заключённых первыми русскими князьями с византийскими императорами, то можно увидеть, что статьи, посвящённые работоторговле, занимают в них главное место. Использование рабов, происходящих с Севера, было разнообразным. Из них формировали придворную гвардию. В мусульманских странах рабы «сакалиба» (этим собирательным термином арабы обозначали не только славян, но все северные народы) использовались как евнухи при дворах владык, а белокурые невольницы служили украшением их гаремов. Стоимость раба в портах Балтики составляла 100 дирхемов, а в Византии или на Арабском Востоке их можно было продать в три раза дороже. Но особенно высокую прибыль давали рабыни. Как отмечается в литературе, белая рабыня, совершенно ничему не обученная, могла быть продана за 10—15 тысяч дирхемов, то есть в 200 раз дороже первоначальной стоимости. Даже если купцу доставалась лишь часть этой прибыли, она, вероятно, оправдывала все расходы на дальнейшее и опасное путешествие.

Особенностью пушнины и рабов как товара являлось и то, что зона их добычи была очень широкой. Меха поступали из бескрайних лесов Восточно-Европей-

ской равнины, Скандинавии и Финляндии. Рабов захватывали при нападениях на соседние территории. Межплеменные распри, явление очень характерное для эпохи становления государств, тоже вели к обращению части населения в рабство. Таким образом, в международную торговлю были втянуты обширные области на севере и северо-востоке Европы, и она оказывала колоссальное влияние на характер и темпы развития общества у многих народов, в том числе и у восточных славян.

Для нормального движения людей и товаров на международных торговых путях заинтересованные в этом группы населения должны были обеспечить целый ряд необходимых мер: контроль над наиболее важными и уязвимыми участками, организацию преодоления порогов и волоков и тому подобное. В IX веке по Волхову возникает целый ряд укреплённых поселений, приуроченных к сложным участкам пути. У Гостинопольских порогов, где ныне находится Волховская ГЭС, возникает городище Новые Дубовики, у Пчевских порогов — городище у деревни Городище. На дальних подступах к Новгороду ещё одно укреплённое поселение известно у деревни Городок.

Особенное значение при этом имел район истока Волхова. Здесь расходились разные варианты маршрутов, ведущих за арабским серебром и знаменитый путь «из варяг в греки», значение которого в IX веке стало быстро возрастать. Для контроля за этим принципиально важным участком возникает целая система опорных пунктов. Одним из интереснейших среди них является Холопий городок, расположенный неподалёку от

слияния Волхова с его рукавом — Малым Волховцом. Он «запирал» конец развилки Волхова и Волховца, а у её начала находилось Рюриково Городище — безусловный центр всей этой округи. Многолетние раскопки, проводимые здесь петербургским археологом, академиком Е.Н. Носовым, позволили представить характер этого поселения, во многом напоминавшего Ладогу. Здесь также проживало разноэтничное население. Кроме славян, судя по находкам, на Городище присутствовало какое-то количество скандинавов: воинов, ремесленников, торговцев. В середине IX века это поселение уже, безусловно, существовало. Сложнее говорить о времени его возникновения. Культурный слой на вершине холма, где находилась, скорее всего, древнейшая часть посёлка, впоследствии был уничтожен при строительстве храмов и кладбища. Тем не менее Е.Н. Носов считал, что можно предполагать и более раннюю дату. В пользу этого говорят некоторые находки. В их числе четыре фоллиса — византийские медные монеты, отчеканенные при императоре Феофиле, правившем в 829—840-х годах.

Возникновение в начале IX века системы контроля над северным отрезком торговых путей — между Ладогой и будущим Новгородом — свидетельствует о существовании некой организующей силы, ориентированной на дальнюю торговлю. Но кто же конкретно мог быть заинтересован в этом? Конечно же, прежде всего, верхушка проживавшего здесь населения. Но не только они. Мы уже касались вопроса о том, что особую роль в международной торговле VIII—X веков на Балтике и в Восточной Европе

играли выходцы из Скандинавии. Не случайно ко всему этому периоду для истории Северной Европы применяется термин «эпоха викингов» — так назывались храбрые воины и отважные мореходцы, совершавшие дальние торговые поездки и военные набеги.

Тесные этнокультурные контакты славян и скандинавов, возникшие в VIII веке в Ладоге и распространившиеся затем на район будущего Новгорода, были, вне всякого сомнения, важнейшим фактором в истории этого региона. Конечно, было бы наивно и, главное, антиисторично идеализировать славяно-скандинавские отношения, изображая их в розовых тонах, как, продолжая ассоциации из живописи, неуместен и чёрно-белый колорит. Они могли быть самыми разными, и здесь всё зависело от конкретного соотношения сил в разные периоды. Однако главной тенденцией

Монета. Фоллис.
Середина IX в., металл цветной (?); чеканка.
диаметр — 2,8 см.
НГМ КП 49284/155 А-4155

было всё же стремление к консолидации. Закрепившись в данном районе, скандинавы обречены были искать союза с местной верхушкой, чтобы устоять против новых волн выходцев «из-за моря». И, естественно, в таких условиях шёл быстрый процесс их славянизации, точнее говоря, формирование этнокультурного единства, поскольку процесс культурного влияния был взаимным. В конечном счёте, все эти процессы привели к формированию в первой половине IX века первого русского протогосударства, верхушка которого была заинтересована в обложении окрестного населения данью для использования её в международной торговле.

Столь серьёзные перемены, происходившие на Северо-Западе, не могли пройти мимо внимания соседних народов. И действительно, в письменных источниках первой половины IX века появляются известия, имеющие прямое отношение к интересующей нас теме. Среди них одним из важнейших является сообщение так называемых Бертинских анналов — летописи, которая велась при дворе франкских императоров. Суть событий была такова. В мае 839 года в одну из столиц империи городе Ингельгейм, расположенном в низовьях Рейна, к правящему императору Людовику Благочестивому прибыло посольство из Византии. Послы привезли Людовику богатые дары и личное послание от императора Феофила, в котором тот предлагал франкам подтвердить отношения «мира и любви» между двумя странами. Была в этом послании просьба и, так сказать, частного порядка. Вместе с византийцами ко двору Людовика прибыли и «некие

люди, которые говорили, что их "зовут, рос", которых их царь по имени Хакан послал в Византию для заключения договора о дружбе. В своём послании к франкскому императору Феофил просил Людовика милостиво предоставить этим послам руссов возможность вернуться на родину, поскольку пути, по которым они прибыли в Константинополь, были перекрыты "весьма бесчеловечными и дикими племенами"».

Далее вся эта история приобретает несколько детективный оттенок. Людовик тщательно допросил послов, и в результате расследования выяснилось, что «они принадлежат к народности шведской!». Это заставило императора считать их «скорее разведчиками, чем искателями дружбы», и послы были задержаны для окончательного выяснения обстоятельств. Предосторожность Людовика была вовсе не излишней, поскольку буквально за два года перед этим шведские викинги совершили сокрушительный набег на франкскую территорию, и в появлении шпионов можно было усмотреть подготовку к новому нападению.

О дальнейшей судьбе этого посольства в Бертинских анналах не сообщается, но уже изложенная информация позволяет сделать несколько важных выводов. Суть их следующая.

В 30-е годы IX века, то есть ещё до летописного призвания варягов во главе с Рюриком, где-то на территории Восточной Европы возникает государство «русов», правитель которого называется «хаканом», что явно связано с тюркским титулом «каган». Этот «хакан» пытается установить дружеские отношения с од-

ной из сильнейших империй тогдашнего мира — Византией. Активную роль в государстве русов играют скандинавы, которые и выступают от его лица в качестве послов. Трудно сказать, сколько сотен страниц комментариев к этим известиям Бертинских анналов было написано историками за два века, и здесь нет необходимости подробно останавливаться на этом. Для нас в данном случае наиболее существенным является вопрос о локализации этого государственного образования.

Многие историки, среди которых были и норманнисты, и антинорманнисты, размещали «каганат русов» в Среднем Поднепровье, видя в нём прямого предшественника Киевской Руси. Основным аргументом при этом является титул «каган», который, как полагают, мог быть принят правителем «русов» или в подражание кагану Хазарии, или как свидетельство независимости от последней. Согласно другой точке зрения, «каганат русов» располагался на севере Восточной Европы — в районе Ладоги—Новгорода. Надо сказать, что в контексте археологических данных, о которых уже шла речь, это предположение выглядит наиболее вероятным. Не рассматривая пока всех аргументов, укажем о бессмысленности возвращения послов из Константинополя в Киев через низовья Рейна, в то время как для пути в Ладогу этот маршрут был совершенно естественным, он занимал по времени лишь несколько недель.

Известия о северорусском протогосударстве первой половины IX века отражены и в арабских источниках. Однако интересующие нас сочинения восточных

авторов — это не летописи, содержащие конкретные датированные сведения, а именно сочинения, рассказывающие о различных странах и народах. При этом более поздние авторы широко использовали труды своих предшественников, включая целые отрывки из них в свои сочинения. Одним из древнейших среди дошедших до нашего времени считается текст арабского географа Ибн-Русе «Дорогие ценности», написанный в самом начале X века, но восходящий к не сохранившемуся анонимному произведению IX века. Ибн-Русе сообщает: *«Что же касается ар-Руссии, то она находится на острове, окруженном озером. Остров, на котором живут, русы, протязенностью в три дня пути, покрыт лесами и болотами, нездоров и сыр до того, что стоит человеку только ступить на землю, как последняя трясется из-за обилия влаги. У них есть царь, называемый хакан русов. Они нападают на славян, подъезжают к ним на кораблях, высаживаются, забирают их в плен, везут в Хазарию и Булгар и там продают. Они не имеют пашен, а питаются лишь тем, что привозят из земли славян. У них нет недвижимого имущества, ни деревень, ни пашен. Единственное их занятие торговля соболями, белками и прочими мехами. Многие славяне поступают к ним на службу, чтобы таким образом обеспечить себе безопасность...»*. Далее идут сведения об обычаях русов.

Конечно, не всё в сочинениях арабских авторов следует понимать дословно. Информация попадала к ним порой явно не из первых рук и, кроме того, для этих описаний свойственно стремление поразить правоверного читателя

непривычной для мусульман и жителей юга экзотикой и курьёзами. Поэтому совершенно бесполезно было бы искать на карте Восточной Европы озеро, на котором имеется остров размерами в «три дня пути», то есть около шести-десяти километров в поперечнике. Но, вместе с тем, характеристика местности достаточно определённая. Болотисто-лесистый пейзаж, добыча пушнины, которой торгуют русы — всё это позволяло

сказать, с высоты птичьего полёта, то мы увидим, что она действительно состоит из островов. Крупнейшим из них будет Поозерье, заключённое между Ильменем и Веряжей, и вторым — пространство между Волховом и Малым Волховцом. Общая протяжённость обоих островов достигает почти сорока километров.

Такие истоки могли иметь арабские сведения об «острове руссов». Но как бы то ни было, проблемы локализации это-

исследователям помещать «остров» где-то на Северо-Западе, обычно в районе Новгорода. Здесь необходимо обратить внимание на определённую переключку арабских и скандинавских известий. Речь идёт о скандинавском названии Новгорода — Хольмгард, что обычно переводится как «город на острове» или буквально «островной город». Действительно, если взглянуть во время весеннего разлива на округу Новгорода, так

го «таинственного острова» фактически не существует. Большинство исследователей связывали и связывают его с центром Новгородской земли. Здесь важнее другое. Применение арабскими авторами к правителю «острова русов» титула «каган» позволяет поставить этот факт в один ряд со сведениями Бертинских анналов о «каганате русов», что является ещё одним аргументом в пользу приоритета Новгорода перед Киевом в процес-

се сложения русской государственности в первой половине IX века.

Военная и торговая активность «Волховской Руси» простиралась достаточно широко. Кроме участия русов в восточной торговле, можно говорить об их появлении на Чёрном море в качестве серьёзной военной силы, совершающей набеги на владения Византии. Сведения об этих событиях дошли до нас в двух греческих церковных произведениях: житиях Стефания Сурожского и Георгия Амастридского. Оба источника сложны и в какой-то мере спорны, но многие авторы признают достоверность содержащейся в них информации.

Более древним и интересным для нас является житие Стефания Сурожского. Оно повествует, в частности, о том, что на византийские владения в Крыму напала новгородская рать, которую привёл князь Бравлин. Русы разорили побережье от Херсона до Керчи и «с *многую силою*» подступили к Сурожу (современный город Судак). После десятидневной осады город был взят. Начались грабежи. Бравлин попытался захватить богатства местного храма Святой Софии, где находилась гробница Стефана, в которой хранились немалые сокровища. Но предводителя постигла неудача. Произошло чудо. У гробницы святого Бравлин был поражён внезапным недугом — «*обратися лице его назад*». Лишь после того как было отдано приказание прекратить грабёж, вернуть всё захваченное и отпустить пленных, лицо князя приняло нормальное положение. Потом состоялось крещение Бравлина.

Предметом обсуждения историков в данном случае, естественно, является

не чудо, а реальные события, которые могли лечь в основу «жития»: сам поход, крещение предводителя как элемент дипломатических отношений и другие. Для нас же наиболее важным является то, откуда пришло в Крым русское войско. Комментируя этот факт, советский историк М.В. Левченко писал: «*Сообщение о том, что русские явились из Новгорода, а не из Киева является доказательством того, что рассказ о посмертном чуде сложился раньше, чем Киев сделался центром государства и исходным пунктом для военных экспедиций*».

Эпизод, связанный с походом русов в «Житии Георгия Амастридского» в общих чертах схож с вышеизложенным. В нём говорится о сокрушительном нападении на область Пафлагонию, расположенную на южном побережье Чёрного моря. Как и в первом случае, подобно Стефанию Сурожскому, местный святой Георгий совершает посмертное чудо, спасая родной город Амастриду от свирепых варваров. Как полагают историки, этот поход действительно имел место и состоялся где-то в промежутке между 825 и 842 годами.

Вероятность этих походов подтверждается и усиливается общим контекстом событий 30-х годов IX века. В середине этого десятилетия хазары обращаются к Византии с просьбой помочь им построить на Дону военную крепость. Так, под руководством византийских инженеров в низовьях Дона был возведён Саркел. Он должен был препятствовать передвижению кочевых орд угров и печенегов и, главное, контролировать движение на Дону — основной торговой артерии первой половины IX века.

Другими действиями Византии, направленными против угрозы русов, явилось создание в Крыму отдельной территориально-административной единицы — фемы, что обеспечивало более чёткую организацию обороны. Так что весьма заинтересованное отношение византийского императора Феофила к русскому посольству, прибывшему к нему в 838 году с предложением о мире и дружбе, представляется очень даже понятным.

Итак, отдельные, казалось бы, разрозненные события первой половины IX века на самом деле связаны в единый узел. Все вместе они подтверждают достоверность существования в этот период в северной части восточнославянского мира, а конкретно в районе Ладоги и Новгорода, достаточно сильного предгосударственного или раннегосударственного образования, вполне соотносимого с известным по письменным источникам «каганатом русов». Как уже говорилось, некоторые современные учёные, признавая существование созданного скандинавами этого «каганата», традиционно размещают его в Среднем Поднепровье с центром в Киеве. Слабым звеном этой гипотезы является безусловное отсутствие скандинавских древностей первой половины IX века на этой территории. Так что найденные на Рюриковом городище медные монеты императора Феофила вполне могут быть материальным свидетельством посольства от Русского каганата в Византию, произошедшего согласно Бертинским анналам в 839 году.

К сожалению, дальнейшая судьба «каганата русов», в котором впервые в Восточной Европе зазвучало будущее название нашей страны и народа, вырисовывается смутно. Видимо, в 40—50-е годы IX века развитие прервалось. По мнению некоторых авторов, социальная верхушка этого раннегосударственного образования подверглась разгрому в результате активизации норманнских набегов. Археологическое отражение этих событий учёные видят в факте сильного пожара в Ладоге в начале 40-х годов, после которого меняется планировка поселения, увеличивается количество «больших домов» — типа жилищ, имеющих северное происхождение, и вообще, судя по находкам, увеличивается доля скандинавов в населении этого важного центра. Данные события связывают с летописным сообщением о приходе варягов «из-за моря» и наложении дани на население Северо-Запада. После изгнания этих варягов, как мы помним, и происходит, согласно летописи, призвание Рюрика с братьями.

Так какое же событие следует отмечать в качестве исходного в процессе становления древнерусского государства? Всё же следуя традиции, которой уже более 150 лет, считая от празднования в 1862 году тысячелетия Руси, его следует связать с призванием Рюрика. В качестве весомого аргумента можно привести тот факт, что, начиная с этого момента, процесс формирования государства идёт непрерывно.

В январе 2022 года исполнилось 250 лет со дня рождения российского реформатора, правоведа Михаила Михайловича Сперанского. Скульптурное изображение его представлено на памятнике «Тысячелетие России» в Великом Новгороде в ряду видных государственных деятелей. Талантливый организатор, трудолюбивый преобразователь, он стремился к кардинальным переменам в России и, по сути, его своеобразным памятником стал полный свод законов Российской империи, хотя далеко не все преобразовательские начинания «светила русской администрации» были реализованы.

Ни образование, ни выдающиеся способности, ни благосклонность императора не гарантировали отсутствия завистников и интриганов: в жизни Михаила Михайловича был продолжительный период утраты своего политического влияния. Опальный М.М. Сперанский практически два года провёл в новгородской ссылке в своём имении Великополье. Опираясь на исследование архивных материалов, переписку и мемуары, авторы статьи раскрывают детали помещичьего быта государственного чиновника.

Людмила Филиппова, Ирина Сперанская

ВЕЛИКОПОЛЬСКОЕ ИМЕНИЕ

М.М. СПЕРАНСКОГО

«...скоро не останется ни единого воспоминания о старом укладе жизни, и мелкие усадьбы никогда не будут предметом заботливой охраны, как Архангельское или Кусково, между тем их обстановка для понимания уклада жизни иногда дает большее, чем шедевры помещичьей России».

М.В. Формаковский

«Отчет по командировке в Новгородскую губернию в сентябре 1920 года»

Сельцо Великое поле старинное. Самые ранние сведения о нём встречаются в писцовой книге Обонежской пятины 1563—1564 годов. Тогда это

сельцо входило в Волотовский погост и принадлежало Лисицкому монастырю, находившемуся неподалёку на левом берегу реки Вишеры. В Великом поле

насчитывалось всего четыре двора, в которых проживало четыре хозяина: Иванко Романов, Володка Гридин, Иванко Леонов, Клишко Восюков. Они сеяли в поле ржи 11 коробей, сена косили 60 копён, имели 4 обжи с третью пахотной земли¹.

Когда в Великом поле появилась помещичья усадьба, неизвестно. Как утверждает М.А. Корф, в XVIII веке Великопольское имение принадлежало Миниху. По его словам, «*это имение — некогда вотчина славного фельдмаршала графа Миниха*»². Вполне вероятно, что это была одна из вотчин, пожалованных графу Бурхарду Христову Миниху (1683—1767) за его военную и государственную службу. Но у фельдмаршала, слишком занятого важными военными и служебными делами, вряд ли была возможность, да и необходимость обустроить небольшую новгородскую усадьбу. К тому же при Елизавете Петровне граф Б.Х. Миних, отправленный в ссылку в далёкий Пелым, был возвращён и восстановлен Петром III во всех правах и владениях только в 1762 году, а следом за тем, будучи уже в очень почтенных годах, но ещё бодрым, он был назначен Екатериной II командующим портами. Поэтому трудно представить, чтобы после ссылки 79-летний фельдмаршал начал строительство загородной усадьбы. К тому же Миниху принадлежало имение Лунии в Лифляндии близ города Дерпта, где он и был похоронен.

Упоминание об основателях Великопольской усадьбы есть и у самого Сперанского. Решая вопросы её продажи, в письме Н.Н. Муравьёву в 1818 году Михаил Михайлович отмечал, что

«*каменное строение*», заведено «*прежними его помещиками, начиная от Графа Миниха*»³. Кого из графов Минихов имел в виду Сперанский, не ясно, так как графское достоинство, кроме фельдмаршала Б.Х. Миниха, имели и его сын Э.Х. Миних, и его внук А.С. Миних.

Миних-сын — граф Иоанн-Эрнст (по-русски Сергей) Миних (1707—1788), мемуарист, служивший по дипломатической части, при Елизавете Петровне был лишён всего состояния и выслан в Вологду. После двадцатилетней ссылки в 1761 году возвращён Петром III, а при Екатерине II назначен президентом коммерц-коллегии. Не исключено, что после ссылки ещё не старый граф мог основать эту небольшую новгородскую загородную усадьбу.

Скорее всего, усадьба в сельце Великое поле могла быть устроена внуком фельдмаршала — Лейб-гвардии конного полка ротмистром графом Антоном Сергеевичем Минихом. Известно, что он являлся владельцем Великопольского имения в 1778 году, о чём свидетельствует «Геометрический специальный план Новгородского уезду Городского стану селца Великого поля с деревней Жадовой <...>, учинённого в 1778 г. старшим первоклассным землемером флота капитаном лейтенантом Алексеем Милюковым»⁴. Внутри этого владения А.С. Миниху принадлежало 602 десятины 1300 сажень земли, которую занимали пашни, сенные покосы, дровяной лес, конопляники, гуменники, огороды, просёлочные дороги и полуреки Вишеры с безымянными полуручьями. По последней ревизии в деревне Жадовой числилось тогда 37 душ мужского пола.

Следует отметить, что это было не единственное имение А.С. Миниха в Новгородской губернии. По данным копии Специального геометрического плана 1782 года, ему и его супруге Вере Николаевне также принадлежали земли в Грузинском погосте Новгородского уезда Вотской пятины — деревня Корпово, расположенная на реке Сенная Кересть, и часть дворов в деревнях Сябренности и Сенная Кересть. Среди крепостных А.С. Миниха была и семья Тропининых, из которой вышел известный русский художник начала XIX века Василий Андреевич Тропинин⁵. Миниху в Новгороде принадлежал каменный дом, находившийся на Большой Московской улице недалеко от церкви Дмитрия Солунского.

Владелец Великопольской усадьбы Антон Сергеевич Миних (1748—1810?) и его супруга, Вера Николаевна, происходили из известных аристократических фамилий. Предки деда Бурхарда Христофора Миниха владели замком в Баварии. Сам Б.Х. Миних получил графский титул в России в 1728 году и в Римской империи в 1741 году. Вера Николаевна (1752—1789) была из рода Чоглоковых. Её отец, Николай Наумович Чоглоков (1718—1754), занимал должность гофмейстера при дворе великого князя Петра Фёдоровича (будущего Петра III). Чоглоковы были связаны с Новгородом. Брат Веры Николаевны, Наум Ни-

Геометрический специальный план <...> 1778 г.
Фрагмент

колаевич Чоглоков (1743—1798), жил и скончался в Новгороде. Мать Веры Николаевны — Мария Симоновна Гендрикова (1720—1756) — родная племянница Екатерины I, двоюродная сестра императрицы Елизаветы Петровны. Следовательно, по матери Вера Николаевна являлась троюродной племянницей Елизаветы Петровны. Оставшись после смерти матери сиротой в возрасте трёх лет, Вера вместе с сестрой Софьей по воле Елизаветы Петровны была взята на воспитание в Петергофский дворец.

Впоследствии фрейлина Вера Николаевна в 17 лет была выдана замуж за А.С. Миниха.

Скорее всего, усадьба в сельце Велкое поле была устроена в 1760—70-е, в те годы в России наблюдался всплеск усадебного строительства в загородных имениях. Он был вызван «Манифестом о вольности дворянской», изданным в 1762 году императором Петром III. Манифест освобождал дворян от обязательной государственной службы. Прошло всего полсотни с небольшим лет с того времени, когда Петр I обязал поголовно всех дворян служить, и это не позволяло им осесть в своих владениях.

А после Манифеста дворянство впервые получило право выбирать место и образ жизни. Дворяне начали в своих имениях обустраивать усадьбы. Ещё в середине XVIII века, да и позднее, старосветские помещики, не гнавшиеся за красотой, строили барские усадьбы из толстого леса, нередко из дуба, благо строевого леса на Руси было достаточно и находился он под рукой. Обычно барские дома были невысокими одноэтажными, расплывшимися в разные стороны от неоднократных перестроек, иногда с каменным низом. В екатерининские времена строить из камня могли себе позволить лишь богатые вельможи.

Ярким примером усадебного строительства первой половины XVIII века служат барские усадьбы в сёлах Луковеси и Городище на реке Шексне, в 10 верстах от города Череповца Новгородской губернии. Они были сооружены в 1736 и 1737 годах Петром Михайловичем Бестужевым-Рюминым, сосланным Бироном в свою новгородскую вотчину. Сохранилось подробное описание этих сельских усадебных комплексов, по которому можно зримо представить, как устраивались барские имения в 30—40-е годы XVIII века. Судя по описанию, они во многом сохранили черты хорошего строительства: например, барский дом в Луковесях представлял собой сочетание разных срубов — семи «житий» тёплых и двух холодных, которые в некоторых местах соединялись галереями. Часть горниц находилась в крестовых срубах (шестьстенках), перерезанных при строительстве двумя перекрещивающимися капитальными стенами. Как и в средневековых хоромах, окна в домах были косячатые (красные), обрамлённые могучими косяками из толстых брусьев, в которые вставлялись стекольчатые рамы. Вся господская усадьба представляла собой небольшую крепость — она была огорожена палисадом, по углам которого стояли 10 чугунных пушек. Видимо, в северном череповецком малообитаемом краю было беспокойно, поэтому требовались подобные меры безопасности. Внутри ограды находились постройки, необходимые для ведения хозяйства: изба поваренная и ещё поварня с погребом, мыльня с перемыльницей белая, конюшня с сеником, небольшой овощник и прочее⁶. Подобные стародедовские усадьбы постепенно уходили в прошлое.

В 60—70-е годы 18 столетия в усадебном строительстве произошёл огромный скачок. Большинство дворянских усадеб, устроенных в те годы, кардинально отличались от усадеб первой половины XVIII века. В этот период происходит формирование дворянских усадеб, где господский дом с садом (парком) обособливается от хозяйственного двора. Усадебные господские дома в сельской местности по своему внутреннему устройству и внешнему облику напоминают городские дворянские дома того времени.

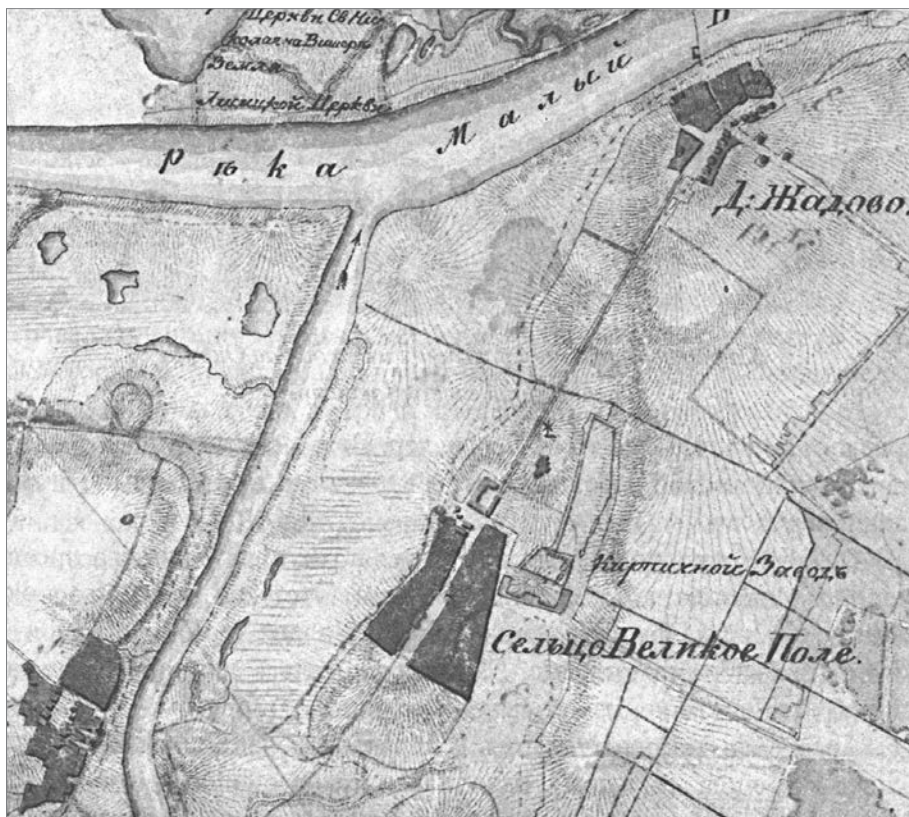
Усадьба в сельце Великое поле — характерная дворянская усадьба второй половины XVIII века. И хотя в настоящее время от усадьбы, кроме фундаментов бывших построек и остатков парка, ничего не сохранилось, и пока не найдены ни изображения, ни чертежи построек, но подробное описание 1819-го и планы 1778 и 1817 годов дают возможность в определённой степени представить её облик. Создавалась усадьба по замыслу первых её владельцев Минихов, которые имели, несомненно, значительные средства. Ко времени описания усадьбы, в ней, естественно, произошли какие-то изменения, но она, вероятно, сохраняла первоначальные черты. По «Геометрическому специальному плану Новгородского уезда сельца Великое поле с деревней Жадовой Миниха Антона Сергеева 15 июня 1778 г.», весьма схематичному и условному, можно всё-таки определить, что Великопольская усадьба к этому времени была уже вполне обустроена. На её территории показаны 7 построек, из них 3 каменные и 4 деревянные.

План 1817 года, относящийся к периоду продажи Великопольского имения Сперанским, даёт более чёткую картину усадебной застройки⁷. По нему можно локализовать почти все указанные в Описи 1819 года здания.

Великопольская усадьба располагалась в излучине реки Вишеры среди полей и лугов. Как это было принято в то время, она состояла из парадной части и хозяйственного «чёрного» двора. Центр усадьбы — большой барский дом. Он стоял на самом высоком месте этой равнинной площадки. Вот какое восторженное описание расположения дома оставил нам М.А. Корф: *«Господский дом стоял посреди обширного тенистого сада, отделявшегося от реки небольшою лужайкою. Из окон открывался вид на Вишеру, которая обвивала усадьбу как бы серебряным поясом, на противоположный её берег, довольно крутой, и на многочисленные монастыри и церкви, окружающие Новгород»*⁸.

Неизвестно, строился ли господский дом по замыслу кого-то из архитекторов или создавался по «образцовому» проекту. Такие образцовые проекты, разработанные в Петербурге, применялись как в городских, так и в загородных усадьбах в 60—70-е годы XVIII века. Это время формирования в архитектуре раннего классицизма, поэтому здание, очевидно, носило черты этого стиля. Правда, из описания 1819 года определить его стилиевые особенности невозможно, так как указаны лишь формы плана, его размеры, этажность и цвет.

Дом был каменный, двухэтажный с двумя симметричными выступами, «отходящими от задней» подъездной

План 1817 г. Деталь

стороны. Длина передней, обращённой в сторону Вишеры стены, $13\frac{1}{2}$ сажени; задней — 16 сажен. Ширина торцевых стен — 9 сажен, а в середине между выступами — 7 сажен 2 аршина. В дом вели два входа — парадный и чёрный, представляющие собой невысокие крыльца с тремя ступенями из плиты. Крыша здания железная, выкрашенная зелёной масляной краской. Её венчала башня — бельведер. Весь дом снаружи выбелен и выкрашен жёлтой краской, внутри оштукатурен, а местами выкрашен и расписан⁹.

По обеим сторонам господского дома располагались два протяжённых одноэтажных каменных флигеля. Этот комплекс — господский дом с двумя флигелями — показан на плане 1817 года. Оба флигеля имели Г-образные планы. Южный флигель — длиной 20 сажен, шириной в одном конце — 2 сажени 1 аршин, а в другом — 4 сажени — был разделён на три отделения. В первом отделении, которое было ближе к господскому дому, находилась кухня с сенями и чуланом. Здесь готовили кушанья для господ, чтобы в самом барском доме

не было лишних запахов. Очевидно, здесь же варили пищу и для прислуги. Во втором и третьем отделениях имелось семь покоев, где жили дворовые люди. Жилые покои отапливались кирпичными печами. К флигелю вели два деревянных крыльца, а перед окнами был устроен небольшой палисад. Если учесть, что в те времена в дворянских усадьбах прислуга не имела своего личного места и спала, где попало, то в Великопольской усадьбе для них были созданы более приличные условия.

Второй флигель, расположенный севернее барского дома, был несколько протяжённее — длиной $23\frac{1}{2}$ сажени, шириной в одном конце — 2 сажени 1 аршин 6 вершков, в другом — 4 сажени. Он служил только для хозяйственных целей. В нём размещались три хлебных амбара с засеками, два огромных глубоких ледника, где хранилась скоропортящаяся провизия, и кладовая. И ещё здесь находился каретный сарай, где стояли зимние сани с кибиткою, маленькие сани, телега. Над кладовой возвышалась башня с окнами в два этажа, служившая для «вывешивания столовой провизии»¹⁰.

Здания парадной части усадьбы утопали в зелени тенистого парка, окружавшего их со всех сторон. И как в любой усадьбе, имелся плодовый сад, где выращивали фрукты для барского стола. В саду насчитывалось 110 яблонь и 20 вишен. При фруктовом саде была устроена большая деревянная теплица, застеклённая 42 окончинами. Её длина 7 сажень $2\frac{1}{2}$ аршина, ширина $3\frac{1}{2}$ сажени. Теплица обогревалась кирпичной печью с двумя кирпичными боровами. В ней в 256 горшках цвели редкие цветы

и росли разные теплолюбивые растения: лимоны, фиги, американская крапивка, герани разных сортов, жасмины, гортензии, китайская роза и другие. И ещё при саде имелся парник и четыре каких-то особых парника. Для поливки тут же находился колодец¹¹. Всё это, очевидно, досталось Сперанскому от прежних владельцев усадьбы. Ещё до наступления весны, зимой 1816 года он планировал в будущем сезоне, «не пускаясь в большие боярские затеи», вместо оранжерей устроить «порядочный огород», для которого рассчитывал запастись разными семенами от арбузов и дынь¹².

Весной 1816-го для ухода за садом и парком был нанят садовник, который, по словам Сперанского, «хоть дорог, но, кажется, знаюш»¹³. И это при том, что среди дворни имелся свой садовник — молодой парень Трофим Яковлев.

Хозяйственная часть располагалась по обе стороны дороги при въезде в усадьбу, в некотором отдалении от барского дома, чтобы шум и неприятные запахи не доходили до него. Здесь находилось несколько отдельных дворов: рабочий, птичий, скотный и конский. Постройки этих дворов показаны на плане 1817 года.

Рабочий двор, устроенный перед самым парком, был обнесён забором с двумя воротами и двумя калитками. Здесь находились два деревянных флигеля, где жили дворовые люди, обслуживающие скот. Один из них был длиной $6\frac{1}{2}$ сажени, шириной 4 сажени, другой — длиной $7\frac{1}{2}$ сажени, шириной 3 сажени $\frac{3}{4}$ аршина. В них были устроены 6 жилых покоев. Кроме того, в рабочем дворе в особой «деревянной связи» длиной 7 сажень шириной 2 сажени $2\frac{1}{2}$ аршина имелись два

погреба — молочный и овощной, да ещё сарай на столбах.

Расположенный рядом птичий двор тоже был обнесён деревянным забором с воротами и калиткой. В нём находилась каменная постройка — связь, где располагались птичная с пятью деревянными хлевами, молочная и прачечная. В птичной содержались не только куры, но и индейки, гуси и утки — всего 58 птиц. В прачечной пол был кирпичный и имелся деревянный каток, с помощью которого гладили бельё. В этом же здании размещались шесть покоев, где жили птичницы, молочницы и прачки. Здание отапливалось четырьмя кирпичными печами, и ещё имелось два очага, в один из которых были вмазаны два чугунных котла, где грели воду и готовили корм для птиц. Длина здания — 7 сажень 1 аршин. Против птичьего двора находился колодец, и недалеко от него баня для дворовых людей.

Смотрительницей за скотом и птицею была вольная колонистка Екатерина Фёдорова. Она же заведовала запасами масла и другими молочными продуктами. В её хозяйстве насчитывалось только горшков молочных 45, девять кадок для масла да ещё две кадушки для творогу, две кадушки, в которых масло бьют, два уполовника, которыми сливки снимают и, кроме того, множество вёдер, корыт, ушатов и прочего.

Непременной принадлежностью хозяйственной части имения являлись скотный и конный дворы. В Великополье эти дворы находились севернее остальных хозяйственных. Здесь содержалась целая сотня голов животных: коров, телят, быков насчитывалось 91, а лоша-

дей с жеребьятами — 9. Хлева для коров и конюшня располагались в большом каменном одноэтажном здании длиной 61 ½ сажени, шириной в одном конце 5 сажень ¾ аршина, в другом 5 сажень 2 аршина. Над хлевами и конюшнями находились сеновалы. Вероятно, в одном из частей этого огромного здания имелись ещё помещения, где содержались 50 овец и четыре свиньи.

К каменному зданию, образуя внутренний двор, примыкала старая деревянная постройка длиной 21 ½ сажени, шириной в одном конце — 4 сажени 2 аршина, в другом — 3 сажени. Скорее всего, это был большой каретный сарай, где стояли зимние сани с кибиткою, маленькие сани «с порезами», а также обычные телеги. Кроме того, здесь хранились бороны, косы, хомуты и прочее. Двор был вымощен деревянной мостовой, а посередине него находились колодец и большой железный котёл¹⁴. Оба здания — каменное и деревянное — чётко показаны на плане 1817 года.

В некотором отдалении от хозяйственных дворов, справа от дороги в деревню Жадова, на этом плане показана большая постройка. Это деревянная, крытая тёсом рига, в которой для сушки снопов имелись две кирпичные печи, и для получения зерна две машины — молотильная и веяльная. А ещё дальше за ригой стояла ветряная мельница «об одном поставе», где мололи не только господское, но и крестьянское зерно. Мельница на этом месте стояла и в XVIII веке. Она показана на планах 1778 и 1817 годов.

На Малом Волховце у деревни Жадовой для перевоза на другой берег име-

лись три плота — один новый, с канатом при нём, и два старых, да ещё большая лодка и две малых¹⁵. Перевоз на Малом Волховце показан на плане 1817 года. Он традиционно находился на этом месте с древних времен, впервые упоминается в Писцовой книге 1580-х годов.

В описании поместья 1819 года ничего не говорится о кирпичном заводе, хотя его сооружения с водоёмом, необходимым для изготовления кирпичей, показаны на плане 1817-го. В екатеринское время, к которому относится, видимо, устройство Великопольской усадьбы, большие каменные здания в загородных поместьях могли возводить лишь богатые представители дворянства. Таковыми, очевидно, являлись и Минихи — основатели усадьбы. Чтобы не возить на крестьянских лошадях и телегах кирпич из господских заводов — а это было весьма дорого и долго — нередко в усадьбе сооружали свой кирпичный завод. Такой кирпичный завод в Великополье позволил возвести несколько больших каменных строений, в том числе и хозяйственных.

Хозяйство Великопольского поместья было натуральное: за небольшим количеством бакалейных товаров, всё остальное, начиная от продуктов питания и кончая сукном, льняным полотном и прочими материалами, производилось в хозяйственной части усадьбы, выращивалось в огороде и саду или было сбором с крестьян. Хлеб — свой, мука для него — со своей же мельницы. Из птичьей для барского стола поставлялись свежие куриные яйца и молодые цыплята, которых обычно предпочитали господа, а из молочной — молоко,

сливки для чая и кофе, а также творог, сливочное и русское (топлёное) масло. Обычно специально для господ коровницами выпаивались телята. Тогда считалось, что говядина слишком грубая пища. Овощи и фрукты поставлялись из собственного огорода, сада и оранжереи.

Конечно, Сперанский, имея столичные привычки, не довольствовался только продуктами и материалами поместья. Так, он заказывал через Масальского прислать ему с обозом 300 бутылок портвейна «доброго», чтобы иметь запас на зиму для себя и для гостей. Просил он также отправить в деревню и два бочонка хороших сельдей. Для любимой Лизы присылали конфеты и фрукты. Сперанского не устраивал местный холст, и он просил Масальского приобрести для простыней широкое ярославское полотно.

* * *

А теперь, обойдя усадьбу, вернёмся к господскому дому. Мысленно перенесёмся в 1814—1816 годы, когда здесь жил ссыльный Сперанский, и, представив себя среди гостей, войдём через парадный вход в дом.

Судя по описанию 1819 года, внутренняя планировка здания была, скорее всего, продольно-осевой, что характерно для усадебных домов 1770-х годов. Кабинет, библиотека и часть комнат первого этажа, а также парадные комнаты второго этажа — зала, гостиная, столовая, объединённые анфиладой, располагались у фасада, обращённого к реке. В доме насчитывалось 18 комнат и два «нужных места». Комнаты

Михаил Михайлович
Сперанский

отапливались печами, покрытыми изразцовыми плитками, в двух помещениях имелись камины.

Пройдёмся по комнатам, осмотрим их убранство и познакомимся с повседневной жизнью обитателей.

Главным помещением первого этажа был кабинет самого Михаила Михайловича, который служил и его спальней. На стенах картины и эстампы на холсте в рамах с изображением «Спасителя», «Святого семейства», «Страданий Господних» и «Смерти Сократа». Мебель в основном красного дерева. В центре комнаты — письменный стол. У стены — бюро и к нему табурет, обитый зелёным сафьяном. У другой стены — кушет с зелёным сафьяновым матрасом и подушками. Здесь отдыхал

хозяин кабинета. Возле кушета — ночной столик с мраморной доской и большая «о пяти рамах» ширма, обтянутая тафтой. Ширма — непременный атрибут при анфиладном расположении комнат: она защищала от сквозняков и создавала уединение. И ещё в кабинете стояли два шкафа, украшенные маленькими картинками из мозаики и шесть стульев с камышовыми решётками. Предметом роскоши и уюта здесь был камин. Стекланные створчатые двери вели из кабинета в сад. Просыпался Михаил Михайлович рано. Приходил камердинер Лаврентий, помогал одеваться. Затем — чашка чёрного кофе, и барин садился за книги или занимался «экономией», проверял счета, принимал старосту Василия Тимофеева, приходившего из деревни Жадовой, где у него был свой дом с большим хозяйством. Они с баринном обсуждали предстоящие работы.

Атмосфера соседней комнаты, служившей библиотекой, располагала к занятиям. Она была меблирована двумя письменными столами красного дерева, кушетом, обитым фабричным клетчатым тиком, тремя ширмами, одна из которых — с узорчатыми стёклами. Здесь стоял шкаф с книгами, среди них были дорогие издания в красном сафьяновом переплёте — Делиль, Монтескьё. На стене висела чёрная гимназическая доска. В этой комнате имелись образ преподающего Саввы Вишерского и картина, изображающая семейство Авраама. Здесь «вишерский пустынный», как называл себя в уединении сам Михаил Михайлович, занимался образованием дочери Елизаветы, которой в ту пору было 14 лет. Отец давал ей уроки словес-

ности, Слова Божия, французского языка. Михаил Михайлович также следил за кругом чтения дочери. Он боялся, чтобы какой-нибудь «нечистый воздух» не потревожил её «детского сна», поэтому некоторые книги убирал до времени.

«Полезнейшим временем бытия моего я считаю время моего несчастья, и два года, которые я посвятил тебе», — позднее писал Сперанский в письме к дочери¹⁶. Елизавета Михайловна также считала два года, проведённые с отцом в Великополье, лучшими годами своей жизни.

Большая угловая комната предназначалась, очевидно, для отдыха и развлечений. Здесь имелись уютный диван под выбойчатым чехлом и четыре кресла под такими же чехлами, комод, три раскладных ломберных стола для игры в карты и дамский столик для рукоделия.

А теперь, минуя личные комнаты Кузьмы Михайловича, госпожи Элизабет Стивене и камердинера, по парадной лестнице с чугунными перилами поднимемся на второй этаж и, пройдя через переднюю, окажемся в комнате с каминном — приёмной. Из неё створчатые двери ведут в столовую.

В столовой на стене — образ святителей Афанасия и Кирилла. В центре — большой раздвижной стол, вокруг — решётчатые стулья, в простенках — три небольших столика и ещё буфет-горка, и ширма «о трех рамах». Во время трапез стол застилался скатертью и сервировался фарфоровым сервизом, столовым серебром, хрусталём. Для освещения на стол ставились жирандоли (подсвечники). Когда за окнами темнело, и в столовой зажигались свечи, золочё-

Елизавета Михайловна Сперанская
(Фролова-Багреева)

ная бронза светильников в сочетании с хрусталём и цветным стеклом создавала незабываемое впечатление.

Кушанья к столу приносились через чёрный вход из флигеля, где находилась кухня. Блюда готовились по установленному Михаилом Михайловичем порядку. Предпочтение отдавалось рыбе. Повара Платона Сперанский очень ценил и потом, находясь в Пензе, желал, чтобы Лиза и Марья Карловна оставили его у дел. В описываемый период за столом собиралась вся семья, состоявшая из Михаила Михайловича, его тещи госпожи Стивене, младшего брата Кузьмы Михайловича, дочери Елизаветы, сына госпожи Стивене — Франсиса, няни Беллы и её племянницы Сары Бенсон. Нередко бывали и гости. Их ждали.

После обеда переходили в соседние со столовой комнаты — залу и гостиную. Они располагались в ряд, соединяясь створчатыми дверями. Окна выходили в парк, поэтому в них было много света и воздуха.

В зале — образ Архангела Михаила, выполненный из резного дуба. В простенках — столики из красного дерева с мраморными досками. Диван, стулья и кресла обиты чёрной волосяной материей. Напротив дивана — большой овальный стол. И ещё имелись две ширмы — обычная принадлежность комнат того времени. В зале стояло фортепиано. Здесь бывали настоящие домашние концерты. Госпожа Элизабет Стивене была артистичной натурой: она играла на арфе, хорошо пела. Сам Михаил Михайлович с удовольствием пел с дочерью.

В гостиной в простенках — зеркала с подстолями из красного дерева, как, впрочем, и вся остальная здесь мебель. Напротив окна — кушет, и перед ним — большой овальный стол. Вероятно, потолки зала и гостиной были расписаны. Эти парадные помещения украшались экзотическими растениями в кадках и тепличными цветами.

Дом был большой, и для его освещения требовалось множество свечей. *«У меня такой расход сальных свеч и так они дороги, что не успеешь покупать; а лампа одна заменяет их десяток»*, — сетует Михаил Михайлович в письме к Масальскому и просит его прислать лампы из петербургского дома¹⁷.

Спальня Лизы и все следующие за ней комнаты — женская часть дома. В спальне мебель из красного дерева.

Над кушетом, обитым зелёным сафьяном, маленький деревянный резной крест. Возле кушета — ночной столик. Комод с семью ящиками, конторка, ручкодельный стол в простенке и ещё два небольших стола — такова обстановка этой комнаты.

Летом над кроватями, кушетками и диванами, где спали, вешали балдахины от комаров, «коих здесь у нас по ночам очень много». По просьбе Лизы Михаил Михайлович заказывал Масальскому *«прислать с портным аршин сорок или пятьдесят серпянки простой белой: это род толстой нитяной кисеи русской в три четверти аршина шириною, из которой делаются занавесы от комаров...»*¹⁸.

К спальне примыкала туалетная комната, или будуар. На стене зеркало в раме красного дерева, под ним туалетный столик с ящиком. Здесь Лизины украшения, гребни, ленты, шнурки и прочее. Михаил Михайлович никогда не жалел денег на наряды дочери. Правда, в письме от 6 января 1815 года Масальскому, который прислал в подарок Лизе бархат, он пишет: *«...право, это слишком великолепно. Лиза должна привыкать к большей простоте и умеренности»*¹⁹. Но в душе он счастлив, что дочь радуется подарку, и сам был рад баловать её. *«Бархат и цветом и добротою прекрасный. Лиза веселится им и смотрит на него пять раз на день»*, — добавляет Сперанский в том же письме²⁰.

Рядом с туалетной комнатой находится девичья. Елизавета была в доме хозяйкой над своими дворовыми девушками или, как шутливо называл их Сперанский, «фрейлинами». Главной среди

них была Агафья. Жизнь Лизы состояла не только в занятиях с отцом. Она, как и другие дворянские девушки, любила рукоделие. У неё всегда было в избытке материй, ниток, канвы, образцов для шитья. В девичьей шили, вязали, вышивали. Дочь крестьянина Павла Прокофьева из деревни Жадовой, Акулина, была отдана в Петербург в золотошвейное учение. Михаил Михайлович прививал Лизе хороший вкус не только к книгам, музыке, но и к одежде. *«Истинно добрый вкус состоит в умеренности и гармонии...»*, — советовал он в письме дочери²¹.

В описи 1819 года содержатся интересные сведения о разных сторонах жизни и быта дворовых людей и крестьян Великопольского имения. На момент составления описи, когда Сперанские уже не жили в усадьбе более двух лет, дворовых людей числилось 15 душ. Только у троих человек указаны дети. Среди дворовых значились староста, смотрительница за скотом и птицей, кухарка для людей, портной, садовник,

кучер, три скотника, пастух, работник при комнатах.

Дворовые люди, помимо хлеба, довольствовались в скоромные дни маслом и молоком со скотного двора, а в постные — капустой, картофелем, огурцами и редькой со своего огорода. К этому ещё покупались для них сухие снетки и постное масло. Дворовые также получали одежду и обувь. Так, в 1819 году им на одежду было выдано 96 аршин рубашечного холста, 52 аршина порточного, 45 аршин мешочного, а на верхнюю летнюю одежду 17 аршин сукна и 50 аршин сарги. Все ткани своего производства. Кроме того, все дворовые люди получали месячное господское жалованье по 2 рубля, а садовник по 3 рубля и староста по 6 рублей. И ещё «приближеннейшим» барин дарил в дни именин по 25 рублей²². Такое отношение к крепостным вызывало удивление и неодобрение соседних помещиков, которые считали это неуместным баловством.

¹ Писцовые книги Обонежской пятины XVI в. СПб., 1999. С. 154.

² Корф М.А. Жизнь графа Сперанского. СПб., 1861. Т. 2. С. 95.

³ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 560. Оп. 1. Д. 143. Л. 2 об.

⁴ План 1778 г. хранится в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА). Ф. 1354. Оп. 280. Д. В-6(с). Копии деталей этого плана предоставил И.Ю. Анкудинов.

⁵ Секретарь Л.А. Дома, события, люди: Новгород. XVIII — начало XX вв. Великий Новгород. 1999. С. 218, 220.

⁶ Петр Михайлович Бестужев-Рюмин и его новгородское поместье // Русский архив. 1904. № 1. С. 20-41.

⁷ План 1817 г. хранится в РГИА. Ф. 380. Оп. 16. Д. 1673. Л. 3. Копия деталей этого плана представлена И.Ю. Анкудиновым.

⁸ Корф М.А. Указ. соч. Т. 2. С. 94.

⁹ РГИА. Ф. 379. Оп. 1. Д. 256. Л. 27-29.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. Л. 30 об., 33.

- ¹² Дружеские письма графа М.М. Сперанского П.Г. Масальскому. СПб., 1862. С. 76.
¹³ Там же.
¹⁴ РГИА. Ф. 379. Оп. В. Д. 256. Л. 31–32 об.
¹⁵ Там же. Л. 115.
¹⁶ Сперанский М.М. Письма к дочери / сост. Н.В. Кукуанова. Новосибирск, 2002. С. 39.
¹⁷ Дружеские письма графа М.М. Сперанского П.Г. Масальскому. СПб., 1862. С. 59.
¹⁸ Там же. С. 84–85.
¹⁹ Там же. С. 58.
²⁰ Там же.
²¹ В память графа Михаила Михайловича Сперанского. 1772—1872. СПб. 1872. С. 579.
²² РГИА. Ф. 560. Оп. 1. Д. 143. Л. 87, 88, 93.

Продолжение следует

Опубликовано:

Филиппова Л.А., Сперанская И.Н.

М.М. Сперанский в новгородской ссылке.

Великий Новгород, 2014. С. 48–65.

Алексей Востров

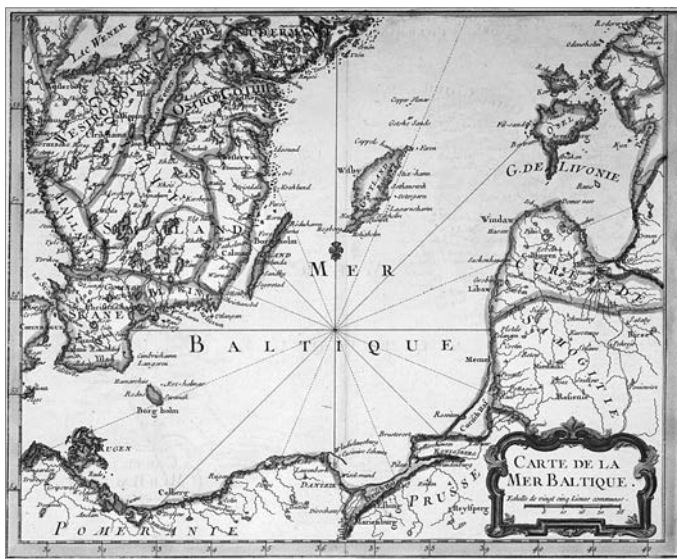
НЕСПОКОЙНАЯ БАЛТИКА

*Карельские и финские земли
во времена Северных крестовых походов*

Археологические находки свидетельствуют об оживлённых контактах между древнерусскими землями и Биркой — торговым поселением эпохи викингов 800—1025 годов в долине Меларен на острове Бьёркё. Оно возникло в середине VIII столетия рядом с Хельгё¹ и вскоре полностью вытеснило старый центр региона. Начало походов викингов вряд ли случайно совпало с изменением в международной торговле,

когда Средиземное море после арабской экспансии перестало быть безопасным, что потребовало новых торговых путей.

Свеи и готы, обитавшие вдоль центрального побережья современной Швеции, двигались в основном в восточном направлении, а жившие в южных швед-

Балтийское море

ских землях — в западном. Судя по археологическим находкам, некоторые аландцы принимали участие в восточных походах викингов — и в целом их было больше, чем представителей финских земель. Так, в Любшанское городище, в двух километрах от современной

¹ Первое поселение устойчивого неаграрного характера с отчётливо выраженными ремесленно-торговыми функциями на озере Меларен на территории Швеции; расцвет пришёлся на 400—700 годы, существовало до начала XI века.

Старой Ладogi, конца VII — первой половины VIII столетия прибыли скандинавы, предположительно с Аландских островов.

Торговые дороги викингов включали в себя знаменитый путь «из варяг в греки», поэтому Аланды наряду с южным финским побережьем использовались как перевалочный пункт по пути из Бирки до (Старой) Ладogi², основание которой археологи относят к 753 году,

Драккар

а первое упоминание в скандинавских сагах — к 862 году при утверждении Рюрика в Великом Новгороде. Первый вариант пути проходил через северное побережье Финского залива³, далее по Вуоксе — в Ладogu и реку Волхов, но позднее маршрут несколько видоизменился: по Финскому заливу до устья Невы и затем в Ладogu. Одной из возможных иллюстраций контактов Бир-

ки и финского берега стали торговые места, которые получили аналогичное центру земель свеев шведское именование *Björkö*. Шесть подобных топонимов можно встретить в Юго-Западной Финляндии, один — на Аландах, а также один близ Выборга — современный Приморск.

После усиления русских земель и образования в конце IX века древнерусского государства, центр набегов викингов

сместился к северу Балтийского моря, так как воины специализировались на торговле рабами, которых обычно захватывали на наименее защищённых берегах. Население в этих случаях пряталось в укреплениях или покидало близкие к морю территории: в результате прибрежные Нюланд, Карелия, большая часть эстонского северного берега и остров Дагё (эст. *Hiiuаа*, Хийумаа) стали малонасе-

лёнными или частично опустошёнными. Если же набеги осуществляли племена, обитавшие вдоль восточного берега Балтийского моря или в близлежащих регионах, то они охотились за людьми и пушниной — основными источниками благосостояния в Скандинавии. Считается, что опустошение Бирки и, позднее, Сигтуны в XII веке связано именно с этим видом пиратства.

² Древнесканд. Альдейгьюборг, *Aldeigjuborg*.

³ Это подтверждает и ареал распространения вероники колосистой (*Veronica spicata*), которую невольно перевозили викинги на своих кораблях из Швеции.

После упадка Бирки из-за заиливания Сёдертальского пролива и появления больших судов с более глубокой осадкой торговля в регионе Балтийского моря сместилась к Готланду, а роль центра управления и торговли свейских земель перешла к новому городу Сигтуна, расположенному в том же регионе Меларен. Проложенные несколько столетий назад торговые пути связывали его с восточным побережьем Балтийского моря и русскими землями, со славянским Поморьем, Германией и Данией. В XI—XII веках Сигтуна была известна далеко за пределами страны: Адам Бременский неоднократно называл её *Civitas magna Sictone* («Город великий Сигтуна»).

Основным для нового города стало восточное направление: Сигтуна являлась центром торговли материковой Швеции с Великим Новгородом, Финляндией, Карелией, Эстонией и Ливонией, а также посредником в обмене товарами между русскими и западными землями. Непосредственно на этом торговом пути находился Аландский архипелаг, удобный с точки зрения мореплавания: небольшие торговые корабли обычно ходили вдоль береговой линии. Неудивительно, что в Сигтуне в XII веке находился русский двор с постоянно проживавшим торговым людом.

Первым королём свеев называют Эрика Победоносного (коронован около

985 года), а его сын Олаф Шётконунг (по прозвищу «Сборщик налогов») включил в состав нового королевства внутренние земли Гёталанда⁴. Ближе к 1000 году образовалась «объединённая Швеция», которая начала рассматривать христианство как удобную религию власти и торговли. Король Олаф предположительно был крещён в 1008 году в источнике Вестерготланда, тем самым избрав новый путь развития государства⁵.

Постепенно католическая церковь обрела реальную силу, воздвигая соборы, приходские церкви и организовывая монастыри. Поначалу шведская епархия подчинялась Бременскому (Гамбургскому) архиепископству, но с 1104 года Скандинавия стала самостоятельной церковной провинцией с архиепископством в Лунде провинции Сконе, в то время принадлежавшей Дании. С 1164 года Швеция приобрела статус особой церковной провинции с центром в Упсале, куда ранее была перенесена из Сигтуны резиденция епископа.

Основной причиной устранения влияния Бременского архиепископа являлась борьба между папской властью и Германской империей. Бремен входил в сферу влияния германского императора, а Рим хотел полностью контролировать северные земли, выгодные с точки зрения торговли и дальнейшей экспансии на восток. Этому активно противодействовала политика германской

⁴ Считается, что Сигтуну основал один из двух указанных королей.

⁵ История древних русско-шведских политических связей наглядно иллюстрируется временем правления Ярослава Мудрого. Одной из форм контактов стали династические браки, самым известным из которых является брак Ярослава и дочери Олафа Шётконунга — Ингигерд. Исследования российских историков основываются на зарубежных источниках, так как в отечественных летописях информации об этом браке нет.

колонизации Балтики и зарождавшаяся торговая гегемония под управлением Ганзы, время расцвета которой пришлось на 1200—1500 годы.

Упсальское архиепископство включало епископский стол в Линчёпинге, к которому также относились острова Готланд (на особых условиях), Эланд и, возможно, Аланды. Регион с центром в Линчёпинге поддерживал идею монархии и традицию епископской миссионерской деятельности более выражено, чем Уппланд. Этому способствовала такая географическая особенность, как длинная береговая линия Балтийского моря. Регион стал действовать как база распространения христианства и колонизации Аландов, Эстландии и Финляндии.

Кто стал в 1187 году виновником разрушения Сигтуны, политического и торгового центра шведских земель, до сих пор остаётся загадкой. Из шведских анналов в редакции XV века и летописных хроник, самая ранняя из которых «Хроника Эрика» принадлежит первой половине XIV века, известно, что поход предприняли язычники. В некоторых других текстах они уточняются как карелы, эсты (имеются в виду не только эсты, но курши и финны), руссы.

Историк-медиевист И.П. Шаскольский считает, что наиболее вероятным организатором целенаправленного, не стихийного, похода являются карельские племена, активные в районе Балтийского моря в XII — первой половине XIII века. Например, в ответ на шведские походы 1142 и 1164 годов на Ладогу они в 1143, 1178 и 1191 годах атаковали земли эми (тавастов), шведские владения

в Финляндии и остров Готланд. Участие в походе 1187 года, вероятно, принимали также новгородские войска или, по крайней мере, поход мог инициировать-ся Новгородом, который имел торговые интересы в Балтийском море и конкурировал здесь с Сигтуной, а также спорил с последней за влияние в финских землях. Это косвенно подтверждает поход новгородцев в земли тавастов, состоявшийся годом ранее, который предпринимался с целью ограничения шведского влияния, но в котором карелы не участвовали.

Самой правдоподобной видится следующая версия: новгородцы, имевшие тесные торговые контакты со Швецией, не хотели их прерывать и направили на Сигтуну карел и, возможно, эстов. Но шведы догадывались об истинных организаторах похода, и поэтому новгородские купцы сразу же были брошены в тюрьму на Готланде и в других шведских городах. В ответ новгородцы прервали торговые отношения — новый договор был заключён лишь в 1201 году.

Внутриполитическая обстановка в Швеции в конце 1180-х годов благоприятствовала успеху нападавших. В стране развернулась острая междоусобная борьба, в которой участвовали король Кнут Эрикссон и сыновья короля Сверкера I. Именно после Сигтунского похода Кнут Эрикссон построил на Стокгольмском острове сторожевую башню, что стало предвестником будущего города и шведской столицы.

Следствием междоусобицы, приведшей к упадку шведского государства, можно считать военный поход новгородцев 1198 года, во время которого был

сожжён недавно основанный город Або (совр. Турку), что поставило на грань существования всю шведскую колонию в финских землях. Как следствие престол католической церкви в Финляндии пустовал почти два десятилетия — вплоть до 1218 года, когда епископом стал каноник из Уппсалы англичанин Томас. Он сумел включить пограничное племя — «яблоко раздора» между шведами и новгородцами — в сферу влияния католицизма.

Дания оставалась ведущей державой Балтийского моря до крушения в 1220-х годах германскими силами, поэтому аландский историк М. Дрейер считает, что Аланды были первоначально крещены данами и входили в круг их интересов. Эту версию как будто подтверждают средневековые датские морские маршруты. Один из них, описанный в 1219 году, шёл из Архольма (близ Капельшер) до Лембёте (близ Мариехамна) на Аландах с продолжением до Архипелага Турку; другой путь также проходил через Аландское море — из Вэддэ через Сигнильшер до Эккерё — и использовался ещё в доисторические времена. Кроме того, из датского документа второй половины XIII века, в котором описывается маршрут из датских земель в Ревель, известно, что древний путь проходил вдоль шведского побережья, пересекал Аландское море и через южную часть Аландского архипелага шёл к финскому побережью и мысу Порккала, откуда дальше сворачивал на Ревель.

Аланды, воспринимавшиеся с раннего Средневековья как промежуточная остановка при движении на восток до

побережья Финляндии, являлись частью миграционных путей, вне зависимости от того, произошло опустошение архипелага в XI столетии или нет. Военные походы в восточном направлении, повлёкшие за собой Крестовые, несомненно, затронули Аланды, но не истожили их население. Вплоть до начала XIII века архипелаг оставался процветающим краем с достаточно плотным населением. Можно предположить, что Аланды получали прибыль от транзита многочисленных кораблей: археологические находки XII—XIII веков подтверждают гипотезу про состоятельное и многочисленное население, однако в письменных источниках того времени встречаются Аланды чрезвычайно редко.

Основная историческая версия указывает, что после опустошения архипелага (большого или малого) новые колонизаторы появились здесь за несколько десятилетий до Первого Крестового похода в Финляндию (обычно датированного 1157 годом) под руководством короля Эрика III. Поход привёл к образованию новой колонии в финских землях, наречённой «Новой землёй» (шв. *Nyland*, фин. *Uusimaa*) с центром в Або. Первым актом крещения финнов стали легендарные события у ключа Купитса (*Kupitsa*), находящегося в современном районе Купиттаа в Турку. Из этой версии следует, что Аланды как база для продвижения на восток были крещены шведами раньше Финляндии — не позднее второй половины XII века. Косвенным подтверждением являются хроники, в которых отмечается, что во время похода 1170 года в отдалённую часть

Балтийского моря даны короля Вальдемара высадились на острова Оландия (*Olandia*)⁶ и обнаружили там шведоязычное крещёное население.

Вне зависимости от порядка крещения архипелага остаётся открытым вопрос об управленческой связи Аландов: либо с Данией (через Эстерготланд), либо со Швецией (через Вестерготланд), продолжительное время соперничавших за господство на Балтике. Папская булла 1209 года показывает, что Рим всё ещё рассматривал Финляндию как поле для миссионерской деятельности. В булле даётся поручение назначить епископа в финских землях Лундскому архиепископу, находившемуся в сфере влияния данов, что подсказывает возможную управленческую связь.

Кульминацией датского влияния в регионе Балтийского моря стал поход в Эстляндию в 1219 году и основание Ревеля (совр. Таллин). Возможно, огромный датский флот проходил через Аланды, что согласуется с упомянутым выше маршрутом. Однако начавшееся вскоре датско-немецкое противостояние, так называемый Балтийский кризис, подтолкнуло римскую церковь принять сторону шведского архиепископства, которое стало менее зависимым от датского влияния. Именно с этого момента началась активная шведская политика на Балтике, выраженная в целенаправлен-

ной колонизации финских и карельских земель. Уже в первой половине 1220-х годов шведские миссионеры добились значительного влияния в землях тавастов.

Балтийский кризис был вызван не только разногласиями в римско-католических общинах — немецких, датских и шведских — и собственной политикой папских властей, но и всё большим вмешательством русских князей в раздел сфер влияния на Балтике. Здесь можно вспомнить уже упомянутый поход 1198 года, а также большой поход новгородцев во главе с Ярославом Всеволодовичем зимой 1226—1227 годов в земли еми (тавастов), впервые повлёкший за собой целенаправленную миссию православных священников в Карелию: «...крести множество Корел, мало не все люди».

Крещение карельских племён и возросшее влияние Новгорода на земли тавастов (еми) после похода Ярослава Всеволодовича, а также успешные походы в Лифляндию вызывали сильное беспокойства Рима. Последнее иллюстрирует битва при Омовжи (эст. *Emajõgi*) зимой 1234 года, в которой рати Ярослава Всеволодовича разгромили войска Ордена меченосцев⁷. Успехам новгородцев способствовала особая политика в отношении новых территорий. В отличие от западноевропейских государств, новгородцы не требовали полного подчинения покорённых племён и поголовного

⁶ Альтернативной является гипотеза, что название Оландия относится к острову Эланд (*Öland*), и датчане высадились именно там. Однако к тому времени этот остров им был уже хорошо известен, а датский средневековый историк Саксо Грамматикус упоминает в хронике остров Оландия как доселе неведомый.

⁷ Существует версия, что описание рыцарей, проваливавшихся под лёд во время Ледового побоища, взято как легенда именно из хроники о сражении 1234 года, так как ранние источники, рассказывающие о знаменитой битве, не упоминают этот факт.

Торговые пути на Балтике в позднем Средневековье

крещения, а сохраняли традиционный уклад жизни и власть местных вождей, ограничиваясь лишь сбором дани. «Хроника Ливонии» Генриха Латвийского 1220-х годов отмечает эту особенность: *«Есть обычай у королей русских, покорив какой-либо народ, заботиться не об обращении его в христианскую веру, а о сборе дани и денег».*

Учитывая русские Крестовые походы и упорное сопротивление прибалтийских племён, папская булла, направленная в 1221 году епископу Томасу в Финляндию, указывала на необходимость решительных мер, чтобы помешать торговле крещёных купцов с язычниками. Под крещёными понимались торговцы из северо-германских городов (в первую

очередь Любека, Риги), Висбю (Готланд) и, возможно, Аландов, под язычниками — финны, карелы и емь. Восемь лет спустя папа Григорий IX в своей булле потребовал от Риги, Любека, Линчёпинга с Аландами и Висбю начать торговую блокаду Новгорода. Выполнялась ли блокада, неизвестно — скорее всего, нет, так как торговцы прежде всего преследовали свои интересы.

Успешное управление финляндской церковью епископом Томасом и папское благословение архиепископа Уппсалы от 1237 года позволило организовать Второй Крестовый поход⁸ под предводительством ярла Биргера, направленный против еми и, косвенно, новгородцев. Любекские хроники подчёркивают, что

⁸ Второй Крестовый поход в источниках датируется по-разному. «Рифмованная хроника Финляндская» И. Мессения относит поход к 1249 году (этой версии придерживается большинство отечественных исторических публикаций), однако во многих западных источниках фигурирует 1239 год.

именно Биргер подчинил Финляндию шведской короне — торговцы Любека ждали исхода этого похода. «Хроника Эрика» сообщала, что *rytza konungen mistit* — «русский король проиграл». Время похода было выбрано не случайно: русские княжества вели борьбу с ордами Батыея, а Новгородом правил молодой князь Александр Ярославич (1218—1263), постоянно конфликтовавший с местной знатью.

Балтийский фронт вновь переместился восточнее. В 1240 году свеи, финны и тавасты проникли в устье реки Невы, но потерпели поражение от дружины князя Александра Ярославича, получившего после этого сражения (или приграничной стычки?) титул «Невский». В следующем году папа призвал короля Норвегии Хокана IV напасть на язычников, а годом позже даны и немцы были побеждены новгородцами на льду Чудского озера. Попытки католической церкви проникнуть ещё восточнее были временно остановлены, однако борьба в Финляндии и Прибалтике продолжалась.

Неожиданный и сложный зимний поход Александра Невского по льду Финского залива в земли эми в 1256—1257 годах являлся ответной реакцией на католическую экспансию и поход шведов против корел в 1256 году. Цель похода держалась в тайне даже от новгород-

ских полков, и лишь в Копорье они узнали подробности⁹. Войско сопровождал митрополит Кирилл, задачей которого являлось укрепление православного влияния в водских и карельских землях. Хотя замок Тавастхус взять не удалось, войско дошло до границы с Норвегией, где и начались мирные переговоры с королём Хоканом IV. После этого похода шведская экспансия на восток замерла почти на четверть века.

Несмотря на военное затишье, купцы из разраставшегося Ганзейского союза, финансировавшие завоевания на Балтике, продолжали плавать хорошо организованными группами по проторённым торговым путям — через Готланд и Аланды на восток вдоль северного побережья Финского залива; через Аланды на север к устью реки Кумо (фин. *Kokemäenjoki*). Во время военных действий значение пути Любек — Аланды — река Кумо — Тавастланд увеличилось. Купцы продавали соль и оружие тавастам и карелам, которые, к слову, могли выступать против католической церкви.

Именно поэтому папская булла от 1275 года запрещала немецким и готландским купцам продавать в Карелии оружие и оружейные материалы — всю торговлю здесь контролировали новгородцы. Неудивительно, что в 60—70-е годы XIII века возник конфликт между

⁹ Существует несколько версий о причинах скрытности похода, являвшегося ответной мерой на военные действия против Пскова и Новгорода. Первая версия: Александр не знал, кто был инициатором набегов на новгородские земли — тевтонцы или емь (тавасты), и лишь в Копорье, встретив тевтонское посольство, узнал об этом. Вторая: Александр хотел «идти в емь» лишь с верными ему дружинниками (обстановка в Новгороде была достаточно сложной), поэтому сам отбирал их в Копорье, поставив перед фактом тяжёлого дальнего похода. Третья подразумевает стратегический манёвр, присущий военной манере князя: для неожиданности удара по эми, не предполагавшей возможности перехода через лёд Финского залива.

давними союзниками — карелами и новгородцами — из-за контроля торговли в карельских землях. Таким образом, шведско-немецкое торговое и политическое влияние здесь постепенно усиливалось, предвещая новый крестовый поход.

Новый виток борьбы за финские и карельские земли начался летом 1293 года, когда шведский военный предводитель Торкиль Кнутссон организовал поход на Карельский перешеек. Обратив местное православное население в католическую веру и основав крепость Выборг, он вынудил Новгород основать неподалёку крепость Корела для защиты своих рубежей. Третий Крестовый поход помог шведам установить влияние в карельских землях, перекрыв доступ с Финского залива к реке Вуоксе, и обозначил новую границу между Западом и Востоком. Позднее её укрепил Ореховский (Нотебургский) мирный договор 1323 года, разделивший, при непосредственном участии ганзейских купцов, сферы интересов Швеции и Новгорода.

Однако до заключения «вечного мира» состоялось ещё несколько военных столкновений. В 1300 году Торкиль Кнутссон совершил военный поход против Новго-

рода с целью захвата устья Невы: за одно лето на месте слияния Охты и Невы была построена крепость Ландскрона (в переводе со шведского — «Венец земли»). Ответный ход последовал незамедлительно: в мае 1301 года Ландскрона была взята новгородскими полками и полностью разрушена. Зимой 1310—1311 годов состоялся новый поход новгородцев в земли тавастов, вслед за которым финны и шведы несколько раз атаковали Ладогу. В отместку новгородские полки в 1318 году взяли Выборг, дошли до устья реки Ауры и сожгли Або...

Западнее древнего центра Финляндии новгородцы не ходили ни разу, что ещё раз подчеркивает особенности географического положения. Военный спор шёл лишь за земли карелов и тавастов, лишь частично затрагивая земли суми (финнов). Аландские острова изначально были частью западного католического мира, однако после окончания эпохи Северных крестовых походов все финские земли и часть карельских земель закрепилась за Шведским королевством. В дальнейшем — вплоть до XVII столетия — спор шёл лишь за приграничные Карельский перешеек и Приневские земли.

1. Адам Бременский. Деяния архиепископов гамбургской церкви. Книга I (62—64), Книга IV (121—122) // Из ранней истории шведского государства: первые описания и законы. М., 1999.

2. Кан А.С. Швеция и Россия в прошлом и настоящем. М.: РГГУ, 1999. 359 с.

3. Клинге М. Мир Балтики. Хельсинки: Отава, 1995. 176 с.

4. Коновалова И.Г., Мельникова Е.А. Древняя Русь в системе евразийских коммуникаций (IX—X веков). М.: Весь мир, 2018. 280 с.

5. Мейнандер Х. История Финляндии. Линии, структуры, переломные моменты. М.: Весь мир, 2008. 248 с.

6. Мелин Я. История Швеции / Я. Мелин, А. Юханссон, С. Хеденборг. М.: Весь мир, 2002. 400 с.
7. От потопных времен: Старинные финляндские хроники // Тексты Иоанна Мессения / пер. Я. Лапатки. СПб.: Гйоль, 2013. 322 с.
8. Римберт. Жизнеописание Св. Ансгария // Из ранней истории шведского народа и государства. Первые описания и законы. М., 1997.
9. Сакса А.И. Древняя Карелия в конце I — начале II тысячелетия н.э.: происхождение, история и культура населения летописной Карельской земли. СПб.: Нестор-История, 2010. 400 с.
10. Шаскольский И.П. Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII—XIII вв. Л.: Наука, 1978. 245 с.
11. Шаскольский И.П. Древний Таллинн на путях между Западом и Востоком // Цивилизации Северной Европы: Средневековый город и культурное взаимодействие. М., 1992. С. 29–36.
12. Шкваров А. Россия — Швеция. История военных конфликтов. 1142—1809 годы. СПб.: Алтейя, 2012. 576 с.
13. Dreijer M. Ansgars och Unnis Birka-rike // Fortid Og Nutid: tidskrift for kulturhistorie og lokalhistorie. København, 1989. S. 85–99.
14. Dreijer M. Det åländska folkets historia. I:1 Från stenåldern till Gustav Vasa. Ålands Kulturstiftelse, Mariehamn, 1983. 548 s.
15. Ilves K. The Kvarnbo Hall: Reconsidering the Importance of the Late Iron Age Åland Islands // The Journal of Island and Coastal Archaeology, № 13:3, 2018. P. 301–318.
16. Masonen J. Tracks, Paths and Roads. Infrastructure and Transport in Finland and the Baltic Sea Area from the Viking Age to Medieval Times (800—1500 AD) // Road Museum Reports. 1/1995. Helsinki: Finnish National Road Administration, 1995. 36 p.
17. Nording C.O. The location of «Birca» — The Missionary Station of Bishop Ansgar // Scandinavian Journal of History, Vol. 23, I. 1–2. 1998. P. 98–106.
18. Palmer A. Northern shores. A history of the Baltic Sea and its peoples. London: John Murray, 2005. 448 p.
19. Tarkiainen K. Sveriges Österland. Från forntiden till Gustav Vasa. SLS, Helsingfors, 2008. 334 s.

Андрей Игнатьев

ОФИЦЕРЫ РУССКОГО ФЛОТА — ЗЕМЛЕВЛАДЕЛЬЦЫ БОРОВИЧСКОГО УЕЗДА

Имена известных государственных деятелей — министров, сенаторов, губернаторов, чиновников и военных — землевладельцев Боровичского уезда, сохранились в статистических справочниках XIX и начала XX века¹. В этих списках немало родов, давших России морских офицеров: флота лейтенантов, капитан-лейтенантов, капитанов... Есть и фамилии тех, кто дослужился до высших военно-морских званий.

В настоящее время имена 22-х адмиралов, вице-адмиралов и контр-адмиралов Российского флота увековечены на мраморной плите памятника «Защитникам морских рубежей России», установленного в Боровичах.

Обратимся к записной книжке секунд-майора Лаврентия Исаковича Пустошкина 1785—1790 годов из библиотеки боровичского дворянина Фёдора (Фридриха) Яковлевича Мейснера². В ней содержится алфавитный перечень землевладельцев Боровичского уезда на 1787 год, с указанием членов их семей, также

имевших собственные поместья. Примечательно, что автор для обозначения местонахождения того или иного имения использует административное деление по погостам, что представляется удобным для исследования и позволяет переходить по карте уезда от одного погоста к другому. Стоит упомянуть, что в условиях административной реформы Александра II уезды Российской империи, в числе которых был Боровичский, разделились на волости. Сейчас это территории Боровичского, Мошенского, Хвойнинского, Любытинского (южной половины) и Окуловского (западного края) районов.

Открытие памятника «Защитникам морских рубежей России».
Фото А.А. Кочевника

К самой ранней группе морских офицеров относятся те, чьи имена вошли в первый том Общего морского списка, озаглавленного «От основания флота до кончины Петра Великого». С полной уверенностью можно считать боровичскими помещиками только двух морских офицеров, оказавшихся в этом томе, — Ивана Ивановича Аничкова и Семёна Ивановича Мордвинова. Другие же морские офицеры, современники вышеназванных, в лучшем случае являются предками и потомками боровичских помещиков-однофамильцев или же просто помещиками Новгородских пятин. Таковыми могут быть: Апрельвы Никита и Иван, Арбузов Алексей, Арсеньев Василий, Бараковы Макар и Тимофей, Бахтин Афанасий, Великопольский Михаил, Давыдов Пётр, Еремеев Никифор, Зиновьевы Иван и Пётр, Змеев Никита, Зыбины Александр и Василий, Колюбакин Алексей, Костюрин Алексей, Ладыгин Игнатий, Милюков Василий, Назимов Яков, Нелединский Пётр, Неелов Пётр, Палицын Василий, Полозовы Василий и Михаил, Путилов Даниил, Талызин Фёдор, Толбухин Гавриил, Языков Семён и некоторые другие. Все эти фамилии встречаются в списках боровичских помещиков XVI—XVIII веков. Такое большое количество морских офицеров из новгородской глубинки связано с тем, что при создании Навигацкой школы, а затем и Морского корпуса, царь Петр повелел именно новгородским и псковским дворянам отдавать своих сыновей в эти учебные заведения. Выбор объяснялся близостью к северной столице. Так или иначе, но уже среди первых русских морских офицеров (пер-

вый том морского списка по большей части состоит из иностранных моряков, которых брали для обучения морскому делу дворянских детей) немало дворян новгородского происхождения. Они редко достигали больших чинов и чаще всего становились лейтенантами и лейтенантами майорского ранга, хотя многие из них уже в 1716—1718 годах были гардемаринами, то есть выпускниками недавно созданного Морского корпуса в Санкт-Петербурге.

Обратимся к карте Боровичского уезда. В Петровском Борисоглебском Боровичском погосте, располагавшемся на правобережной части города Боровичи с прилегающими окрестностями, находилась усадьба морских офицеров, начинавших свою службу ещё при Петре Великом. В записной книжке Лаврентия Пустошкина имеется запись: «*Аничковы. В Петровском в Боровицком в селце Новоселицах: порутчик Иван Иванович — 64 души м[ужского] п[ола]*»³. В Книге генерального межевания Боровичского уезда, составленной в 1778—1785 годах, также есть описание усадьбы Новоселицы Новоселицкой волости, которая принадлежала тогда И.И. Аничкову. В Общем морском списке сохранились данные о двух Иванах Ивановичах Аничковых. Оба они — сыновья владельца этой усадьбы подполковника Ивана Кузьмича Аничкова, один из которых помечен «*Меньшой*». Коротко о службе И.И. Аничкова Меньшого: поступил на службу (1717 год), произведён в унтер-лейтенанты (1721 год), затем — в лейтенанты (1727 год), согласно новому штату стал называться «*лейтенантом майорского ранга*» (1733 год).

В конце 1730-х годов был переведён в Архангельский порт и вскоре назначен советником комиссариатской экспедиции⁴, вышел в отставку в 1750 году⁵.

Его брат, Иван Иванович Аничков, в 1716 году поступил в службу гардемаринном и был послан в числе других молодых офицеров в Венецию⁶. Об этом путешествии, которое длилось до начала 1720-х годов, сохранилось немало интересных фактов. Сохранился список гардемариннов, отправившихся по указу царя Петра Алексеевича в Венецианскую республику. В нём среди прочих 22-х имён находим: «Иван Аничков, сын Ивана и матери Анны, 20 лет».

Об этих первых в российской службе гардемаринах рассказал русский историк военно-морского флота Феодосий Фёдорович Веселаго: «При Петре Великом, кроме службы на нашем флоте, посылали Гардемаринов и за границу, и тогда Государь заботился о них как отец о детях. При учреждении Гардемаринов (в 1716 году), Он выбрал в число их на Ревельскую эскадру 20 человек из учеников Академии, а других из вновь явившихся недорослей. После крейсерства в Балтийском море, они пришли в Копенгаген, и плавали под Вице-Адмиральским флагом Государя, начальствовавшего четырьмя флотами: Русским, Английским, Голландским и Датским. По возвращении в Копенгаген (в сентябре) Государь собрал их на Своем корабле Ингеманланде, осмотрел и назначил 20 человек побогаче и знатных фамилий во Францию, для узнания службы на парусном флоте; 30 человек в Венецию, для изучения галерной службы, и 2-х в Амстердам для изучения такелажной работы, или точнее экипажмейстерска-

го дела. Каждому из выбранных, Государь приказал выдать, сверх жалованья, по 6 ефимков, и потом по приезде их в Амстердам, снова увидев их в самый новый год (1717), пожаловал еще «кормовых денег» по червонцу на неделю. Назначенные в Венецию отправились в феврале, получив на дорогу по 27 червонцев, сумму весьма достаточную. От которой за всеми расходами у них еще были остатки. По приезде в Венецию, они прямо поступили на службу и отправились в Корфу. Из посланных во Францию, 10 человек определены в Бресте на военный флот, Гардемариновскими чинами; а других 10, Конон Никитич Зотов, бывший тогда во Франции, отвез в Тулон. В Тулоне, некоторые из Гардемаринов, довольно долго слушали курсы в морских училищах; а большая часть служила на Французских, другие на Испанских, военных кораблях и сделали по несколько морских кампаний. За свою службу иные получили и офицерские чины. Через шесть и более лет, они по возвращению в Россию, выдерживали строгий экзамен, и почти все произведены прямо в унтер-лейтенанты»⁷.

Протоиерей, настоятель прихода святых жён-мироносиц в Венеции Алексей Ястребов в своём исследовании сообщает, для чего на самом деле царь отправил гардемарин в Венецию: «В это время правительство Республики через Беклемишева обращается к царю с просьбой о присылке "морских служителей", которые действительно были направлены в Венецию и участвовали в войне 1714—1716 гг.»⁸. По возвращении из-за границы И.И. Аничков служил в звании мичмана в гребном флоте до декабря 1732 года и вышел в отставку в том же звании.

Семён Иванович Мордвинов

Николай Семёнович Мордвин

Погост Никольский Великопорожский находился на левом берегу Мсты, немного выше Боровичей, где начинаются знаменитые мстинские пороги. В списке помещиков этого погоста находим имя Натальи Ивановны Мордвиновой (рождённой Еремеевой), адмиральши, жены знаменитого адмирала Семёна Ивановича Мордвинова (1701—1777) и матери ещё более знаменитого адмирала Николая Семёновича Мордвинова (1754—1845)⁹. В записной книжке Л. Пустошкина записано: «*Мордвиновы. Крестьяне в Великопорожском: вдова адмиральша Наталья Ивановна — 254 души (283 в других уездах). Всего 537 душ*».

Гардемарин Семён Мордвинов в 1716 году был отправлен во Францию для обучения навигации и возвратился в Россию только в 1722. Спустя два года

поступил к вице-адмиралу Томасу Гордону в качестве адъютанта и переводчика, в 1739 назначен советником комиссариатской экспедиции. С.И. Мордвинов неоднократно совершал рейсы до Архангельска, и в 1743 году назначается капитаном архангельского порта. Первые три части составленной им «Книги полного собрания о навигации» напечатаны в 1748 году, и это был уже не первый его исследовательский труд. В 1752 году Семён Иванович был определён советником Адмиралтейской конторы, а в 1754-м — в «комиссию по собранию морских узаконений». Звание контр-адмирала Мордвинов получил в 1757 году, в 1762-м был произведён в вице-адмиралы, спустя ещё два года — в адмиралы. Среди наград имел ордена Св. Александра Невского и Св. Андрея Первозванного¹⁰.

Его сын Николай Семёнович Мордвинов в 1802 году стал первым морским министром.

Согласно Книге генерального межевания, Мордвиновым принадлежали деревни Марьинское и Лазница Великопорожской волости. Крестьяне этих деревень до 1829 года принадлежали Александру Семёновичу Мордвинову, тоже морскому офицеру¹¹. По окончании Морского корпуса он был назначен к отцу флигель-адъютантом, в 1781 году стал поверенным в делах, а затем и полномочным министром в Генуэзской республике, а в 1783 получил чин генерал-майора. Замечательно, что и первый морской министр адмирал Н.С. Мордвинов некоторое время был землевладельцем Боровичского уезда, что подтверждается сохранившимся прошением в Боровичское духовное правление *«вотчины боровицкаго помещика Николая Семеновича Мордвинова деревни Марьинской от старосты Михаила Степанова и выборного Герасима Гаврилова с мирскими людьми»* (1801 г.)¹².

Продолжая историю флотоводцев-боровичан, перейдём к тем, чьи имена вошли во второй том Общего морского списка, имеющим подзаголовок «От кончины Петра Великого до вступления на престол Екатерины II», а также в третий–пятый тома, посвящённые морским офицерам, служившим при Екатерине Великой.

Погост Васильевский в Болонье был расположен на западном берегу озера Болонья: сейчас это окрестности деревни Перелучи Боровичского района. В Болонецком погосте числятся братья Лупандины: флота лейтенант Василий

Фёдорович и мичман Дмитрий Фёдорович¹³. В Боровичском уезде им принадлежало сельцо Чернец Перелучской волости и 10 душ крестьян¹⁴. Дмитрий Лупандин дважды ходил в эскадрах контр-адмирала Борисова и вице-адмирала Чичагова от Кронштадта до Ливорно и обратно, был в походах в составе эскадр контр-адмирала Повалишина, вице-адмирала Фондезина, бригадира Одинцова, бригадира Лежнева и вице-адмирала Козлянинова, участвовал в овладении Барезундским проходом и в Выборгском сражении.

Одним из первых морских офицеров Боровичского уезда был лейтенант Пётр Иванович Тормасов (владелицей записана его супруга, вдова Авдотья Пименовна). Пётр Тормасов поступил на службу в 1743 году, в 1755-м плывал из Кронштадта в Данциг *«для привоза ко двору венгерских вин»*, в 1757 году произведён в лейтенанты галерного флота и назначен командовать придворной яхтой¹⁵. Этой семье принадлежало старинное село Заозерицы — бывший центр Заозерецкого погоста, ряд деревень Перелучской волости и 262 души крестьян¹⁶. Их сын, генерал от кавалерии Александр Петрович Тормасов (1752—1819), знаменитый герой Отечественной войны 1812 года, в 1814 году будет назначен московским генерал-губернатором, а в 1816-м возведён в графское достоинство.

Среди помещиков Болонецкого погоста числится подпоручик Степан Лукич Поскочин, которому принадлежало сельцо Стрелка Перелучской волости¹⁷. Морскими офицерами стали его сыновья: Василий, Дмитрий и Иван. Капитан-командор Иван Степанович Поскочин

Иван Петрович Епанчин

Николай Петрович Епанчин

служил на Балтийском флоте, затем в эскадре бригадира Палибина ходил до Лиссабона, а в эскадре контр-адмирала Круза — до Английского пролива. В 1780-х годах был определён в галерный флот: «Командуя "военною галерою" "Ипуть", на которой находилась Государыня Императрица, плывал по Днепру от Киева до Кайдаков, и затем перешел в Херсон». Позднее участвовал в сражениях с турецким флотом на Лимане. При бомбардировании Очакова был ранен в левый бок и «за раню свезён в Херсон», участвовал в штурме Измаила. В эскадре вице-адмирала Ушакова перешёл из Севастополя в Архипелаг¹⁸, «участвовал при овладении островами Церigo, Занте и Кефалония, и по прибытии в Корфу имел сражение с французским 80-ти пуш. кораблем»¹⁹.

Погост Иванский, Никольский и Покровский на Волоке Держкове находился на правом берегу Мсты, ниже города Боровичи; там до сих пор на реке сохраняются песчаные отмели, препятствовавшие некогда судоходству, отчего и название «Волок». В Волоко-Держковском погосте было старинное землевладение помещиков Епанчиных. В 1787 году оно записано за титулярным советником Александром Яковлевичем, его супругой Марфой Дмитриевной, их дочерьми и сыновьями, среди которых лейб-гвардии сержант Пётр Александрович Епанчин — отец двух знаменитых помещиков Боровичского уезда, адмиралов Ивана и Николая Петровичей Епанчиных. В конце XVIII века этой семье принадлежало сельцо Тихотицы, несколько деревень и 63 души крестьян²⁰.

Оба брата окончили Морской кадетский корпус, служили на Балтийском море, ходили до Архангельска. Иван Петрович долгое время служил при Архангельском порте. В 1827 году Епанчины перешли в Средиземное море, участвовали в Наваринском сражении, за что оба были награждены орденами Св. Владимира 4 ст., французским орденом Св. Людовика и английским орденом Бани. За многолетнюю службу оба получили в 1830 году орден Св. Георгия 4 класса. В дальнейшем они станут кавалерами орденов Св. Анны, Св. Станислава, Св. Александра Невского с алмазными украшениями. Помимо успешного роста по табели о рангах, братьев Епанчиных отличает богатый список служебных должностей. В разное время Иван Петрович был участником комитета по составлению Морского устава, главным командиром Ревельского порта, председателем Морского генерал-аудитора, председателем Главного военно-морского суда. Николай Петрович станет директором кораблестроительного департамента Морского министерства, членом Адмиралтейств-совета. В 1865 году обоим будет пожалована бриллиантовая табакерка с портретом императора Александра II. Можно добавить, что у братьев-адмиралов был совсем не героический брат — Павел Петрович Епанчин, чиновник 14 класса, сын которого Алексей Павлович пойдёт по стопам знаменитых предков и станет адмиралом Российского флота. В Боровичском уезде ему принадлежали несколько усадеб Шегринской и Волоцкой волостей, а также дом в уездном городе Боровичи²¹.

Тимофей Гаврилович Козлянинов

В Волоко-Держковском погосте записан и флота капитан 1-го ранга Тимофей Гаврилович Козлянинов (1740—1798), будущий вице-адмирал, брат и отец которого, согласно списку 1787 года, владели имением в Бельском и Шереховском погостах. Тимофею Гавриловичу принадлежало сельцо Дубровка Волоцкой волости и 7 душ крестьян²². Козлянинов начинал свою службу на Балтийском море в 1750-х годах, ещё при императрице Елизавете Петровне. В начале правления Екатерины II оказался в числе офицеров, командированных для обучения в Англию, откуда в 1763—1764 годах «плавал в Восточную Индию и Америку». В 1765 году был послан в Голландию для осмотра портов, в 1770-м отправился в Архипелагскую экспедицию, «участвовал в сражениях при Наполи-ди-Романи и при Чесме»²³. В начале 1770-х годов его служба была связана с походами вице-адмирала

А.В. Елманова (1716—1778), который был женат на дочери боровичского помещика Горемыкина. Поэтому в записной книжке Л. Пустошкина, в списке землевладельцев 1787 года, есть имя Елмановой Катерины Васильевны, вице-адмиральши, владелицы сельца Кострицы Волоцкой волости и 46 душ крестьян²⁴.

Андрей Елманов происходил из тверских дворян, службу начал при императрице Анне Иоанновне на Балтийском море. В 1764 году был назначен главным командиром Казанского адмиралтейства. В составе эскадры адмирала Спиридова перешёл в Архипелаг, командовал сражениями с турецким флотом. *«По увольнении адмирала Спиридова, вступил в управление флотом в Архипелаге»*. В 1775 году прибыл с эскадрой в Кронштадт. На докладе об этом прибытии императрица Екатерина написала: *«Богу благодарение, вице-адмиралу Елманову спасибо»*²⁵.

В писцовых книгах Бежецкой пятины 1582 года подробно описаны землевладения помещиков Волоко-Держковского погоста Давыдовых. В конце XVIII века несколько усадеб Боровичского уезда принадлежало представителям этой фамилии: морских батальонов сержанту Фёдору Андреевичу — сельцо Греметицы и 10 душ крестьян; вдове капитана 2-го ранга Устинье Андреевны — сельцо Семёновское и 7 душ крестьян; вдове флота лейтенанта Наталье Фёдоровне — сельцо Коломенка и 19 душ крестьян; флота капитану 1-го ранга и кавалеру Андрею Борисовичу Давыдову²⁶ — сельцо Райцы и 70 душ крестьян²⁷.

Капитан 1-го ранга Андрей Борисович Давыдов участвовал в Кольбергской

экспедиции 1760—1761 годов, в эскадре контр-адмирала Елманова перешёл в Архипелаг, где находился до 1774 года. За безупречную службу был награждён орденом Св. Георгия 4 класса, и с тех пор стал в документах называться *«капитан и кавалер»*. Из этого рода вышел и контр-адмирал Василий Фёдорович Давыдов (1831—1897), правнук капитана 1-го ранга, владелец ус. Коломна Волоцкой волости, похороненный на погосте Никольской церкви села Волок²⁸.

В Петровском Боровичском погосте, помимо И.И. Аничкова, числится Михаил Иванович Оболянинов, флота лейтенант, совместно с женой Надеждой Захарьевной владел сельцом Орехово Новоселицкой волости и 19 душами крестьян²⁹. По окончании Морского корпуса Михаил Оболянинов, в 1767—1769 годах, занимался подготовкой будущих офицеров. В 1769 году на корабле «Азия», в эскадре вице-адмирала Андерсона, ходил от Кронштадта до Копенгагена и обратно. В 1778 году был командирован в донскую флотилию и *«для наблюдения за постройкою фрегатов находился при верфи Гнилая Тоня»*. Служил на Азовском море, уволился с чином лейтенанта флота³⁰. Его брат Даниил Иванович в 1767—1770 годах ежегодно ходил в Балтийском море, в 1770-м был произведён в мичманы и на корабле «Азия» в эскадре контр-адмирала Арфа перешёл из Кронштадта в Архипелаг. В 1771—1773 годах на том же корабле был в крейсёрстве с флотом в Архипелаге и в феврале 1773 года погиб при крушении корабля между Хио и Негропонтом³¹.

В списке боровичских землевладельцев находим имя и Ульяны Петровны

Клокачёвой, жены вице-адмирала, героя Чесменского сражения, Федота Алексеевича Клокачёва (1733–1783)³². Вероятно, знаменитый флотоводец был женат на боровичской помещице, девичья фамилия которой пока остается неизвестной. Вице-адмирал Ф.А. Клокачёв скончался в Херсоне от «моровой язвы» в ноябре 1783 года в возрасте 50-ти лет. Его хоронили «*по чумному обряду*» — без людных проводов, траурных речей, ружейного салюта. В похоронах участвовали лейтенант А.Ф. Клокачёв, его сын и адъютант, капитан 2-го ранга Ф.Ф. Ушаков, слуга адмирала, флотский священник и два морских служителя. У Федота Алексеевича было три сына — Алексей, Пётр и Павел. Все они стали военными моряками, но наибольших успехов добился старший, вице-адмирал Алексей Федотович Клокачёв (1768—1823). Он служил на Балтийском флоте, участвовал в Русско-шведской войне, был членом Адмиралтейств-коллегии, феоdosийским военным губернатором, генерал-губернатором Архангелогородской, Вологодской и Олонецкой губерний³³.

Погост Петровский на озере Пирос находился на юго-западной границе Боровичского и Валдайского уездов, сейчас это южная окраина Боровичского района. В записной книжке Л. Пустошкина обращает на себя внимание фамилия Аракчеевых. Дело в том, что Мария Ивановна Аракчеева (рождённая Гордеева) — представительница старинной фамилии землевладельцев Деревской пятины (в частности Пиросского погоста), вышла замуж за Василия Михайловича Аракчеева, помещика Вышневолоцкого уезда и родственника знаменитого графа Арак-

Алексей Федотович Клокачёв

чеева. В 1783 году Василий Михайлович был лейтенантом флота, а в 1787 году его супруга записана уже как капитанша³⁴. Аракчеевым принадлежали окрестности озера Пирос: сельца Яковлевское, Перья и Заполья и село Пирос.

Не менее любопытна фамилия помещиков Пиросского погоста Демидовых. Согласно списку 1787 года, владельцем села Прошково Хоромской волости был Алексей Иванович Демидов, морской артиллерии капитан 1-го ранга и кавалер, впоследствии генерал-лейтенант флота³⁵. Алексею Ивановичу и его супруге Елене Ивановне, рождённой Козляниновой, принадлежало довольно крупное имение, но, к сожалению, количество крестьян не обозначено; в дальнейшем их дети Дмитрий Алексеевич и Фёкла Алексеевна будут владельцами не менее двух сотен душ крестьян. Было бы соблазнительно предположить, что Дмитрий

и его сестра Фёкла имеют отношение к уральской фамилии Демидовых. На самом деле они происходят от Ивана Васильевича Демидова — священника церкви Преображения Господня в Песках, что находилась в Москве на Арбате. Правнук священника, боровичский помещик Алексей Иванович Демидов (1754—1826), был начальником морской артиллерии, с 1800 года — генерал-майор флота, служил при Адмиралтействе. В 1795—1797 годах был предводителем дворянства Новгородской губернии. Похоронен на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры в Санкт-Петербурге вместе с супругой Еленой Ивановой (1762—1800).

Дмитрий Алексеевич Демидов, их сын и наследник, родился в 1800 году, обучался в Морском корпусе, в 1815—1818 годах ходил на Балтийском море. Адмирал М.П. Коробка рекомендовал его Ф.Ф. Беллинсгаузену мичманом в первую Антарктическую экспедицию 1819—1821 годов. В своей книге «Двукратные изыскания в Южном Ледовитом океане и плавание вокруг света в продолжение 1819—1821 годов, совершенные на шлюпах "Востоке" и "Мирном"» Беллинсгаузен отмечает Д.А. Демидова как меткого стрелка и переводчика. Во время этого плавания был открыт и назван в честь Демидова мыс у острова Южная Георгия на карте Антарктиды. По возвращении из Антарктической экспедиции лейтенант Демидов возглавил командование бригам «Кэтти» и в 1824 году, по предписанию адмирала Ф.П. Литке, отправился на промер глубин в Белое море. В 1826 году в связи со смертью отца Дмитрий Алексеевич пе-

решил на береговую службу, а в 1832-м в чине капитана 2-го ранга вышел в отставку³⁶. Затем в 1853—1855 годах Демидов был предводителем дворянства Малоархангельского уезда Орловской губернии. В 1860 году ему принадлежали усадьба Прошково, несколько деревень Боровичского уезда и 185 душ крестьян³⁷.

Неподалёку от озера Пирос находилась усадьба Соминец, которой несколько столетий владели представители рода Токаревских. Один из последних — контр-адмирал Пётр Матвеевич Токаревский (1829—1903), по выходе в отставку постоянно проживавший в усадьбе и похороненный на погосте села Пирос³⁸. Он был произведён в гардемарины в 1846 году, крейсеровал в морях Балтийском и Немецком (устар. название Северного моря), в 1854 и 1855 годах в звании лейтенанта на корабле «Сысой Великий» участвовал в защите Кронштадта от нападений англо-французского флота. В следующие десятилетия ходил на пароходах между Петербургом и Кронштадтом, регулярно получая новые назначения, звания и награды. К концу жизни контр-адмирал Токаревский имел ордена Св. Станислава 2 и 3 ст., ордена Св. Анны 2 и 3 ст. и орден Св. Владимира 4 ст. с бантом.

Погост Богородицкий в Сопинах находился севернее Боровичей. В его границы входило и село Кончанское, известное именем полководца Александра Васильевича Суворова. Старейшие помещики Сопинского погоста — Бачмановы. В списке морских офицеров оказались: Андрей Маркович, флота капитан-лейтенант³⁹, владелец сельца Малиновец Десято-Пятницкой волости

и 16 душ крестьян; его брат Пётр Маркович, капитан 2-го ранга с 1766 года⁴⁰, владелец сельца Горушка Хоромской волости с сыном Иваном Петровичем, мичманом в 1787 году; Фёдор Иванович, капитан 2-го ранга⁴¹, владелец 40 душ крестьян, и Данила Фёдорович, флота капитан-лейтенант, с сыном, капитан-лейтенантом Иваном Даниловичем, владельцы 17 душ крестьян⁴² — совладельцы сельца Ровное Великопорожской волости; Никита Яковлевич, капитан 1-го ранга⁴³ — владелец сельца Зеленина и 32 душ крестьян; флота лейтенант Ульян Антонович и его сын морской артиллерии капитан-лейтенант Фадей Ульянович — владельцы сельца Дябово Кончанской волости и 42 душ крестьян⁴⁴. Список далеко не полный, поскольку перечислены лишь те, чьи имена записаны в книжку Л.И. Пустошкина. Многие из них имели сыновей и внуков, чьи судьбы оказались связаны с морской службой.

В Спасском Боровичском погосте, это левый берег города Боровичи с окрестностями, наиболее заметной морской фамилией были Скрыплеты. В списке помещиков 1787 года названы вдова Мария Фёдоровна Скрыплева и её сын Пётр Назарович (Назарьевич), владельцы сельца Горушки (впоследствии названной Скрыплетовой Горушкой) — небольшого имения, и 33 души крестьян⁴⁵. Их сын Павел Петрович и внук Константин Григорьевич станут контр-адмиралами.

Первым из известных нам морских офицеров этой фамилии был помещик Боровичского уезда Лев Гаврилович Скрыплев. В марте 1746 года он поступил в Морскую академию, спустя два года был произведён в гардемарины,

Скрыплев Константин Григорьевич

а в январе 1755 — в мичманы. Известны даты присвоения ему новых званий: 27 марта 1757 года — унтер-лейтенант, 22 мая 1762 года — лейтенант, 20 апреля 1764 года — капитан-лейтенант, 12 апреля 1770-го — капитан 2-го ранга. В 1770 году Лев Скрыплев служил в Азовской флотилии, в сентябре исправлял должность капитана Таганрогского порта. В кампанию 1774 года он командовал линейным кораблём «Вячеслав» в эскадре контр-адмирала И.Я. Барша и в 1776-м был уволен от службы в ранге бригадира⁴⁶.

Его двоюродный брат, Пётр Назарович (Назарьевич) Скрыплев, в 1769 году получил отставку в звании прапорщика по указу императрицы Екатерины Алексеевны. Из документа, составленного в 1815 году, когда умер Пётр Назарьевич, узнаём, что с его малолетними детьми

Павлом и Евгенией остался опекун, флота капитан-лейтенант Яков Фёдорович Тевяшев, а из наследства Павлу причитались «*в усадище Горушки дворовый человек Федот Никанов с женою Афро-синьей Семеновой с сыном Алексеем с дочерью Анною и в деревне Греблоше крестьяне*»⁴⁷. Таким образом, совладельцем боровичской усадьбы остался будущий контр-адмирал Скрыплев Павел Петрович (1797 — после 1856)⁴⁸.

Морскую славу фамилии продолжил его племянник, сын Григория Петровича, контр-адмирал Константин Григорьевич Скрыплев (1826—1900). В 1846—1852 годах он служил на кораблях Балтийского флота, а в 1856—1860 — старшим офицером корвета «Вол» на Балтийском, Северном, Средиземном морях и в Атлантическом океане. В составе экспедиции В.М. Бабкина в 1862 году Константин Григорьевич участвовал в гидрографических исследованиях западной части залива Петра Великого, затем в составе русской экспедиции к берегам Северной Америки, под командованием контр-адмирала А.А. Попова⁴⁹. Именем Скрыплева названы остров при входе в пролив Босфор-Восточный и маяк, установленный на нём в 1876 году.

Скрыплевы состояли в родстве с капитаном 3-го ранга Нармонским Степаном Петровичем, который совместно с супругой Марией Никитичной, урождённой Скрыплевой, имел несколько деревень в Хоромской волости и 87 душ крестьян⁵⁰. Степан Нармонский в звании лейтенанта был участником Кольбергской экспедиции 1760—1761 годов, командовал бомбардирским кораблём «Дондер». Он не только один из первых

морских офицеров-боровичан, но из числа немногих, кто вышел в отставку с чином капитана 3-го ранга⁵¹. У Степана Петровича было четверо внуков, имена которых следует упомянуть.

Мичман Александр Петрович Норманский в 1805—1808 годах на корабле «Св. Петр» перешёл из Кронштадта в Корфу, был в Адриатическом море, потом из Порто-Феррарио — в Тулон, оттуда в 1810 году возвратился берегом в Кронштадт и в том же году скончался⁵². Мичман Михаил Петрович Норманский в 1808 году на корабле «Эмгейтен» плавал в Финском заливе, в 1810 году на канонерских лодках — между Свеаборгом и Роченсальмом; в 1812 году на тех же лодках перешёл из Кронштадта, через Свеаборг, в Ригу и участвовал во взятии Митавы, в следующем году перешёл из Свеаборга, через Ригу, к Данцигу, участвовал в блокаде этого города и был убит в сражении под Вексельмюнде⁵³. Капитан-лейтенант Фёдор Петрович Норманский в 1804—1807 годах на корабле «Св. Елена» перешёл из Кронштадта в Корфу, на бриге «Летун» ходил в Средиземном море, на корабле «Св. Петр» — в Адриатическом, «*был в компании на тулонском рейде*», в 1813 году участвовал в трехкратном сражении с французами под Вексельмюнд⁵⁴. Их брат Дмитрий Петрович Норманский ходил в Балтийском море и Финском заливе, дослужился до капитана 2-го ранга⁵⁵.

Из потомственных дворян Боровичского уезда был контр-адмирал Семён Иванович Селивачев (1773—1831). Согласно геральдической справке, предок Селивачевых, Дмитрий Фёдорович Селивачев, «*по ввозной грамоте 1682 года*

владел недвижимым имением в Боровичском уезде Новгородской губернии; потомки его, владея наследственно предковским имуществом, служили Российскому Престолу в гражданской и военной службе». Согласно Книге генерального межевания Боровичского уезда 1778—1785 годов, Селивачевым принадлежало сельцо Васьково Хоромской волости. Из сохранившегося формулярного списка капитана 1-го ранга С.И. Селивачева узнаём, что в собственности его было не менее 40 душ в Боровичском уезде.

Георгиевский погост в Тельбовичах располагался восточнее города Боровичи, по дороге на Устюжну. В Тельбовском погосте с XVI века самым разветвлённым родом, владевшим чуть ли не половиной земли, были Лупандины. В списке помещиков 1787 года находим имя адмирала Ефима Максимовича Лупандина (1731—1812), тогда ещё флота капитана 1-го ранга и кавалера, владельца сельца Шастово и двух сотен душ крестьян⁵⁶. Будущий адмирал окончил в 1758 году Морской корпус. Его краткий послужной список таков: 1769 — капитан-лейтенант, 1774 — капитан 2-го ранга, 1779 — капитан 1-го ранга, 1783 — капитан бригадирского ранга, 1787 — капитан генерал-майорского ранга, 1793 — вице-адмирал, 1799 — адмирал. Участник войн Семилетней и Русско-турецкой 1768—1774 годов, с 1779 — капитан над галерным портом, с 1783 — капитан над Кронштадтским портом, с 1793 — генерал-казначей флота, с ноября 1800 года — в отставке⁵⁷.

Другим знаменитым представителем этой фамилии был контр-адмирал Василий Фёдорович Лупандин (1732—1779),

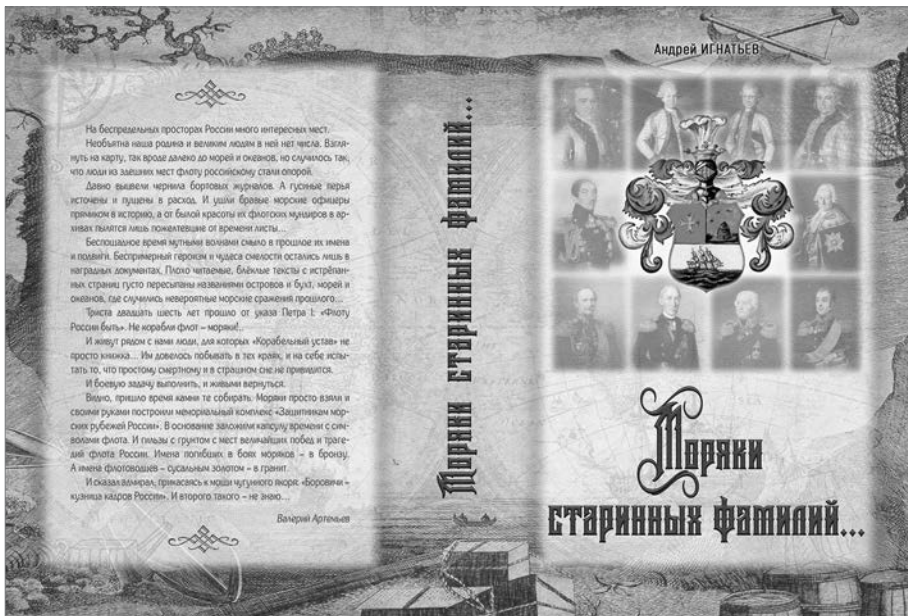
тоже помещик Боровичского уезда. Согласно книге генерального межевания, контр-адмиралу Лупандину в 1778—1779 годах принадлежали сельцо Репина Горка и деревни Коремера, Белевик, Милюхино и Засородье (Хоромская, Волоцкая волости). Из послужного списка известно, что до 1770-х Лупандин находился в северных морях, а затем служил на Чёрном и Средиземном, участвовал в легендарном Чесменском сражении⁵⁸.

Никольский Шегринский погост находился в западной части Боровичского уезда, на левом берегу Мсты. Согласно списку землевладельцев, некоторое время ус. Юрьево Шегринской волости принадлежала «капитанше» 1-го ранга Авдотье Ивановне Фёдоровой, купившей у Владимира Квашнина-Самарина 110 душ крестьян⁵⁹. Её супругом был морской офицер Николай Степанович Фёдоров (1745—1796), впоследствии контр-адмирал. В начале 1770-х он стал участником Морейской и Архипелагской экспедиций. В 1779 году Фёдоров, командуя фрегатом «Св. Евстафий» в эскадре контр-адмирала Хметевского, ходил в Северном океане до Норд-Капа, а в 1781—1782-х, командуя фрегатом «Лёгкий», *«нагруженным железом и пенкою, плавал от Кронштадта до Кадикса с коммерческою целью»*. Служил он при Морском кадетском корпусе, обучал морскому делу будущих офицеров. За участие в 18-ти морских кампаниях был награждён орденом Св. Георгия 4-й ст. В конце 1780-х участвовал в Эландском, Красногорском и Выборгском сражениях. В 1795 году был назначен главным командиром Астраханского порта и Каспийской флотилии⁶⁰.

На Шегринском погосте сохраняется могила генерал-майора флота Евгения Петровича Арцыбашева (1829—1902), владельца ус. Смешино Шегринской волости. Евгений Арцыбашев участвовал в Крымской войне, после чего служил в гвардейском экипаже: был старшим офицером императорской яхты «Штандарт». В 1880-х был начальником Петергофского порта и заведовал загородными судами императорской фамилии, имел множество российских и иностранных наград.

В конце XIX века были изданы 13 томов «Общего морского списка». В каждом томе можно найти представителей семей боровичского дворянства, зачастую потомков крупных землевладельцев некогда Бежецкой и Деревской пятин. Они принимали участие в важнейших событиях российской

истории и заслуживают, чтобы их имена сохранились в памяти потомков. В общей сложности в списке морских офицеров Боровичского уезда числились 14 мичманов, 46 лейтенантов, 77 капитан-лейтенантов, 39 капитанов 2-го ранга, 13 капитанов 1-го ранга, 4 капитана бригадирского ранга, 13 генерал-майоров, 2 генерал-лейтенанта, 2 капитан-командора, 13 контр-адмиралов, 9 вице-адмиралов и 9 адмиралов. Перечисление всех заслуг этих моряков составило бы отдельную историю Российского флота от Петра Великого до Октябрьской революции. Работа над списком флотоводцев-боровичан легла в основу книги «Моряки старинных фамилий...», изданной в Великом Новгороде в 2022 году, которая может стать началом многочисленных открытий и новых исследований.

¹ Список населенных мест Новгородской губернии [по уездам] / под ред. В.А. Подобедова. Новгород : [б. и.], 1911. Вып. 6: Боровичский уезд. 161 с.; Материалы для оценки земельных угодий Новгородской губернии. Боровичский уезд / Стат. отд-ние Новгор. губерн. земской управы. Новгород: [б. и.], 1893. и др.

² Так звали владельца усадьбы Маслово Минецко-Старско-Горской волости. Штабс-капитан Мейснер в 1872—1877 гг. был предводителем дворянства Боровичского уезда. НГМ КП 25975/1914. Ф. 60. Оп. 1. Ед. хр. 178.

³ НГМ КП 25975/1914. Ф. 60. Оп. 1. Ед. хр. 178. Л. 3.

⁴ Комиссариатская экспедиция, входившая в состав Адмиралтейств-коллегии, заведовала всем снабжением флота, раздачей жалования, приготовлением мундира, денежными и провиантскими доходами и расходами, покупками, подрядами (кроме леса), заготовкой материалов и финансовой отчетностью.

⁵ Общий морской список. Ч. I: От основания флота до кончины Петра Великого. СПб., 1885. С. 12.

⁶ Там же. Ч. II. С. 7–8.

⁷ Веселаго Ф.Ф. Очерк истории Морского кадетского корпуса. СПб., 1852. С. 75–76.

⁸ Ястребов А.О. Обзор русско-венецианских связей в эпоху Петра I (1695—1722 гг.) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 17, № 3. 2015. С. 16.

⁹ Общий морской список. Ч. IV: Царствование Екатерины II: К – С. СПб., 1890. С. 393–395.

¹⁰ Там же. Ч. I: От основания флота до кончины Петра Великого. СПб., 1885. С. 254–259.

¹¹ Дунаев М. Марьинская вотчина, или Как Мордвинов лоцманов продавал // Мстинский альманах. Выпуск 6. Великий Новгород, 2020. С. 166–172.

¹² НГМ КП 40387/158.

¹³ Общий морской список. Ч. IV: Царствование Екатерины II: К – С. СПб., 1890. С. 272–274.

¹⁴ НГМ КП 25975/1914. Ф. 60. Оп. 1. Ед. хр. 178. Л. 23. Здесь и далее указаны крестьяне мужского пола.

¹⁵ Общий морской список. Ч. II: От кончины Петра Великого до вступления на престол Екатерины II. СПб., 1885. С. 434–435.

¹⁶ НГМ КП 25975/1914. Ф. 60. Оп. 1. Ед. хр. 178. Л. 42.

¹⁷ Там же. Л. 34.

¹⁸ Архипелагские экспедиции русского флота — походы эскадр Балтийского флота к Греческому архипелагу во второй половине XVIII века и первой половине XIX века.

¹⁹ Общий морской список. Ч. IV: Царствование Екатерины II: К – С. СПб., 1890. С. 604–606.

²⁰ НГМ КП 25975/1914. Ф. 60. Оп. 1. Ед. хр. 178. Л. 13.

²¹ Материалы для оценки земельных угодий Новгородской губернии. Боровичский уезд. Новгород, 1893. С. 12, 17; Материалы для оценки городских недвижимых имуществ Новгородской губернии. Т. 13: г. Боровичи. Новгород, 1904. С. 17.

²² НГМ КП 25975/1914. Ф. 60. Оп. 1. Ед. хр. 178. Л. 16.

²³ Общий морской список. Ч. II: От кончины Петра Великого до вступления на престол Екатерины II. СПб., 1885. С. 184–187.

²⁴ НГМ КП 25975/1914. Ф. 60. Оп. 1. Ед. хр. 178. Л. 13.

²⁵ Общий морской список. Ч. II: От кончины Петра Великого до вступления на престол Екатерины II. СПб., 1885. С. 127–128.

²⁶ Там же. С. 113–114.

²⁷ НГМ КП 25975/1914. Ф. 60. Оп. 1. Ед. хр. 178. Л. 12.

²⁸ Некрополь Боровичского уезда. Боровичи, 2019. С. 319.

²⁹ НГМ КП 25975/1914. Ф. 60. Оп. 1. Ед. хр. 178. Л. 30.

³⁰ Общий морской список. Ч. IV: Царствование Екатерины II: К – С. СПб., 1890. С. 479–480.

³¹ Там же. С. 479.

- ³² Общий морской список. Ч. II: От кончины Петра Великого до вступления на престол Екатерины II. СПб., 1885. С. 179–181.
- ³³ Там же. Ч. IV: Царствование Екатерины II: К – С. СПб., 1890. С. 88–90.
- ³⁴ НГМ КП 25975/1914. Ф. 60. Оп. 1. Ед. хр. 178. Л. 3.
- ³⁵ Там же. Л. 13.
- ³⁶ Общий морской список. Ч. VII. СПб., 1890. С. 23.
- ³⁷ Извлечение из описаний помещичьих имений в 100 душ и свыше. Новгородская губерния. СПб., 1860. Л. 12.
- ³⁸ Некрополь Боровичского уезда. Боровичи, 2019. С. 584.
- ³⁹ Общий морской список. Ч. III. СПб., 1890. С. 144–145.
- ⁴⁰ Там же. Ч. II. СПб., 1885. С. 39.
- ⁴¹ Там же. Ч. III. СПб., 1890. С. 152–153.
- ⁴² Там же. С. 145–147.
- ⁴³ Там же. Ч. II. СПб., 1885. С. 37–38.
- ⁴⁴ НГМ КП 25975/1914. Ф. 60. Оп. 1. Ед. хр. 178. Л. 5–6.
- ⁴⁵ Там же. Л. 38.
- ⁴⁶ Общий морской список. Ч. II. СПб., 1885. С. 389–390.
- ⁴⁷ РГИА. Ф. 1343. Оп. 29. Д. 3839. Л. 114–117. По рапорту Новгородского Дворянского Депутатского Собрания с документами о дворянстве рода Скрыплевых.
- ⁴⁸ Общий морской список. Ч. VIII. СПб., 1885. С. 228–229.
- ⁴⁹ РГА ВМФ. Ф. 406. Оп. 3. Д. 838. Л. 185–194. Полный Послужной список 3 Флотского экипажа капитана 1-го ранга Константина Скрыплева.
- ⁵⁰ НГМ КП 25975/1914. Ф. 60. Оп. 1. Ед. хр. 178. Л. 30.
- ⁵¹ Общий морской список. Ч. II. СПб., 1890. С. 293–294.
- ⁵² Там же. Ч. VII. СПб., 1893. С. 631.
- ⁵³ Там же. С. 632.
- ⁵⁴ Там же. С. 632–633.
- ⁵⁵ Там же. С. 631–632.
- ⁵⁶ НГМ КП 25975/1914. Ф. 60. Оп. 1. Ед. хр. 178. Л. 22–23.
- ⁵⁷ Общий морской список. Ч. II. СПб., 1890. С. 228–229.
- ⁵⁸ Там же. С. 227–228.
- ⁵⁹ НГМ КП 25975/1914. Ф. 60. Оп. 1. Ед. хр. 178. Л. 22.
- ⁶⁰ Общий морской список. Ч. V. Царствование Екатерины II. С – Ф. СПб., 1890. С. 419–420.

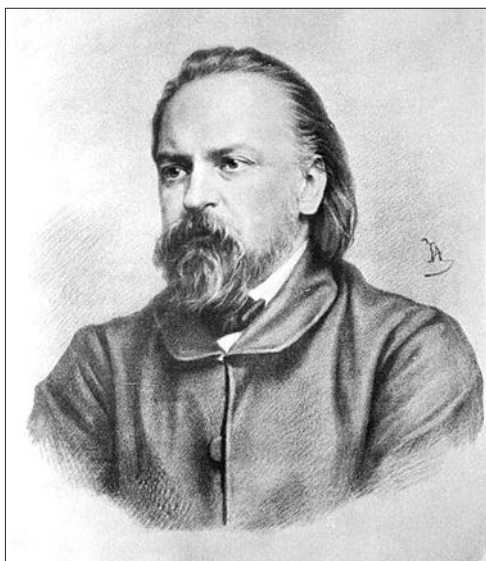
В начале XIX века в Чудовском Яму и соседних селениях распространилось религиозное учение, которое местные крестьяне и чиновники называли «духовищиной». Слухи о нём достигли губернского города и даже попали на страницы «Былого и дум» А.И. Герцена. Статья знакомит с историей, учением и текстами этих религиозных диссидентов.

Илья Мельников

«ЦЕРКОВЬ ВНУТРИ КАЖДОГО ЧЕЛОВЕКА НАХОДИТСЯ...»

*Религиозное движение духовищины и чудовские ямщики
в первой трети XIX века*

В «Былом и дум» А.И. Герцена есть любопытное предание, которое он услышал в период пребывания в Новгороде от ямщиков¹. Это рассказ о престарелом ямском голове, предводителе местных «духоборов». Сведения, приводимые в нём, носят полуполюгендарный характер: во время проезда Павла I на коронацию в Москву по его приказу был сослан предводитель «раскольников», подобно «квекерам» (английским радикальным протестантам) не снявший шляпы перед императором. В наказание за такое поведение Павел якобы приказал поджечь село, в котором повстречался с «раскольником», с четырёх концов, но в дальнейшем отменил приказ. Сосланный в Суздальский Спасо-Евфимиев монастырь ямской голова прослыл у духоборов святым, после смерти на руках последователей был перенесён

Александр Иванович Герцен

в Новгородскую губернию и тайно захоронен. По словам Герцена, духоборы

были уверены, «что он при жизни имел уже дар делать чудеса и что его тело нетленно»².

Духоборы, молокане, духовцы?

Чудовские «раскольники» названы Герценом «духоборами». Известно, что это религиозное движение зародилось во второй половине XVIII века в Тамбовской губернии и получило распространение, в основном, в южных регионах Империи и Поволжье. Духоборчество близко по своему учению к молоканству, возникшему в это время в той же губернии. Их роднит стремление к «духовному» толкованию текстов Священного Писания и описанных в нём сюжетов, отрицанию церковной иерархии, иконопочитания и православной обрядности. Часто оба этих направления отечественных религиозных диссидентов именуют «духовным христианством» за тяготение к личному общению с Богом «в духе». Основные территории распространения молоканского и духоборческого учений в XVIII—XIX веках располагались в Тамбовской, Воронежской, Екатеринославской губерниях, в Поволжье, а также Закавказье, куда значительная часть молокан и духоборов переселилась в начале XIX века³. Менее многочисленные группы проживали в других регионах европейской России. Особенное распространение учение духоборчества и молоканства получило в годы правления Александра I, когда мистические настроения, охватившие сословную элиту, частично проникали и в народную среду. Тогда же начинается масштабное переселение духоборов и молокан в Тав-

рическую губернию. В конце XIX века значительное количество духоборов, не желавших служить в армии, благодаря покровительству Льва Толстого переехало в Канаду⁴.

Новгородская губерния не являлась крупным центром распространения «духовного христианства». Справедливо возникает вопрос: о каком религиозном движении пишет Герцен, цитируя слова новгородских ямщиков? Несмотря на явные народные мифологические детали, его повествование сохраняет связь с исторической конкретикой. Герцен упоминает Павла I, а ямскую станцию, в которой произошёл конфликт с императором, неуверенно называет Зайцевским Ямом.

Вопрос проясняется документами, ныне хранящимися в фондах Российского государственного исторического архива и Отделе письменных источников Новгородского музея-заповедника. Опираясь на них, можно утверждать, что речь всё же велась о Чудовском Яме, многие жители которого в начале XIX века исповедовали учение, неоднократно называвшееся в официальных бумагах «духоборчеством».

Стоит отметить, что чиновники, на деле столкнувшиеся с «сектантами» Чудовского яма в этот период, хоть и считали их представителями молоканства и духоборчества, однако постоянно путали эти течения. Так, в одном из рапортов новгородского губернатора вероучение чудовских «раскольников» в одном и том же абзаце называется «духовщиной», а сами его последователи «духоборцами, или просто малаканами»⁵. В более поздних документах встречается также

название «христовщина»⁶. Очевидно, что в чиновнических и церковных кругах классификация сектантства ещё не была чётко разработана, а в особенностях вероучения местных «раскольников» чиновники разбирались слабо.

Поэтому при описании вероучения чудовских религиозных диссидентов применим термин «духовщина», присвоенный им местными жителями в описываемый период, что даёт возможность абстрагироваться от определённой привязки их учения к тому или иному течению русского сектантства. Название «духовщина», кроме того, отсылает к традиционному наименованию «духовных христиан», объединяющему различные направления духовоборов и молокан.

**«Веры же никакой не почитаю»:
учение братьев Ульяновых
и их последователей**

Первый серьёзный указ, ограничивавший права чудовских «духоборов», наряду с их московскими собратьями, был издан в 1800 году Павлом I. В нём сторонники учения, распространявшегося в Чудовском Яму и окрестных селениях, назывались не только «отвергшимися от церкви и ее преданий, но и не признающими Самодержавной власти»⁷. Одновременно с этим указывалось, что подобное же учение распространял наборщик Московского печатного двора Пётр Тихонов. Из более позднего следственного дела против чудовских проповедников (1807 год) выясняется, что в самом конце XVIII века — «назад тому восемь» лет, проходило дознание, по ко-

торому некоторые из ямщиков были вытребованы в Санкт-Петербург⁸. Благодаря расследованиям 1807 и 1811 годов нам становятся известны взгляды местных «сектантов».

В 1800-х в Чудовском Яму беглые крестьяне графа А.А. Аракчеева Семён Ульянов и его брат Ефим, бежавший из рекрутов, распространяли учение, действительно близкое духоборчеству. При этом на допросах брата, отличавшиеся грамотностью, давали противоречивые показания. Ефим, которому к моменту расследования в 1807 году исполнилось тридцать лет, показывал: *«Веры же никакой не почитаю и в Христа не верю, равномерно и святых угодников никаких не почитаю, и постов не держу, а верю только в одного Бога, и по мнению моему Христова рождения ожидаю, поелику полагаю, что Христа нет и не было»*⁹. В отношении властей Семён полагал, что нельзя служить одновременно Богу и государю¹⁰. Несмотря на достаточно жёсткую позицию, Ефим Ульянов, хоть и по принуждению, но всё же бывал у исповеди и причастия в официальной церкви. В изложении своих взглядов он ссылался на предшественников, взятых в своё время на следствие в Петербург.

Тридцатитрёхлетний Семён отвечал на допросе, что признаёт самого себя Христом, *«и что церковь равно и святое причастие я ни во что не ставлю и никакого спасения в оном не почитаю»*¹¹. На исповеди и у причастия Семён Ульянов не бывал одиннадцать лет, однако единомышленников он убеждал не показывать явно пренебрежение церковными ритуалами, *«чтобы не имели на них подозрения что они находятся в малаканской*

секте»¹². В отношении властей старший из Ульяновых рассуждал в более примирительном ключе, признавая их преимущество в поддержании порядка¹³. Обращает на себя внимание запрет на применение насилия: когда ямщики Сошнинской пристани предложили Семёну Ульянову «погубить» их недоброжелателя (вероятно, доносчика), тот ответил, «что убивать не должно и что всякой убийца убиен будет»¹⁴.

Согласно показаниям братьев Ульяновых, в их сообществе состояло в описываемый период более семидесяти человек, проживавших в разных деревнях вокруг Чудовского Яма. При этом из рассказа Ефима Ульянова видно, что он пользовался сочувствием среди местных жителей. Бежав из рекрутов в село Трубичино, он вместе с братом скрывался по окрестным деревням на протяжении полугода. Крестьяне помогли беглецам поставить «малинку изобку» на реке Глыбочка, где проповедники вместе с беглым крепостным помещика Г.Р. Державина периодически пережидали облавы¹⁵.

Братьев Ульяновых по указу Александра I сослали в Сибирь¹⁶. Однако проповеданное ими учение пустило в Чудовском Яму глубокие корни. В 1811 году ямщик деревни Остров Афанасий Игнатьев, называвший себя пророком и учеником братьев Семёна и Ефима, учил крестьян, что таинства крещения, бракосочетания и прочие обряды церкви являются «суетностью», «ибо церковь внутри каждого человека находится, а все прочее пустое и наружный обман»¹⁷. Также благодаря дознанию по этому делу становится известным и учение чудовских «духоборцев» о Святом

Духе, благодаря которому это движение и получило своё локальное название. Игнатьев полагал, что человек способен получить благодать Духа Святого посредством поста и молитвы, «получа которую он ныне уже не обязан исполнять никаких гражданских обязанностей»¹⁸. Сам Афанасий полагал, что он получил такую благодать, и поэтому тайно ездил по деревням, проповедуя второе пришествие Христа. Обострённое эсхатологическое мировосприятие и мессианские ожидания, свойственные русским религиозным движениям XVII—XIX веков, весьма рельефно проступают в учении чудовского «пророка»: «Свыше ему дано знать, что чрез три года будет пришествие и Исуса Христа (sic!), которой воскресит всех умерших и осудит их так как и живых застатых им по делам и будет тогда новый духовный мир, не требующий пищи телесной»¹⁹.

Чуть позже, в 1813 году, чудовским священником давалась следующая характеристика вероучения «малаканской секты»: «...креста на себе не изображать, на шею креста не носить, не молиться богу, крестящихся называют пачкунами, икон и мощей святых не почитать, блуд чрез них производимый ставить за действие духа святого, не хранить постов, не ходить в церковь, не исповедываться а паче не причащаться святых тайн, почитая их за мерзость. Сверх же всего сего священнические внушения почитают ни во что а потому и в разговоры не входят»²⁰. Здесь встречается распространённый извет в «свальном» грехе, который активно распространялся миссионерской «противораскольнической» литературой, начиная с «Розыска

о раскольничьей брынской вере» Дмитрия Ростовского.

Помимо братьев Ульяновых, Афанасий Игнатъев называл в качестве духовного учителя своего отца Игнатия Зиновьева, усвоившего учение духовщины от ямщика Соснинской слободы Ефрема Семёнова, *«который был взят в Санкт-Петербург в царствование Государя Императора Павла первого»*²¹ и который, возможно, послужил прототипом легенды, переданной А.И. Герценом. Сам Игнатъев также подвергался преследованиям за убеждения: в 1809 году он был бит батогами, после чего начал исповедовать духовщину тайно, посещая официальную церковь лишь из опасений гонения²². Новое дело Афанасия Игнатъева и 63-х его единоверцев слушалось в Новгородском земском суде. Большая часть подсудимых была отпущена по домам, однако десять человек, включая самого «пророка», были оставлены под стражей. Афанасий умер в Новгородском остроге в конце 1812 года²³. Благодаря дознанию мы можем заключить, что учение духовщины было распространено как минимум в 14 сёлах и деревнях, особенно в деревнях Спасской Полисти, Крюкино и Остров²⁴.

Кнутом и крестом: попытки властей «устранить гнездо раскола»

Неоднократно повторявшиеся вспышки распространения духовщины заставили представителей светских и духовных ведомств обратить более пристальное внимание на учение, которое, по признанию самих чиновников, завоевывало все большее расположе-

ние крестьян. В 1813 году новгородский гражданский губернатор предлагал Министерству полиции ряд мер, направленных на решительное устранение «гнезда раскола». В частности, он считал продуктивным забор рекрутов преимущественно из среды «сектантов»²⁵. Столь радикальные меры были продиктованы «возмутительным» отношением сторонников этого вероучения к императорской власти: *«Года полтора назад был тому ужасный пример, ибо осужденные к наказанию на площади из под ударов кнута осмеливались изрыгать бранные слова Священной особе Государя Императора»*²⁶. Кроме того, губернатор отмечал, что духовцы укрывают беглых рекрутов и якобы склонны к преступлениям. Министерство предпочло воздержаться от слишком крутых мер, но рекомендовало поручить заботу об обращении «заблудших овец» духовному ведомству.

В том же году митрополит Амвросий (Подобедов) доверил дело обращения «молокан» священнику Чудовского Яма Ивану Елисееву и протопопу Устюженского Рождественского собора Василию Протопопову²⁷. Первый из них, отмечая Чудово, как «давнее и коренное место малаканов», предложил решить проблему распространения духовщины заключением сторонников этого вероучения в монастырь, однако не нашёл поддержки у митрополита Амвросия²⁸. Впрочем, «обращение» духовцев, вероятно, не обошлось без административных мер. Местное начальство, отмечая сокращение их численности к 1818 году, так сформулировало итог своей деятельности: *«...малаканов приметить теперь не можно, да и не могут быть по причине поступив-*

ших крестьян в воинское управление»²⁹. Трудности «обращения» упорных «сектантов» порой переходили в открытый конфликт. В разгар «антимолоканской» кампании, на святки 1816-го, некие лица попытались поджечь дом упомянутого чудовского священника Ивана Елисеева. Сам он обвинял в этом злодеянии «тех раскольников, которые попечением ево обращены к благочестию»³⁰. При осмотре места происшествия волостной сотский и понятые ямщики, напротив, обвинили в поджоге самого священника, который, по их словам, хотел сжечь их селение³¹.

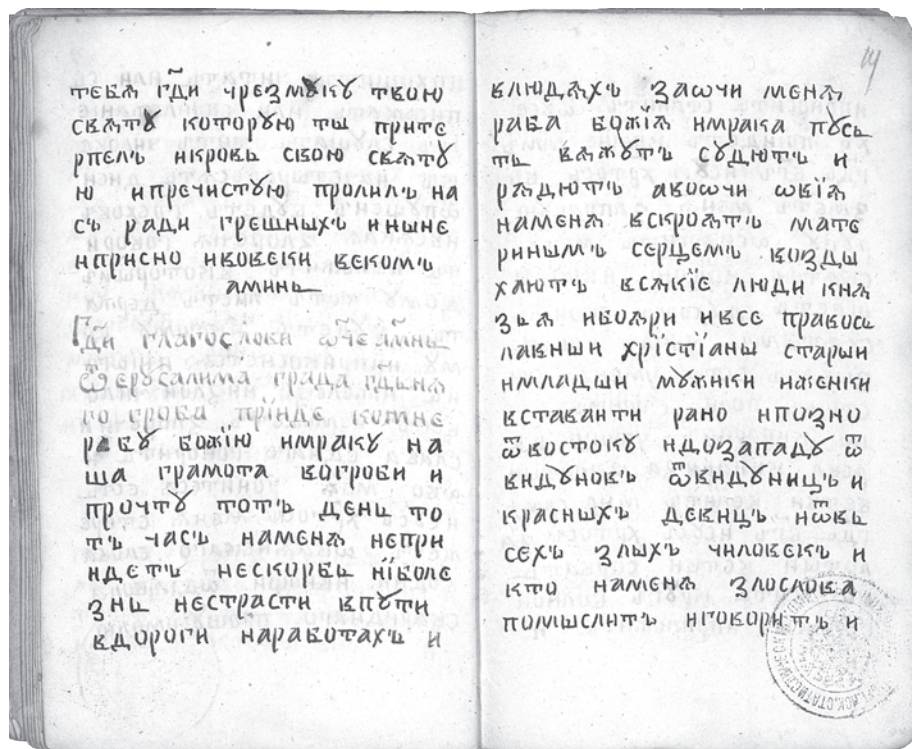
Несмотря на все меры церковных и светских властей, учение духовщины вновь проявляет себя уже в 1825 году. В этом году для увещания «раскольников» в Чудовский Ям прибыл священник новгородской Дмитриевской церкви Иванский. Ему удалось «обратить» 26 человек, причём сама процедура принятия в Греко-российскую церковь была обставлена в виде присяги с целованием креста и Евангелия³². Вероятно, эти «обращения», как и предыдущие, чудовские «раскольники» совершали лишь внешне.

Таким же образом священник Иванский сумел «обратить» даже жену ямщика Матрёну Стефанову, которая именovala себя Богородицей и являлась, вероятно, духовным лидером общины. В описании её «обращения» подчёркивалось, что она демонстративно отчужденно повторяла слова присяги и старалась не смотреть на крест и Евангелие³³. Стоит отметить, что с этого времени взгляды чудовских «сектантов» всё больше и больше начинают напоминать учение поздней христовщины — направления русского мисти-

ческого сектантства, также известного как «хлысты» и «люди Божьи». Помимо именованья себя Богородицей, Матрёна Стефанова отказывалась от употребления мяса и брачного сожителства с мужем³⁴. В документах 1820-х чудовский «раскол» впервые наряду с «молоканством» называют «христовщиной»³⁵. При этом, насколько можно судить, для последователей этого учения по-прежнему достаточно важным был иконоборческий элемент. «Сектанты» открыто демонстрировали «неуважения святых икон и явные насмехания над покланяющимся им»³⁶. В 1830 году по доносу собственного сына к дознанию привлекался ямщик Чудовского Яма Пётр Глухов. Он учил не носить креста, не ходить в церковь, не поклоняться иконам и употреблять в постные дни скоромную пищу³⁷.

Тайные собрания и «Молоканский молитвенник»

Отвергнув культовые практики официальной Церкви, любое религиозное сообщество так или иначе вынуждено создавать свои. Это произошло и с представителями духовщины. В 1831 году благодаря небольшому расследованию священника Коломенского прихода Евфимия Козьминского выяснилось, что в Спасской Полисти происходили тайные собрания «по наречию секты малакан» на дому у ямщика Лашенкова. Священник вместе с понятыми застал в 11 часов ночи 18 человек Коломенского и Подберезского приходов, собравшихся на совместное моление³⁸. Кроме местных крестьян, среди собравшихся был и некий житель Валдайского уезда³⁹.

«Молоканский молитвенник». Рукопись сер. XIX в. (НГОМЗ)

Более объёмное представление о личных религиозных практиках местных «сектантов» даёт так называемый «Молоканский молитвенник» из Чудово, хранящийся в собрании Новгородского музея-заповедника⁴⁰. Запись на оборотной стороне верхней обложки, сделанная уверенным почерком чиновника XIX века, проясняет происхождение рукописи: «Молоканский молитвенник/ Михеевъ/Чудово». На каждом листе и на обложке проставлена печать Новгородского губернского статистического комитета, основанного в 1835 году и относившегося к ведомству МВД. В его задачу входил также сбор сведений

о «раскольниках». Очевидно, после конфискации рукопись в дальнейшем была передана в Новгородский музей, организованный при комитете⁴¹.

Тетрадь содержит 21 текст, среди которых молитвы, заговоры и «святые письма», прямо или косвенно связанные с охранительной тематикой и предназначавшиеся для защиты от врагов, пули, оружия и убийства. Несмотря на то, что представители духовщины отказались от почитания святых и даже ношения нательных крестов, в их фольклоре содержатся молитвы-обращения к святым Георгию, евангелистам, Богородице, кресту. В сборнике есть молитвы

церковного происхождения, широко распространённые в народной устной традиции — «Да воскреснет Бог» и «Кресту твоему поклоняемся, владыко». Любопытно отметить, что «воскресная» молитва («Да воскреснет Бог») приводится в дореформенной традиции («разыдутся врази его» вместо «расточатся врази его» и т. д.). То же можно сказать и о других фрагментах текста, допускающих амбивалентное написание: «Исус» вместо «Иисус», «вовечи веком» вместо «во веки веков». Это позволяет сделать вывод о близости составителя сборника к старообрядчеству, также некогда распространённому в этом регионе.

Заговоры во многих случаях начинаются словами «Господи, благослови отче...» либо «Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа...», полностью отсутствует традиционная форма «Стану, благословясь, выйду, перекрестясь...» и похоже на неё формулы, широко бытующие и по сей день в заговорах Новгородской области⁴². Доктор филологических наук, фольклорист С.Е. Никитина, анализируя заговорную традицию молокан Ставропольского края, полагает, что эта особенность молоканских текстов вызвана отказом от совершения крестного знамения и ношения крестов в среде «русских протестантов»⁴³. Впрочем, это не помешало составителю чудовского сборника включить в него молитвы кресту, значимые в народном христианстве.

О традиции записи текстов молитв и «стишков» среди «духовных христиан» упоминает В. Бонч-Бруевич, издавший в 1909 году «Животную книгу духоборов», которая до сих пор является своеобразной антологией духоборческого

фольклора. Он также отмечал распространённость заговоров от болезней и напастей, которые охотно рассказывались ему в духоборческих сёлах и, по мнению самих «сектантов», входили в «Животную книгу», то есть основной корпус священных текстов этого религиозного направления. Молитвы бытовали в том числе в рукописных тетрадах, несмотря на «категорическое предпочтение устного письменному» в среде духоборов. Эти тетради носили название «Молитвенник» или «Книжка»⁴⁴. В них попадали и церковные тексты, в частности молитвы кресту⁴⁵. Традиция составления сборников с заговорами среди духоборов и молокан является довольно распространённой и в наши дни⁴⁶. Более того, отмечается достаточно снисходительное отношение современных представителей этих религиозных течений к самой практике использования заговоров, в отличие от православных⁴⁷.

**Вместо заключения:
русские сектанты и мистический
энтузиазм рубежа столетий**

Духовщина, получившая распространение в Новгородской губернии в конце XVIII века, представляла собой сложное религиозное учение, включавшее на разных этапах характерные особенности молоканства, духоборчества и христовщины, а также различные формы народного христианства.

Свою роль в возникновении «протестантских» настроений у крестьян сыграли массовые религиозные издания постпетровской России, такие, как «Елизаветинская Библия» 1751 года или

«Первое учение отроком» Феофана Прокоповича, отличавшегося симпатиями к протестантизму и усилившего в своей книге анализ Декалога, с его запретом создания рукотворных образов⁴⁸. Обе книги выдержали не одно переиздание. Попадая в руки к крестьянам, священные тексты подвергались радикальному переосмыслению, вступавшему в противоречие со взглядами государственной Церкви.

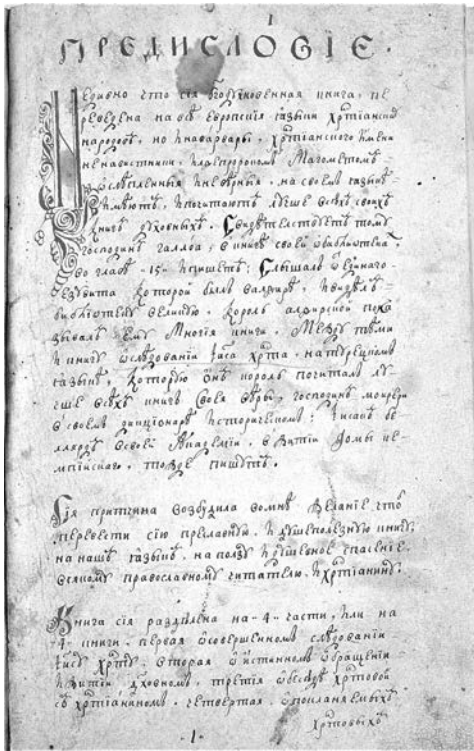
Не менее интересно появление в учении молокан и духоборов мистических и мессианских элементов. Идентификация руководителей общины с персонажами священной истории, наряду с тайными экстатическими молениями, существовали не только среди хлыстов, но и «сектантов-иконоборцев», например, так называемых молокан-прыгунов, движение которых возникло на Кавказе в середине XIX века⁴⁹. В раннем духоборчестве, по свидетельству О. Новицкого, имелось представление о внутреннем подражании жизни Христа и особенное стремление к «духовному» толкованию Евангельской истории: «Христос должен в нас зачатъся, родиться, возрасти, учить, страдать, умереть, воскреснуть и вознестись»⁵⁰. Особенно подобные взгляды усилились благодаря распространению в конце XVIII — начале XIX века разных форм мистицизма, в том числе в крестьянской среде.

Обобщая свой опыт, чиновник по особым поручениям П.И. Мельников в романе «На горах» писал: «Тогда не только печатались переводы Бема, Ламонт-Гион, Юнга Штиллинга, Эккартсгаузена, но издавался даже особый мистический журнал "Сионский

Елизаветинская Библия.
Третье издание. М., 1757. (НГОМЗ)

вестник". Все это хоть и было писано языком затемненным, однако в большом количестве проникало в полуграмотное простонародье. <...> И теперь еще можно найти в каком-нибудь мещанском или крестьянском доме иные из тех книг, ставших большой редкостью. Особенно эти книги держатся у молокан да у приверженцев разных отраслей хлыстовщины»⁵¹. Некоторые из подобных изданий становились настоящими бестселлерами. Так, с 1760 по 1850 годы в России вышло 26 изданий мистического трактата Фомы Кемпийского «О подражании Христу», которое

Фома Кемпийский. О подражании Христу.
Список первой трети XIX в. (НГОМЗ)

распространялось также в списках⁵². В нём проводится мысль о духовном понимании личности Христа, а индивидуальное озарение противопоставляется внешней обрядности, лишённой духовного содержания. Аналогичные мысли находим в масонском труде И.В. Лопухина «Некоторые черты о внутренней церкви»⁵³, несколько раз переиздававшимся на рубеже XVIII—XIX веков.

Вероятно, похожее учение о рождении Христа в человеке и подражании

ему, неверно истолкованное следователями, подразумевалось братьями Семёном и Ефимом Ульяновыми при изложении их специфической христологии на допросах. Только так можно объяснить противоречие в их показаниях, согласно которому один из братьев считал себя Христом, а второй лишь ожидал рождения христового. Также важно отметить наличие эсхатологического элемента в вероучении, увлѣкшем часть населения Чудовского Яма и ближайших сѣл.

К сожалению, в более поздних документах не обнаружено информации о дальнейшем развитии движения духовщины. Ничего определённого нельзя сказать и относительно путей его появления на Новгородской земле, удалённой от основных центров развития русского сектантства. Вполне возможно, что духовщина представляла собой вариацию христовщины, распространённой в начале XIX века в Санкт-Петербурге в форме скопчества⁵⁴. В таком случае становятся понятными возможности проникновения этого учения в среду ямщиков и крестьян северо-запада Новгородской губернии, часто бывавших в отлучках по делам в северной столице. Также нельзя исключать и того, что учение духовщины изначально было занесено в Новгородскую губернию выходцами из южных регионов страны, и христовщина оказала сильное влияние на духовоборов Чудовского Яма и окрестных селений уже в дальнейшем, привнеся в неё «бракоборческий» элемент и отказ от мясной пищи.

¹ Герцен А.И. Былое и думы. Ч. 4 // Собрание сочинений в тридцати томах. Т. IX. М., 1956. С. 81–82.

² Там же. С. 82.

³ Маргаритов С.Д. История русских мистических и рационалистических сект. Симферополь, 1910. С. 90–91.

⁴ Подробнее см.: Сулержицкий Л.А. В Америку с духоборами. М., 1905.

⁵ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1284. Оп. 195. 1811. Д. 17. Л. 8.

⁶ РГИА. Ф. 1284. Оп. 195. 1827. Д. 146. Л. 2.

⁷ РГИА. Ф. 815. Оп. 15. 1800. Д. 40. Л. 1.

⁸ РГИА. Ф. 1284. Оп. 195. 1807. Д. 2. Л. 17.

⁹ Там же. Л. 17.

¹⁰ Там же. Л. 2.

¹¹ Там же. Л. 28.

¹² Там же. Л. 27 об. – 28.

¹³ Там же. Л. 2.

¹⁴ Там же. Л. 28.

¹⁵ Там же. Л. 20.

¹⁶ Там же. Л. 29–29 об.

¹⁷ РГИА. Ф. 1284. Оп. 195. 1811 г. Д. 17. Л. 1 об.

¹⁸ Там же. Л. 1 об.

¹⁹ Там же. Л. 1 об. – 2.

²⁰ РГИА. Ф. 815. Оп. 16. Д. 800. Л. 160.

²¹ РГИА. Ф. 1284. Оп. 195. 1811 г. Д. 17. Л. 2.

²² Там же. Л. 1.

²³ Там же. Л. 26–26 об.

²⁴ Там же. Л. 15–16 об.

²⁵ РГИА. Ф. 1284. Оп. 195. 1813. Д. 4. Л. 1 об.

²⁶ Там же. Л. 1.

²⁷ Там же. Л. 2.

²⁸ Там же. Л. 9.

²⁹ Там же. Л. 19.

³⁰ РГИА. Ф. 1284. Оп. 195. 1816. Д. 3. Л. 1 об. – 2.

³¹ Там же. Л. 2.

³² РГИА. Ф. 1284. Оп. 195. 1827. Д. 146. Л. 1–2.

³³ Там же. Л. 2.

³⁴ Там же. Л. 2 об.

³⁵ РГИА. Ф. 1284. Оп. 196. 1830. Д. 78. Л. 1–2.

³⁶ РГИА. Ф. 1284. Оп. 195. 1827. Д. 146. Л. 1.

³⁷ РГИА. Ф. 1284. Оп. 196. 1830. Д. 78. Л. 4–4 об.

³⁸ РГИА. Ф. 1284. Оп. 196. 1831. Д. 23. Л. 1–3.

³⁹ Там же. Л. 3.

⁴⁰ ОПИ НГОМЗ. КП 30056-132.

⁴¹ Новгородский музей древностей в свидетельствах современников (1856—1917) // Новгородский исторический сборник. Вып. 7 (17). СПб., 1999. С. 343–361.

⁴² Магия слова. Заговор. По материалам фольклорного архива Новгородского государственного университета / Авт.-сост. О.С. Бердяева. Великий Новгород, 2006. С. 12–74.

⁴³ Никитина С.Е. О заговорах в культуре духоборцев и молокан // Заговорный текст. Генезис и структура. М., 2005. С. 408.

⁴⁴ Бонч-Бруевич В. Материалы к истории и изучению русского сектантства и раскола. Вып. 2. Животная книга духоборцев. СПб., 1909. С. 4–5.

⁴⁵ Там же. С. 217.

⁴⁶ Никитина С.Е. Указ. соч. С. 402–405.

⁴⁷ Там же. С. 403.

⁴⁸ Львов А.Л. Соха и Пятикнижие: русские иудействующие как текстуальное сообщество. СПб., 2011. С. 75–87.

⁴⁹ Дунаев А. Секта «прыгунов» в Закавказье // Русские сектанты, их учение, культ и способы пропаганды. Одесса, 1911. С. 187–197; Маргаритов С. Указ. соч. С. 140–142.

⁵⁰ [Новицкий О.] Некоторые черты об обществе духоборцев // Летописи русской литературы и древности. Т. IV. М., 1862. С. 3–6.

⁵¹ Мельников-Печерский П.И. На горах. Книга первая. М., 1986. С. 492.

⁵² Стрижев А.Н. Фома Кемпийский в России // Богословские труды. № 40. 2005. С. 371–375.

⁵³ Лопухин И.В. Некоторые черты о внутренней церкви // Русская философия второй половины XVIII века. Свердловск, 1990. С. 267–301.

⁵⁴ Панченко А. Петербург как столица скопцов // Отечественные записки: Журнал литературно-просветительский, политический, учёный. Архив 2001—2014. URL: <http://www.strana-oz.ru/2004/2/peterburg-kak-stolica-skopcov> (дата обращения: 21.11.2022).

Никита Малиновский

ПАРТНЁР ГАНЗЕЙСКОГО СОЮЗА

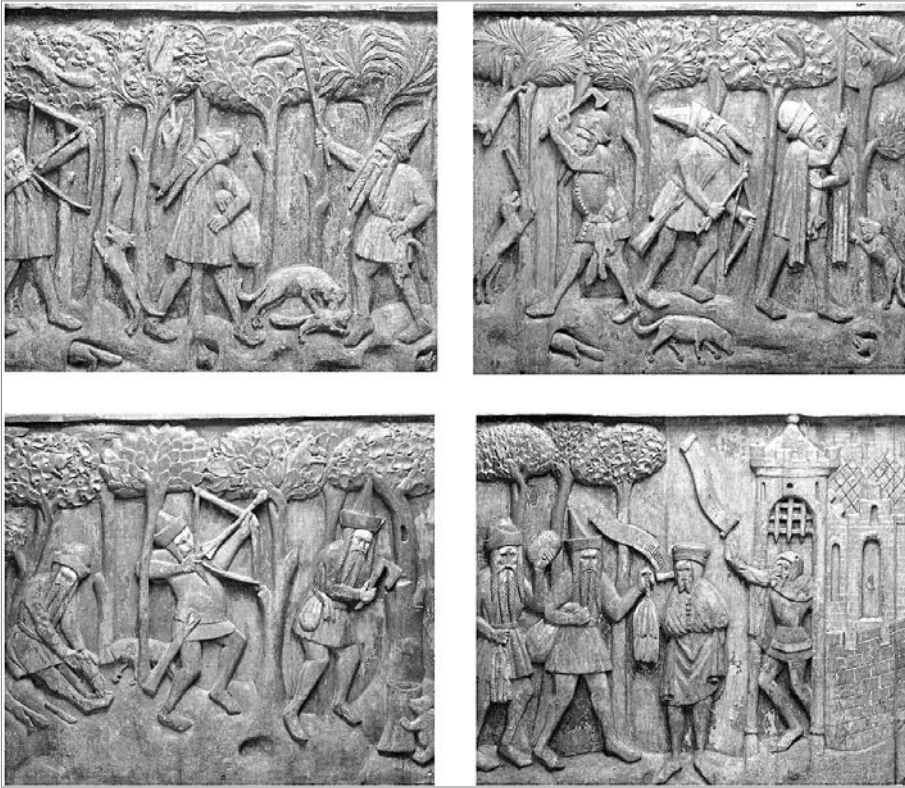
Новгородско-ганзейская торговля

конца XV — начала XVI века по ганзейским источникам

Новгород был важным партнёром Ганзейского союза в Восточной Европе. В XV веке он был хорошо знаком западноевропейским купцам и обладал атрибутами типичного западноевропейского средневекового города: здесь были замок — Новгородский кремль, собор и рынок. В Новгороде располагалась одна из ганзейских контор — Немецкий двор св. Петра, который являлся точкой пересечения западных и восточных товаров. Через Немецкий двор в Западную Европу поставлялись воск, меха и кожа, а ганзейцы обеспечивали новгородцев солью, сельдью, тканями и вином. Торговля осуществлялась на основе договоров, а успех экономических отношений напрямую зависел от личных качеств купцов — круга знакомств и знания обычаев, в том числе «древних» привилегий ганзейских немцев. Такие привилегии назывались «торговлей по старине».

Поход Ивана III на Новгород в 1478 году оказал влияние на торговые отношения с Ганзой. В ходе установления в городе московской власти произошло несколько этапов «вывода» новгородского боярства, житейных людей и купцов из Новгорода в 1478, 1481, 1484, 1488—1489 годы. Это стало причиной постепенного разрушения «древних» торговых, административных и личных связей ганзейских купцов с новгородцами. В новых условиях стали изменяться и правила торговли, которые зачастую противоречили привычным для ганзейцев трактовкам торговых договоров. В ходе столкновения старых и новых мер регулирования торговли между ганзейцами и новгородцами возникали социально-экономические конфликты.

Несмотря на то, что заключённый в 1487 году договор между Ганзой и Иваном III устанавливал двадцатилетний мир, который гарантировал ганзейцам

Изображение двора св. Петра на скамье
в церкви св. Николая в Штральзунде. Конец XIV в.

продолжение торговли в Новгороде, в 1494 году контору закрыли. Возможной причиной этого могла быть политическая реакция Ивана III на дипломатическую неудачу в отношениях с императором Священной Римской империи Максимилианом. Более традиционное объяснение — желание Ивана III «устранить ганзейскую торговую монополию на Балтике». Ганзейская торговля в Новгороде возобновилась только в 1514 году. За этот промежуток времени социальный состав города изменился. Ганза потеряла часть привилегий в Новгороде, и по этой при-

чине ганзейские купцы были вынуждены выстраивать экономические отношения новым порядком с новыми людьми, которые изменили трактовку правил торговли «по старине».

Ганзейцы описывали все конфликтные ситуации и проблемы, неизбежно возникавшие в торговле по новым правилам, отличным от привычных ганзейских практик, в своих официальных документах. В этой связи значительный интерес представляют произошедшие к началу XVI века трансформации описания отношений с новгородцами.

Помимо письменных документов, сохранились визуальные источники. Одним из них является штральзундская скамья XIV века, которая расположена в церкви св. Николая немецкого города Штральзунда. На скамье изображён Немецкий двор св. Петра, ганзейцы и новгородцы. Контора выглядит как каменная крепость, на территории которой стоят кирпичные постройки. Новгородцы одеты в западноевропейском стиле, но при этом заметно различие в стиле бород. У стоящих у ворот ганзейцев бороды подстрижены, а у продающих товар новгородцев бороды заплетены в длинные косы. Кроме процесса торговли, на скамье вырезаны изображения, свидетельствующие о таких ремёслах новгородцев, как охота и бортиничество. Подобный способ изображения новгородского купца можно встретить и на другом резном изображении XVI века. Борода новгородского купца также заплетена в косы, а в руках он держит меховую шкурку.

Нам неизвестно, бывал ли автор резьбы штральзундской скамьи в Новгороде. Скорее всего, он узнал о жизни и торговле в Новгороде из рассказов бывавших там купцов. Немецкий двор св. Петра изображён как типичная немецкая западноевропейская постройка из кирпича. Двор в Новгороде не был окружён каменными стенами, а был огорожен деревянным частоколом. Подтверждением этому является упоминание об ошибке в расчётах, которую допустил новгородский плотник во время ремонта ворот двора в 1439 году, что привело к расширению территории Немецкого двора и вызвало возмущение новгородских властей.

Русский торговец мехом.
Фрагмент скамьи
из Любекского собора. 1425—1450 гг.

Можно также отметить и ландшафтные особенности, которые отобразил резчик: Немецкий двор окружён густым лесом, в котором новгородцы с собаками, луками и палками охотятся на белок,

а также собирают мёд. Также на скамье можно увидеть предположительно две грамоты, которые изображены над торговцами во время сделки. Это может символизировать, что торговля велась по правилам письменных договоров. Резчик не отобразил отличительные черты Новгорода, например, Кремль или Софийский собор.

Немецкий двор предстаёт как хорошо укреплённое и безопасное место, окружённое лесом. Важно отметить, что присутствие русских купцов на территории двора св. Петра было строго регламентировано положениями «Новгородской скры» — судебника конторы. Примеры подобного внутреннего регулирования можно увидеть в ряде статей четвёртой редакции скры. Так, например, статья 44 запрещала пускать русских в подклет; статья 61 обязывала русских купцов оплачивать все товары на дворе; статья 62 устанавливала, что ответственность за товар после продажи ганзейские купцы несут до выноса товара за порог двора, а статья 54 обязывала закончить все сделки и дела до закрытия ворот св. Петра, чтобы ни один из новгородских купцов не остался на ночь.

В результате изучения изображения на штральзундской скамье можно составить представление о Немецком дворе в Новгороде как о безопасном месте во время возможных кризисов.

С течением времени ганзейская торговля изменялась от общины отдельных купцов до Ганзейского союза городов, от девяти положений первой редакции скры и главенствующего устного права до подробных четвёртой, пятой и шестой редакций документа, от неоспоримых при-

вилегий ганзейцев в Новгороде в начале XIII века до готовности Ганзы идти на уступки к началу XVI века, от торговли с независимым Новгородом до торговли Ганзы с Московским князем. Ганзейская торговля в Новгороде прошла через многие трансформации, но наибольшее их количество произошло в последней четверти XV века. Изменилась не только политическая ситуация, но и социальная. В частности, большое влияние оказала смена торгового и административного состава Новгорода, что препятствовало созданию привычных условий для выгодной ганзейской торговли.

Несмотря на то, что Иван III подтвердил права ганзейцев на свободную торговлю «по старине» мирным договором 1487 года, привилегии нарушались. Уже через несколько месяцев после заключения мирного договора, а именно 23 ноября 1487 года, дерптцы оповещают ревельцев о том, что ганзейские купцы в Новгороде жалуются на новгородских наместников великого князя, которые изменили правила «старины» в отношении торговли мёдом. Дело в том, что «по старине» все товары должны были взвешиваться только в ливонских городах Ганзы — в Риге, Дерпте или Ревеле, а не в Новгороде, где наместники великого князя разрешили делать это новгородцам. В Новгороде до этого действовало правило торговли «мешок за мешок» (*sakvorsak*), то есть без проверки веса содержимого мешков и бочек.

Процесс разрешения этого конфликта продолжался до марта 1489-го, когда ганзейское посольство приехало в Москву для переговоров с Иваном III. Великий князь уверил ганзейцев, что тор-

говать солью и мёдом «по старине» без взвешивания им не запрещено. Однако из-за недовесов с ганзейской стороны наместниками великого князя было решено установить правило обязательно взвешивания товаров новгородцами. Великий князь сообщил, что хочет приехать лично в Новгород летом 1489 года, чтобы «всё исправить».

Тем не менее 3 августа 1489 года ганзейцы жалуются на то, что московский князь назначил двух весовщиков, которые должны были взимать плату за каждый шиффунт¹, а не за всё взвешивание, как это было раньше. Ганзейцы пишут, что не знают, как себя вести в данной ситуации, так как она противоречит крестоцелованию, и просят прислать письменный ответ с правилами поведения.

Важно также обратить внимание, что в судебных разбирательствах новгородцы стали пользоваться «московитским правом». Ганзейцы при описании отношений с русскими купцами в конце XV века стали уточнять, по каким региональным правовым практикам происходит разрешение конфликтов.

Кроме того, в этом письме ганзейцы обвиняют новгородцев в «*подновлении обычаев, существующих согласно крестоцелованию*». Под обычаями понимается всё та же торговля «по старине», которую новгородские наместники стали трактовать иначе. Пример изменения смысла этого понятия можно увидеть из письма с описанием конфликта.

Так, в письме от 26 марта 1494 года ганзейские купцы жаловались на то,

что наместники Московского князя запретили новгородцам давать наддачи² к мехам, а также позволять ганзейцам колупать воск. Практика наддач к мехам и колупания воска заключалась в том, что ганзейцы могли получать определённое количество товара бесплатно. Наддача мехов позволяла ганзейцам нивелировать убыток при обнаружении некачественного товара в приобретённых мехах. Колупание воска было необходимо для определения качества товара. Кусок воска, который ганзеец «отколупал», переходил в собственность купца бесплатно. Колупание и наддачи были «древними» обычаями ганзейской торговли в Новгороде, и их запрет противоречил, с точки зрения ганзейцев, документам Московского князя, подтверждающим торговлю «по старине».

На возражения ганзейцев наместники великого князя ответили, что крестоцелование не нарушается, так как в нём не упоминается, что ганзейцы могут «*колупать воск и брать наддачи, а раз это не нашло выражения в крестоцеловальной грамоте, всякий может продавать свой товар, как ему угодно*». Более того, по установленным наместниками правилам, ганзейцы могут торговать с применением практики колупания и наддач, но это запрещено новгородцам под страхом штрафа и бичевания. Ганзейцы не понимали, как вести торговлю с новгородцами, поскольку новые правила «*противоречат и крестоцеловальной грамоте, и княжеской грамоте, и рецессам городов, и шре[скре], и старине*». Купцы Ганзы

¹ Мера веса, различная в разных странах.

² Прибавка к условленному.

жаловались и на другое новое правило торговли, которое изобрели наместники: «...они придумали закон, по которому маклерам следует сперва разматывать лакены³ ипрского сукна, производить оплату и обратно сворачивать, хотя все это, любезные господа, против Бога, чести, права и крестоцелования». По словам ганзейцев, их жалобы новгородские наместники игнорировали.

В конце XV века население города состояло из новгородцев, которые выстраивали личные отношения с ганзейскими купцами и имели общие торговые интересы с ними, и из новоприбывших переселенцев из центральных уездов Московского великого княжества — «чужих» как для новгородцев, так и для ганзейских немцев. Несмотря на подтверждение всех привилегий торговли «по старине», они нарушались русскими купцами, что служило поводом для роста конфликтных ситуаций в Новгороде. Тем не менее ганзейские купцы в конце XV века не упоминают о нарушениях со стороны русских купцов, но говорят только о действиях наместников Ивана III. Наместники Московского князя часто игнорировали неписаные и невыгодные для русских купцов «древние» торговые обычаи. При этом использовались правовые уловки для несоблюдения этих традиций.

* * *

Урегулировать разногласия удалось в 1514 году, когда Немецкий двор снова был открыт. Однако из-за долгой пау-

зы ганзейские купцы были вынуждены выстраивать экономические отношения по новым правилам с новыми людьми. Ситуация осложнялась тем, что пострадавший во время пожара 1508 года двор св. Петра не действовал на протяжении двадцати лет и нуждался в значительном финансировании. Деньги для него собирались ливонскими городами и часто в долг. Также необходим был ремонт чаштокола и церкви св. Петра, своды которой могли обвалиться и привести к ещё большим убыткам.

Изменилась и социальная ситуация, в которой оказались ганзейцы. Они пишут, что «добрые друзья и высокопоставленные лица (*uppersten*) из Новгорода» дали им совет по взаимодействию с новой властью в Новгороде. Для решения конфликтов в связи с запутанными торговыми правилами «добрые друзья» посоветовали властям Ревеля и Дерпта обращаться не к новгородским наместникам, а к Московскому князю, иначе ситуация в Новгороде не изменится. Формулировка «добрые друзья» может быть как административной формальностью, так и указанием на старые социальные связи. Это письмо подтверждает, что переселенцы из центральных уездов Московского великого княжества не стали принимать «древние» правила торговли, а продолжили диктовать свои условия и торговли, и жизни в Новгороде.

В период с 1514 по 1519 год хофескнехт — управляющий Немецкого двора св. Петра — при помощи ливонских городов Ревеля, Дерпта и Риги восставлял двор св. Петра, а те пытались

³ Лакен — мера измерения сукна, равная 44 локтям, около 25,5 м.

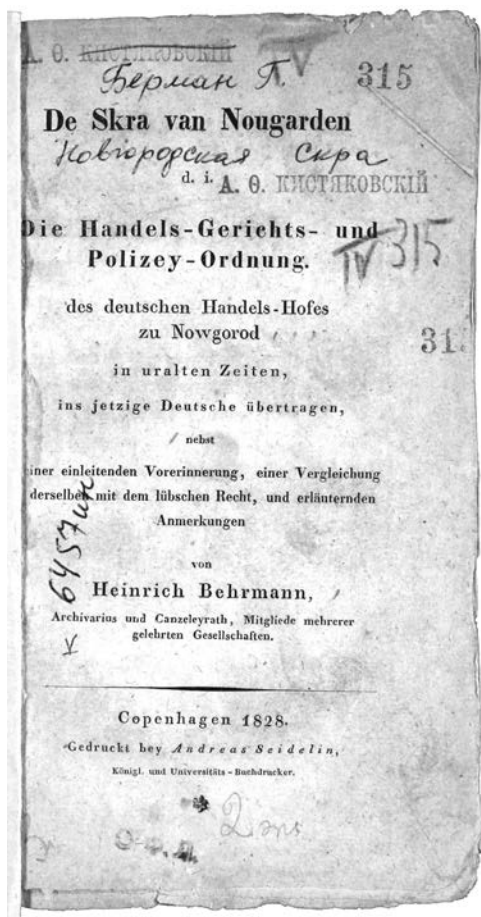
заново организовать прибыльную ганзейскую торговлю в Новгороде. Тем не менее конфликты между новгородцами и ганзейскими немцами приводили к социальному напряжению. По этой причине с ганзейской стороны уделялось особое внимание выбору управляющих.

На протяжении 1518—1519 годов ганзейские купцы в Новгороде находились в конфликте с ливонскими городами из-за выбранных кандидатур на пост управляющего. Ганзейские купцы считали, что первый предложенный кандидат Тидеман Гезелле был слишком молод для управления конторой в новых социальных условиях, а второй — Йохен Вармбеке, не соблюдал правил «старинны» и торговал с новгородцами в кредит, что было запрещено.

В XVI веке ганзейские торговцы считали, что без их мнения невозможно назначить кандидата на должность хоффескнехта, так как социальная обстановка требовала пребывания в Новгороде управляющего, который бы знал все тонкости торговли с новгородцами, а также мог бы защитить интересы купцов. В итоге им всё-таки удалось отказаться от кандидатуры Т. Гезелле и доказать, что он не подходит для управления двором. В случае с Йохеном Вармбеке доказать торговцам его вину не удалось.

Конфликт, описанный в письме 1521 года, стал тяжёлым испытанием как для ганзейской системы управления, так и для ганзейской торговли в Новгороде в целом.

Письмо от 14 марта этого года начинается с описания жалоб ганзейцев на качество товаров. Купцов беспокоит «дурная фасовка сельди», а также они

Берман, Генрих (Behrmann, Heinrich). Новгородская Скра (устав немецкой общины). Копенгаген (Copenhagen), 1828. Книжный памятник из фондов Новгородской областной универсальной научной библиотеки

упоминают о том, что «русские жалуются на английские [лакены], что они несколько короче, и что особенно недомеры выявляются в разрезных лакенах (inschechtenlacken)». Важно отметить, что, заканчивая описывать даже такие

рядовые проблемы, с которыми двор в предыдущие века успешно справлялся, ганзейские купцы напоминают ревельским властям о том, что контора может прийти «*в окончательный упадок*» и перейти в «*чужие руки*». А это означало потерю ганзейской монополии на новгородском рынке, куда придут торговцы из конкурирующих с Ганзой стран. Авторы письма говорят и о плачевном состоянии церкви св. Петра: протекает крыша, стены и своды проседают, всё держится на подпорках. К тому же она получает незначительный доход и имеет большие долги. Перечисляя вышесказанное, ганзейцы указывают на общее состояние дел и пишут, что их в Новгороде «*защищает лишь Божья сила*».

Письмо продолжается описанием действий новгородцев, от которых ганзейские купцы ощущают себя незащищёнными. В частности, ганзейцы указывают на невыносимость отношений с новгородскими носильщиками, которые обирают их, а в случае противоречий «*пускают в ход глотки и руки*».

Это письмо ещё интересно тем, что в нём освещены события, которые выделяются из ряда регулярных жалоб на плохое состояние церкви и незначительные конфликты с новгородцами. После описания конфликтов с носильщиками ганзейские купцы отмечают другой акт насилия со стороны новгородцев: «*...на нас здесь набросились приставы, [как] псы, повалили нас на землю, самовольно вломились в горницы (dornisse), избили и ранили унтеркнехта* (помощник хофескнехта — Н.М.)». Дело в том, что унтеркнехт Тиман Грелле с несколькими купцами хотел вывезти из страны

женщину, которая была женой попа и «*хотела жить в Ливонии*». С одной стороны, конфликт мог бы разрешиться одной уплатой штрафа в 20 новгородских рублей, которые унтеркнехт решил занять у новгородцев. Но ситуация осложнилась тем, что он скончался и остался должен не только занятые для выплаты штрафа деньги, но и, как позже выяснилось, ещё около 500 рублей, на которые он покупал у новгородцев в кредит. Помощники Грелле были выданы под поручительство хофескнехта Йохена Вармбеке и Якоба Шютте, за что виновные обещали освободить их своевременно от обязательств поручительства. Но обвиняемые ганзейцы не обладали достаточными средствами для уплаты долга. Ганзейские купцы пишут, что находятся в Новгороде «*в большом притеснении*» и что у них нет ничего, чем бы они могли помочь виновным купцам в выплате долга и штрафа. Поэтому единственное, о чём они просят власти Ревеля, — это поспособствовать освобождению невиновных от обязательств и наказать виновных.

Приведённый выше конфликт позволяет понять, что напряжённые социальные ситуации порождались не только разными трактовками торгового права и «старины», но и поступками отдельных ганзейских купцов.

Новгород имел древние и крепкие отношения с западноевропейскими купцами, благодаря чему был для ганзейцев прибыльным местом. Ганзейские привилегии, установленные как в письменной, так и в устной формах, в XII—XIII веках продолжали соблюдаться новгородцами из поколения в поколение до последней

четверти XV века, что позволяло Новгороду быть важным связующим пунктом между Западной и Восточной Европой.

Новгород до потери независимости выделялся из всех русских городов, но в сознании составителей документов являлся чем-то чужим и далёким, что приводило к созданию ограничительных статей в скре, строительству частокола, а также к решению об охране Немецкого двора собаками.

После потери Новгородом независимости ситуация изменилась. Подтверждённые Иваном III привилегии ганзейцев стали интерпретироваться по-новому. В статье, посвящённой использованию «старины» в Великом княжестве Литовском, М.М. Кром отмечает, что в борьбе письменной и устной правовой традиций в XVI веке всё большее значение начинает играть документальная. Схожий процесс в конце XV века проходил в отношении Немецкого двора св. Петра. Ганзейские купцы пишут в ливонские города-протекторы, что не понимают новых правил торговли, так как новгородцы изменяют привычные. Также они отмечают, что в ходе судеб-

ных разбирательств новгородцы стали пользоваться «московитским правом», а не привычной новгородско-ганзейской «старинной». Можно предположить также, что разрушение «старины» было направлено не только на ганзейцев, но и на новгородцев.

Несмотря на включение Новгорода в московское политическое пространство и изменение его социального состава, старые социальные связи сохранялись, однако в первой четверти XVI века появляется новая для ганзейцев практика обращения к Московскому князю.

Ганзейская корреспонденция свидетельствует и о том, что спустя 20 лет новгородские наместники продолжили изменять правила торговли. Такая ситуация требовала назначения сильного и уверенного управляющего, который мог бы урегулировать конфликты. Напряжённые отношения с новгородцами, вызванные разными трактовками письменного права, становились причинами внутриганзейских административных и социально-экономических конфликтов. Несмотря на все сложности, ганзейцы вели торговлю в Новгороде до XVII века.

1. Бернадский В.Н. Новгород и Новгородская земля в XV в. М., Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1961. 399 с.

2. Бессуднова М.Б. Действия разведывательной службы Ливонского ордена накануне русско-ливонской войны 1501—1503 годов // Балтийский вопрос в конце XV—XVI вв. М., 2010. С. 17–31.

3. Бессуднова М.Б. Петрову двору капут: Закрытие ганзейской конторы в Новгороде // Родина: исторический научно-популярный журнал. 2009. № 9. С. 43–46.

4. Русская Ганза: жизнь немецкого подворья в Новгороде, 1346—1521 годы: письма и материалы / перевод, примечания, статьи М.Б. Бессудновой. СПб.: Евразия, 2019. 280 с.

5. Рыбина Е.А. Международные связи Новгорода // «Не в силе Бог, но в правде!». Александр Невский. 1221—1263 / Сергей и Алексей Кобаевы: [сайт]. URL: <http://222.a-nevsky.ru/>

library/ocherki-istorii-srednevekovogo-novgoroda27.html (дата обращения: 01.11.2022). Изображение двора св. Петра на скамье в церкви Святого Николая в Штральзунде. Конец XIV в.

6. Казакова Н.А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Конец XIV — начало XVI в. Л.: Наука, 1975. 360 с.

7. Коваленко Г.М. Великий Новгород в иностранных сочинениях. XV — начало XX века. М.: Ломоносовъ, 2016. 216 с.

8. Кром М.М. Меж Русью и Литвой: пограничные земли в системе русско-литовских отношений конца XV — первой трети XVI в. 3-е изд., испр. и доп. М., 2019. С. 288–309.

9. Russischer Pelzhändler — Endwangenfragment vom Gestühl der Kaufleute im Dom // Museen Nord. Sammlungen — Kultur Sichern: [интернет-портал]. URL: <http://museen-sh.de/Objekt/DE-MUS-088015/lido/33> (дата обращения: 01.11.2022). Русский торговец мехом. Фрагмент скамьи из Любекского собора. 1425–1450.

10. Рыбина Е.А. Иноземные двory в Новгороде XII—XVII вв. М.: Изд-во Московского университета, 1986. 176 с.

11. Хорошкевич А.Л. Право «вывода» и власть «государя» // Россия на путях централизации. М., 1982. С. 36–41.

12. Хорошкевич А.Л. Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV—XV веках. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. 365 с.

13. Янин В.Л. Новгородские посадники. М.: Академический проект, 2017. 511 с.

14. Hanserecesse. Die Recesse und andere Akten der Hansetage. Abt. 3. Bd. 2. Hrsg. D. Schäfer. Leipzig, 1883. 688 s.

15. Hanserecesse. Die Recesse und andere Akten der Hansetage. Abt. 3. Bd. 7. Hrsg. D. Schäfer. Leipzig, 1905. 941 s.

16. Hansisches Urkundenbuch / hrsg. v. Verein für hansische Geschichte. Bd. 11. Hrsg. W. Stein. Leipzig, 1916. 900 s.

17. Mélangesrussestirés du Bulletin de l'Académieimpériale des sciences de St.-Pétersbourg. T. IV. St.-Pétersbourg, 1872. 802 p.

«НОВГОРОД ЗНАМЕНИТ, ВЕЛИК, КРАСИВ, ДОВОЛЬНО НАСЕЛЁН...»

Записки иностранных путешественников о Великом древнем Новгороде стали широко известны в последние годы благодаря книгам кандидата исторических наук Геннадия Михайловича Коваленко. В них собраны и систематизированы сочинения иностранных авторов о прошлом Новгородской земли, её городов и селений, соборов и монастырей, традиционной культуры новгородцев XV — начала XX века.

Альманах продолжает публикации из иностранных сочинений, подготовленных Г.М. Коваленко. Предлагаем читателям выдержки из записок иностранцев, посетивших Новгород и окрестности в конце XVIII — начале XIX века и оставивших личные впечатления о достопримечательностях и быте новгородцев, описание географических и климатических особенностей. Эти записки публикуются впервые, две из них переведены на русский язык Г.М. Коваленко и А.М. Галиновой.

Луи Николя де Леспинас. Вид города Новгорода. Париж, 1793 г.

1768. Иоганн Петр Фальк

Фальк Иоганн (Юхан) Петр (1732?—1774) — шведский путешественник и натуралист, ученик Карла Линнея, по рекомендации которого был принят на должность директора ботанического сада Российской Академии. В 1768 году участвовал в Оренбургской академической экспедиции, маршрут которой проходил через Новгород. В его путевых заметках содержатся сведения о населении тех мест, которые он посетил.

Уз Петербурга в Москву следовал я по большой дороге <...> Главнейшие воды в сей стране, включая Неву, суть: реки *Ижора* и *Тосна*, кои обе вытекают из Дудеровых гор и впадают в Неву. <...> *Волхов*, соединяющий озеро Ильмень с Ладожским, есть река большая, судоходная. Берега его местами высокие, известково-шиферные с остатками морских черепокожих <...>

Между С. Петербургом и Новым городом на Волхове городов никаких нет, а встречаются только местами небольшие и бедные деревни. Поселяне суть по большей части русские, а около Ижоры чухонцы, которые от реки Ижоры называются *ижорцами* и которые частью протестантского, частью же греческого вероисповедания. Все они, смотря по мере распродажи своих произведений, занимаются мало сельским хозяйством. Российские крестьяне извозничают; у ижорцев же нет для сего промысла ни хороших лошадей, ни деятельности.

В сей стране находится озеро *Ильмень*, принимающее в себя от запада *Шелонь*, от юга реку *Ловать*, а от восто-

ка *Мсту*; следовательно место сие есть низменное; но оно к северу через *Волхов* соединяется с *Ладожским озером*, которое гораздо ниже. Кроме многих малых озёр, находится ещё при *Валдае* *Валдайское озеро* длиною в 5, а шириною на 3 версты. Имеет оно воду очень хорошую, изобилует рыбою, заключает в себе много обитаемых островов и соединяется с *Мстою*. <...> *Мста* есть река нарочитая. Она выходит у *Вышнего Волочка* из *Мстина озера* и близ *Боровичей* имеет пороги, затрудняющие судоходство, но оному не препятствующие. При *Юрьевском монастыре* сближается она с *Волховом* на 3 версты, и потому можно бы было здесь обе реки соединить и таким образом миновать судоходства по *Ильменю*.

Вышневолоцкий канал, заложенный *Петром Великим* для соединения *Волги* с *Невою* и, следовательно, *Каспийского моря* с *Балтийским*, довольно известен. Он соединяет *Тверцу* и *Цну*, впадающую в *Мстино озеро*. Обе реки текут в двух верстах одна от другой и на одинаковой высоте, а потому и нужно два шлюза.

Сторона от Новгорода до *Бронниц* при Мсте ровная. У Бронниц на левом берегу Мсты стоит отдельная кеглеобразная гора, называемая *Ивановскою* горою. Её можно было бы почестъ делом рук человеческих, если бы она не имела земных пластов и ключей. <...>

Новгород знаменит, велик, красив, довольно населён и в продовольствии недостатка не имеет: внутри его находится до 50 церквей, и есть достопримечательные памятники древности. Близ города есть стеклянный и стальной завод.

Боровичи, Крестцы и Валдай, по Валдайскому хребту гор, суть деревни промыслом и пространством похожие на Вышний Волочок и Торжок при Тверце. Они по большей части получают пропи-

тание от судоходства, поелику там проходит ежегодно до 3000 барок.

Поселяне все русские и занимаются обыкновенным сельским хозяйством; другие живут судоходством и извозничаньем. Здесь деревни малые, рассеянные и бедные.

Около Новгорода находятся прекрасные монастыри, но из всех Новгородских монастырей самое лучшее местоположение имеет *Иверский* монастырь, лежащий на острове Валдайского озера, называемого Святым.

По Валдайским горам видно очень много древних курганов. Они походят на полушария вышиною в 2 или 3 сажени; немногие из них ископаны, а потому, вероятно, и опыты были малоуспешны.

Печатается по изданию:

Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое Императорской Академией Наук. Т. 6. СПб., 1824. С. 1–7.

Балтазар Траверс. Великий Новгород. 1780-е гг.

1790. Андерс Винберг

Винберг Андерс (1753—1831) — выпускник Упсальского университета, пастор. В качестве судового священника принял участие в русско-шведской войне 1788—1790 годов. Был взят в плен в Выборгском сражении и провёл два месяца в русском плену. После возвращения из плена посвятил себя пасторской деятельности. Свои воспоминания о войне и пребывании в России описал в дневнике, рукопись которого хранится в музее Стокгольма.

13 [августа] в 2 часа пополудни мы прибыли в Новгород, преодолев 20 вёрст всё по гати (мощёной дороге). Город расположен в довольно красивом месте по обе стороны реки Невы. Хотя он и не оправдал моих ожиданий при виде многочисленных блестящих церковных куполов, увиденных на расстоянии, он всё-таки достаточно красив. Его улицы аккуратны, много красивых каменных домов и множество торговых лавок. Малая часть, которая лежит по эту сторону реки, со стороны материка обнесена высокими стенами, валами и рвом. Другая, которая является собственно городом, также оснащена валами со стороны материка. Однако укрепления в ветхом состоянии и рвы засыпаны.

В русских городах о числе их жителей никоим образом нельзя судить по количеству церквей. Строительство церквей считается заслугой. Поэтому даже в маленьких городах можно увидеть много красивых церквей. В Новгороде я насчитал 6 церквей, построенных вплотную друг к другу. Раньше город был в лучшем состоянии. О его

уменьшении свидетельствуют многочисленные сады внутри вала. Поскольку он лежит на пути между Москвой и Петербургом, он достаточно дорогой. В трактире Линднера, вежливого человека, можно поесть по-королевски за 40 копеек и 48 с бутылкой кваса.

Нас разместили в маленьком каменном доме. В помещении, куда я попал, нас было 12 человек. Спального места не было, вместо него была брошена старая солома. Мы попросили вынести её и предпочли положить на пол нашу одежду, чтобы не испытывать других неудобств. У дверей была выставлена стража, чтобы прислуга не шумела. В этом генерал-губернатор Архаров хотел уверить нас через своих гайдуков. Но это вызвало лишь усмешку (мы не восприняли это всерьёз). В 9 часов вечера пришёл полицейский сержант, чтобы удостовериться, что мы все на месте, о чём он должен был представить рапорт. А другой пришёл, чтобы потушить свет.

По предписанию ревельского губернатора барона Врангеля мы должны были остаться в Новгороде, но вскоре

мы услышали другое. Едва мы прибыли к секретарю генерал-губернатора, адъютант и подполковник обратились к нам со следующими словами: «Все офицеры остаются здесь на 4 дня, а кадеты и младшие офицеры отправятся на следующий день». Через 15 минут они пришли и сказали, что мы все вместе уезжаем на следующий день рано утром по причине, о которой генерал-губернатор только что узнал, офицеры в Ярославль, а кадеты в Нижний Новгород. Те, у кого крытые экипажи, не могут взять их с собой, поскольку дороги узкие. Офицеры потребовали встречи с генерал-губернатором, но в этом им было отказано. Губернатор Самарин, вежливый и учтивый человек, не счёл возможным посетить узников.

14 [августа] в 4 часа пополудни в сопровождении ассессора Клибеля мы покинули Новгород. Проехав 35 вёрст, в 2 часа ночи мы прибыли в село, или так называемый город Бронницы.

6 [сентября] мы прибыли в Новгород и были расквартированы на старом месте. Как только мы туда прибыли, явился секретарь генерал-губернатора (по фамилии Сюднблад, в обращении такой же, как и его начальник, прозванный Большой Канальей) и по поручению своего господина спросил: желают господа офицеры отправиться в Петербург водным или сухопутным путём? Те, кто

пожелает ехать по суше, должны выехать на следующий день, то есть 7 [сентября], те, кто предпочтёт отправиться по воде смогут это сделать не ранее, чем через 4 дня, поскольку барки ещё не готовы. Был выбран сухопутный вариант. Через час секретарь вернулся и сказал, что по распоряжению императрицы 15 человек могут ехать по суше, а остальные вместе с кадетами и младшими офицерами морским путем. По воде поедут уже завтра, а другие дня через 4. Те, кто едет по воде, не могут взять с собой экипажи.

7 [сентября] после обеда некоторые офицеры и кадеты отправились от берега Невы на 2 барках. В 6 часов пополудни пришёл полицейский лейтенант с другим офицером и сказал: марширен, марширен сейчас, лошади, кибитки и показал на направление. Это означало не что иное, как попытку чрезвычайно досадить нам. Если бы они нашли какого-нибудь переводчика, или сам Сюднблад пришёл, то они услышали бы много правды. Однако мы всё-таки отложили свой отъезд на день, и я охотно увидел то, что давно откладывал, ибо у меня появилась возможность посетить архимандрита.

8 [сентября] в 9 часов утра мы выехали из Новгорода в сопровождении драгунского офицера и до полудня приехали в село Подберезье.

Печатается по изданию:

Winberg A. Dag-Bok hållen på Kongl Galere Flottan åren 1789 och 1790 samt Fångenskap i Ryssland. Stockholm, 1967. S. 47–53.

Перевод Г.М. Коваленко

1813. Оноре де Белэ

Де Белэ Оноре (1789—1862) — лейтенант роты гренадёров 4-го батальона 36-го полка 12-й пехотной дивизии. Попал в плен на Березине в ноябре 1812 года. В январе 1813 года был направлен из Витебска в Бирск через Великие Луки, Порхов, Новгород, Боровичи, Кинешму, Казань, Бугульму. В своих мемуарах он довольно подробно описал условия жизни в русской провинции.

Проехав по территории, покрытой древними таинственными лесами и огромными болотами, а затем по возделанным плодородным равнинам, 14 августа мы достигли Великого Новгорода, который расположен на берегу Волхова рядом с прекрасным озером Ильмень. Посещение этого города

вызвало у нас большой интерес; помимо множества замечательных памятников, там сохранился собор Святой Софии и старый кремль. Когда-то это был один из важнейших городов империи, но строительство Петербурга в 45 лье к северо-западу отсюда стало для него роковым ударом.

Печатается по изданию:

Военнопленные армии Наполеона в России. СПб., 2012. С. 258.

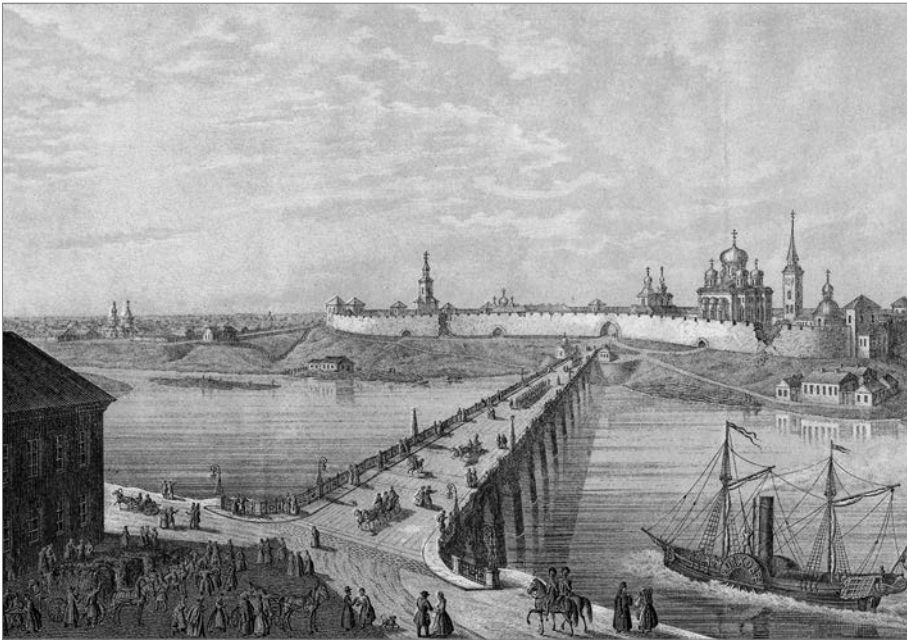
Новгород. Панорама с Волхова. Гравюра первой половины XIX в. (РГБ)

1823. Георг Джонс

Джонс Георг Мэтью (1785—1831) — английский морской офицер и путешественник.

Мы добрались до Волхова, пересекли его по мосту из дерева и камня длиной в восемьсот футов и въехали в город Новгород, некогда столь прославленный, что дал начало русской поговорке «Кто против Бога и Великого Новгорода?». Когда-то он был независимой республикой, или княжеством, в сердце России. Сам город, говорят, имел окружность более тридцати вёрст и население четырёхста тысяч душ. Так или нет, но последнее сейчас сократилось до семи тысяч, а окружность стала менее двух миль, на которых видны остатки былого величия в абсолютном упадке. Мы наняли сани и проехали по городу, который, как мы обнаружили, в основном состоит из обветшалых кирпичных домов, перемешанных с деревянными, многие из которых в том же состоянии. Все новые дома заслуживают лишь ограниченного и скудного описания. Многие женские монастыри и церкви сохранились до сих пор. Спустя короткое время мы направились к собору Святой Софии, который, как говорят, был возведён греками вскоре после введения христианства в России и назван в честь собора в Константинополе. Это высокое квадратное строение с четырьмя оловянными куполами и ещё одним, некогда позолочен-

ным, куполом. Мы вошли в пару медных ворот, украшенных различными горельефными фигурами, изображающими страсти нашего Спасителя и иные скульптурные объекты. Внутренняя часть имеет двенадцать массивных колонн, которые, так же, как и стены, усеяны изображениями нашего Спасителя, Девы Марии и различных святых. Говорят, что часть этих изображений весьма древние. <...> Но самая ценная реликвия — мощи Владимира (род. в 1020 г.), который заложил эту церковь, его матери Анны, дочери восточного императора Романа, и Фёдора, брата Александра Невского, умершего в 1228 году. Их хорошо сохранившиеся левые руки лежат накрест на груди; это единственные части тела, которые выставлены напоказ. Раки серебряные, их держат в склепах из резного дерева, посеребренных и позолоченных, и окружённых железными перилами. Стены покрыты грубой, но, принимая во внимание её древность, любопытной мозаичной работой. Их реликвии называют мощами Бога, что означает нетленное тело Божьего любимца, поскольку, в соответствии с общим убеждением простых русских людей, тела выдающихся святых не тлеют. Исходя из этого, они утверждают, что с течением лет тело любимого святого, как доказательство

Поммо Е. Новгород в 1843 году. Литография. 1844 г.

его канонизации на небесах, благодаря сверхъестественной силе, постепенно восстает из могилы, появляется на земле нетленным и немедленно начинает творить чудеса. Как следствие, в различных местах многие из этих чудотворных тел хранятся в монастырях и соборах и открываются в определенные праздники, чтобы принять от людей акты почтения <...>. Удовлетворив любопытство и вполне сносно пообедав, к 8 часам пополудни мы уже вновь тронулись в путь.

Ночь оказалась пасмурной и холодной: дорога была сильно разбита, поэтому мы продвигались медленно, снег, не прекращая, падал на поверхность земли. Мы нашли интересным открывшийся вид, а летние путешественники

говорят, что район, который мы пересекли, имеет несколько курганов, достойных внимания. В течение последующего дня ветер усилился, на закате разразилась настоящая буря, из-за которой снег сносило в сторону с такой силой и в таких количествах, что наше путешествие стало чрезвычайно медленным и опасным. Опасность увеличилась, когда мы находились среди небольших холмов или возвышенностей, которые при этом уровне земли называют Валдайскими горами; их название происходит от названия красивого озера окружностью в 20 миль, в середине которого есть остров с женским монастырём, представляющим собой впечатляющий объект. Окрестности представляются

Неизвестный автор. Новгород от моста через Волхов в XIX в.

живописными и интересными, формируя высочайшую точку возвышенности между Финским заливом и Каспийским и Чёрным морями и отделяя воды, текущие в вышеупомянутые моря. Независимо от того, были ли они живописными для летних путешественников, у нас они подобного интереса не вызвали. Я думаю, что если бы не красноречие нашего кучера при управлении нашими бедными, обессиленными и измученными животными, мы бы, скорее всего, погибли и оказались похороненными под снегом. Мы все были вынуждены спуститься, чтобы облегчить повозку; мы едва могли идти по нападавшему снегу. Я предпринял неудачную попытку повиснуть сзади, но внезапный толчок

скинул меня, и только по счастливейшей случайности меня хватились до того, как мои попутчики скрылись из виду. Позже снег стал для нас настолько непреодолимым препятствием, что если бы некие следовавшие мимо самаритяне не подставили под повозку свои плечи, нам бы не удалось выбраться. После многих физических страданий мы достигли почтовой станции Зимогоры, около 8 часов пополудни, где раздобыли хороший обед, и нам посоветовали провести здесь ночь, хотя о жилье с кроватями даже не шло речи. По прибытии нас окружили женщины, предлагающие баранки (печенье, характерное для этой части страны) на продажу: мы купили несколько в запас и нашли их превосходными. В час

ночи погода стала чуть лучше, и поскольку только что прибыл дилижанс, ездивший, если я могу позволить себе это выражение, между двумя столицами и немедленно продолжавший путь в Москву, мы решили воспользоваться преимуществом транспортного средства. Этот транспорт лёгок, по форме похож на некую двойную кибитку (Kabithis), везущую четверых пассажиров, — двоих спереди и двоих сзади, — каждый из

которых платит семьдесят пять рублей, не считая платы за багаж. Это первая попытка подобного рода на дороге и, полагаю, несомненно, в империи, и приносит необычайно хороший доход. Говорят, что некоторые министры имеют в этом долю, и правила столь хороши, что он (дилижанс — А.Г.) никогда не задерживается более чем на пятнадцать минут для смены лошадей, в то время как мы редко добывали наших в течение часа.

Печатается по изданию:

Trawels in Norway, Sweden, Finland, Russia and Turkey ...
By George Matthew Jones. Voil. II. London, MDCCLXXVII.
 P. 4–9.

Перевод А.М. Галиновой

Первый российский император Петр I, чей юбилей отмечается в 2022 году, коренным образом реформировал российскую действительность. Петровские преобразования привели, прежде всего, к усилению власти государства. «В необыкновенных усилиях Петровых видим всю твёрдость его характера и власти самодержавной», — писал об этом российский историограф Н.М. Карамзин.

В настоящей статье рассматривается вопрос об отношении власти светской и церковной на примере русской истории XVII — начала XVIII века. Автор рассуждает о реформах Петра, которые были подготовлены и продиктованы в годы правления его отца Алексея Михайловича; о петровских идеях духовного просвещения, продолжительное время созревавших на Руси со времён новгородского митрополита Геннадия; о стремлении императора установить свою власть над Православной Церковью; о создании института Священного Синода, упразднении патриаршей власти и непосредственных участниках этих событий — архиепископах новгородских Феофане Прокоповиче и Феодосии Яновском.

Александр Ранне, протоиерей
ФИЛОСОФИЯ САМОВЛАСТИЯ

Уже в XVIII веке можно выделить двойные оценки личности Петра Великого: позитивную, которая ярко проявилась в работах А.Н. Радищева, и принципиально критическую, нашедшую отражение в творчестве М.М. Щербатова. Последний подвергает острой критике времена правления Петра I и Екатерины II в контексте «повреждения нравов». Он был дядей П.Я. Чаадаева и автором запре-

щённого в России труда «О повреждении нравов России». Это произведение представляет собой критику с православных монархических позиций разновидности того явления, которое позже получит название «просвещённый абсолютизм». Н.С. Трубецкой считает, что это стало причиной развития двух типов ложного национализма в России — имперского шовинизма как подражание немецкому, который внедрял Петр, а также нацио-

нализма самостийников, разросшегося в послереволюционный период.

Петр I, по мнению Ф.М. Достоевского, чутко уловил идею времени, стремление русского народа к обновлению, но только в этой идее Петр и был народен. Воплощение этой идеи было антинародно, поскольку преобразовывалась главным образом внешняя сторона, тогда как русский народ более склонен обращать внимание на суть дела. Это внешнее преобразование и было, по мнению писателя, причиной того, что народ реформу не принял, и вследствие этого русское общество раскололось — *«земство разошлось с служилыми сословиями»*¹.

До середины XVII века законодательство на Руси имело причинный характер. Оно не касалось учреждений государственного порядка, так как обосновывалось обычаем или обычным правом. «Метафизика нравов», по Канту, должна одухотворить нравы и обычаи, сделать требования нравственности ежеминутной практикой жизни, практическим разумом. Нравственность как бы должна стать обычной (обыденной), но для этого обычаи должны быть нравственными. Когда нравы и обычаи являются твёрдыми основаниями общественной и личной жизни, тесно связаны между собой, проверены опытом и основательно вплетены в ткань общественной жизни, устойчивость социума не вызывает сомнений. Всё происходит естественным образом, а нарушение обычая вызывает отторжение со стороны общности.

В период Смутного времени обычное право показало свою неустойчивость.

Двухпалатный собор 1648—1649 года принял так называемое Уложение, которое стало на Руси первым систематизированным законом. С октября 1648 года начались слушания 25 глав Уложения, которые имели в себе 967 статей. К слушанию царём были приглашены высшее духовенство и дума, а в 1649 году Уложение было напечатано двумя тиражами по 1200 экземпляров.

Кроме всего прочего, Уложение угрожало суровыми карами богохульникам. Но наиболее чувствительными для взаимоотношений Церкви и власти были материалы, присланные в Москву восточными патриархами для Поместного собора 1666—1667 годов. Документы эти были присланы Алексею Михайловичу для подтверждения его права на низложение патриарха Никона.

Ответы патриархов касательно власти светской и власти церковной как бы устанавливали границы царской власти в отношении патриарха и епископата. Однако по смыслу и контексту содержания видно, что царь наделяется неограниченной компетенцией. *«Патриарху же быти, — читаем здесь, — послушлива царю, яко поставленному на высочайшем достоинстве и отместителю Божию»*. Правила настаивали на необходимости для светской власти в лице царя действовать в соответствии с заветами Церкви (канонами). Однако одновременно утверждалось беспрекословное превосходство светской власти над церковной: *«...никтоже не имеет толико свободы да возможет противиться царскому велению»*. Это утверждение

¹ Достоевский Ф.М. Два лагеря теоретиков. 1862 г. // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в тридцати томах. Том двадцатый. Статьи и заметки. 1862—1865. Л., 1980. С. 7—17.

обосновывается восточными патриархами одной фразой: «Закон бо есть». А также ссылкой на «божественное право государя». Петр I, когда, после смерти патриарха Адриана, ему намекнут на необходимость выбора нового патриарха, указывая на свой меч, скажет: «Вот вам патриарх». Имея в виду текст из послания к Римлянам апостола Павла 13,1-8: «...всякая власть от Бога <...> *Власти страшны не для добрых дел, а для дурных <...> Они слуги Бога и действуют тебе во благо. А если делаешь зло, тогда бойся: они не напрасно носят меч*». Но в продолжение этих текстов есть примечательные слова: «...ведь власти исполняя свои обязанности, тем служат Богу» (стих 6). Возникает вопрос: «Какие обязанности должны исполнять власти? И где эти обязанности должны быть сформулированы?»². Перед кем ответственен облечённый властью за свою службу? Только ли перед Богом?

Есть основания полагать, что Феодор Алексеевич, сочувствовавший патриарху Никону, по совету Симеона Полоцкого, серьёзно рассматривал вопрос об учреждении на территории России четырёх патриархатов с папским престолом во главе, который предназначался для Никона. В этом контексте нужно иметь

Уложение по которому суд и росправа во всяких делах в Российском государстве производится : сочиненное и напечатанное при владении. его величества государя царя и великаго князя Алексея Михайловича всея России самодержца в лето от сотворения мира 7156.

в виду, что патриарх Никон, ещё будучи в силах у власти, разрабатывал концепцию, согласно которой светская власть должна всецело быть подчинена законам церковной жизни. Ибо христианский нравственный закон один для всех. Это вполне вписывается в полемические дискуссии, которые папы Римские вели со светскими властями, начиная с эпохи Карла Великого и, которые особенно обострились из-за так называемой Ключинской реформы XI—XII веков. Для Петра I его собственная воля была законом, а значит, она и определяла его обязанности.

По словам римского юриста Модестина, сила Права заключается в праве повелевать, запрещать, наказывать. «Тому, что установлено вопреки смыслу

² В Синодальном переводе это место звучит так: «...ибо они Божии служители, сим самым постоянно занятые».

права, — утверждал Юлиан, — *мы не можем следовать как юридическому правилу*». Наиболее авторитетный римский юрист, префект претории и друг императора Септимия Севера Папиниан был казнён Каракаллой за то, что отказался оправдать его перед Сенатом за убийство собственного брата Геты. Он был убит менее чем через год после произведения знаменитой фразы: «*Оправдание убийства не легче, чем его совершение*»³. Пройдёт совсем немного времени, и другой римский юрист Ульпиан, финикийского происхождения, скажет, что принцепс — первый в списке древнеримских сенаторов, свободен от соблюдения законов. Более того, что угодно принцепсу, то имеет силу закона.

В данном контексте следует иметь в виду, что римские императоры, будучи наследниками римского права, согласно которому они одновременно являлись и понтификами, то есть возглавляли коллегия римских жрецов, которые были ответственны за точное соблюдение языческих традиций древнего Рима, став христианскими властителями, не могли автоматически освободиться от предшествующих религиозно-культурных представлений.

В Византии император, будучи защитником и ходатаем Церкви, в обязанности которого входило попечение о её благосостоянии и охрана от внешних угроз, при необходимости избрания нового патриарха созывал собор митрополитов. Симеон, архиепископ Солунский по поводу императорской привилегии собирать собор писал, что «*царь как*

эдикт Церкви издревле имеет от божественных отцов полномочие собирать для этого Священный собор архиереев». Сами императоры тоже нуждались в освящении своей власти со стороны Церкви. К примеру, Юстиниан I Великий для своего венчания на царство, пытаясь проводить политику восстановления единства Римской империи, вызвал из Рима папу Иоанна I.

Путешествуя по Западной Европе, Петр тайно присутствовал на заседании английского парламента и страшно возмущался идеями ограничения королевской власти. Он знал, что в 1649 году был казнён король Карл I и единственным монархом, который протестовал против этого убийства, был его отец — царь Алексей Михайлович. Общаясь с иезуитами, Петр также, вероятно, знал и о теории иезуита, философа и моралиста первой половины XVII века Франсиско Суареса, согласно которой власть не есть нечто непосредственно делегированное от Бога. Суарес склонялся к монархической форме власти, покоящейся на идее общественного договора, но если власть не сообразовывается с волей народа, нарушает договор, то народ вступает в свои права, которые у него очень широки.

Петр помнил, как на его глазах во время стрелецкого бунта был убит Артамон Сергеевич Матвеев. Он был не знатного происхождения. Будучи сыном дьяка, ещё в молодости сблизился с царём Алексеем Михайловичем, стал его любимым приближённым, но только при конце царствования получил боярский чин.

³ Non tantum facile parricidium excusari posse, quam fieri.

Матвеев отличался приверженностью европейским обычаям. Дом его был обставлен на европейский манер, и там собирались для обсуждения различного рода проблем государственного, житейского и духовного характера. Причём интересно, что жена Матвеева живо участвовала в беседах с гостями. Здесь царь Алексей Михайлович познакомился с Натальей Кирилловной Нарышкиной. А подьячие и дворовые люди Артамона Сергеевича под руководством магистра (учителя) Ягана Годфрида занимались при дворе «Комедийным делом». Благодаря попечению Матвеева была даже создана в Немецкой слободе школа будущих артистов. Содержанием комедий были события из Священной истории: Есфирь, Иудифь и т.д. Первый такой спектакль был дан в Преображенском селе и длился около 10 часов, однако Алексей Михайлович с супругой присутствовали на нём до самого конца. К слову сказать, царь Алексей Михайлович был также страстным любителем игры в шахматы.

Будучи близким человеком Наталье Кирилловне Нарышкиной, Матвеев был естественным противником Милославских, но после А.Л. Ордин-Нащокина, который в конце жизни ушёл на покой и постригся в монахи, он занимался Посольским приказом и был человеком чрезвычайно влиятельным. Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин, сын псковского помещика, был не только выдающимся политическим деятелем, но и блестящим организатором деятельности Посольского приказа. С.М. Соловьёв характеризует его человеком неподкупным, воздержным, неутомимым, великим политиком, не уступавшим

европейским министрам иностранных дел и человеком европейски ориентированным. Он говорил о необходимости реформ в армии и торговли, убеждал, что Россия должна быть мостом между Азией и Европой. Являясь человеком, глубоко чувствовавшим христианское Евангельское мировоззрение, считал необходимым, чтобы богатые помогали бедным. При нём для Посольского приказа стали переводить из иностранных газет сообщения о событиях, происходивших в Европе.

Фёдор Михайлович Ртищев был тоже приближённым царю Алексею Михайловичу. Рядом с Москвой он основал Андреевский монастырь, куда собрал образованных малороссийских монахов, основал учёное братство с училищем и иногда целые ночи просиживал с монахами за учёными разговорами. В этих горячих беседах принимал участие и протопоп Аввакум, и Семион Полоцкий, и Епифаний Славинецкий. А когда умирал, просил своих наследников, чтобы не обижали крестьян. Следует, конечно, вспомнить и князя Голицына, который знал многие европейские языки, имел в доме богатейшую библиотеку и часто принимал иностранных гостей. В его доме были портреты европейских государей, географические карты. На стенах висели часы и термометры.

Дети царя Алексея Михайловича обучались Симеоном Полоцким греческому и латинскому языкам, риторике и пиитике. При дворе начали брить бороды и носить европейское платье. Симеон Полоцкий был учёнейшим монахом и неутомимым писателем. В своих виршах, возможно по примеру преподобного

Максима Грека, он писал: *«Был король французский именем Франциск I; так как он любил Св. Писание и мудрость (а родители его не любили их, но подобно варварам, жили в простоте), то немедленно дети знатных людей стали учиться, угождая королевской склонности; таким образом, по примеру королевскому, мудрость распространилась по всей стране... благо тому царству, в котором царь приемлет благие нравы для исправления всех».*

Интересно, что Черниговский архиепископ Лазарь Барановский писал, что сын Алексея Михайловича царевич Федор читал книги и на польском языке. Наверное, не случайно, когда умер польский король Михаил, ему предложили королевский престол.

Таким образом, все преобразования, которые пытался осуществить Петр I в России, уже были вполне подготовлены, и не нужно было ломать старицу через колено. Необходимо всегда помогать естественно происходящим изменениям, может быть, ускоряя их, но оставаясь в рамках собственной традиции и культуры. В противном случае, обычный человек не успевает за изменениями, происходящими вокруг, что его естественным образом травмирует и вносит в процесс развития болезненные новообразования, угрожающие самой жизни общественному организму. Исследуя «Ответы восточных патриархов...», следует иметь в виду, что все они находились в весьма бедственном положении под гнётом власти турецкого султана. Наблюдая возрастающее влияние Московской Руси, как в политическом, так и в православном церков-

ном пространстве — *«...два Рима падоша, Москва третий Рим, а четвёртому не бывать»* — они пытались ограничить роль и место Московского патриарха. С другой стороны, понимая свою крайнюю уязвимость со стороны Запада, указывали на бедственное состояние духовного просвещения на Востоке и на не устоявшиеся отношения между светской и церковной властями. Однако следует помнить, что на исторический опыт накладывался также и опыт его отца Алексея Михайловича в противостоянии с патриархом Никоном.

У Петра не было глубоких образованных воспитателей подобно Симеону Полоцкому. С раннего детства его миром был дьяк Зотов, потешные полки да немецкая слобода. Но он был человеком чрезвычайно одарённым от природы — наблюдательным и любознательным. Энергия его была через край. По воспоминаниям современников, он не ходил, а бегал. Книги и общение с иностранцами в немецкой слободе привели его к мысли о необходимости самому увидеть цивилизацию западного мира. Культурой он интересовался мало. Первая его поездка за пределы России состоялась в 1697—1698 годах.

Путешествие через Ригу и немецкие земли было достаточно скоротечным, но везде Пётр интересовался науками, производством, строительством. С Лейбницем он не встречался, но известно, что немецкий философ его поездкой очень интересовался и считал, что Европа должна оказать на царя благотворное влияние с целью культурных преобразований в России. В Голландии царя больше всего интересовало корабель-

ное производство и, вероятно, на него произвели впечатление голландские каналы, которые он намеревался ещё увидеть при посещении Венеции. По пути русский царь встречался и беседовал с представителями папского престола, иезуитами, Кентерберийским архиепископом и английским королём, который в Англии был главой Церкви. Инкогнито Петр посетил и английский парламент, но идея возможного ограничения власти вызвала у него, по воспоминаниям свидетелей, раздражение.

Петр I также присутствовал на англиканском богослужении и даже на квакерском собрании. Его интересовало всё. Часто встречавшийся с ним епископ Бэрнет говорил, что не понимает, как такому яростному человеку может Бог вручить власть над таким количеством людей. Надо полагать, что он был наслышан о жестокостях царя при подавлении стрельцкого бунта, но справедливости ради следует отметить, что в его памяти должны были присутствовать и воспоминания о временах королевы Елизаветы Английской и многое другое.

Петр I встречался с иезуитами и в Вене (в свой день рождения даже присутствовал на римско-католическом богослужении), и в Польше. Где, правда, сильно поругался с униатским епископом и хотел даже его побить за уничижительное отношение к Православной Церкви. В конце концов, к иезуитам у него сложилось весьма негативное отношение. Возможно, это усугублялось ещё и той полемикой, которая осо-

Скульптурная группа
«Основание Российской империи»
на памятнике «Тысячелетие России»

бенно во Франции разгорелась по поводу «Писем к провинциалу...» Блеза Паскаля. Идея иезуитских моралистов о так называемом «пробабилизме»⁴ отнюдь не всеми писателями подавалась на достаточно глубоком уровне, что действительно у многих вызывало и раздражение, и критику, и насмешки. Но благодаря сети лучших образовательных учреждений влияние Ордена иезуитов было огромным. Некоторые исследователи и сегодня полагают, что если бы Папа Римский не пошёл на поводу общественного мнения XVIII века,

⁴ В католической теологии пробабилизм [en] — концепция, которая обосновывает способ морального суждения, когда в сомнительных случаях следует вероятное принять за достоверное, если оно полезно для Церкви.

не было бы и Французской буржуазной революции. Внутренняя противоречивость такого утверждения очевидна. Но, во всяком случае, в России им быть не дозволялось. Пётр рекомендовал в открывавшиеся в его стране католические приходы приглашать священнослужителей из Франции.

От посещения Парижа в 1717 году у него сложились очень благоприятные впечатления. Там он встречался с королём Людовиком XV, которому тогда было всего около семи лет. Во время официальной встречи у его царской кареты Петр взял маленького Людовика на руки и несколько раз поцеловал. Мальчик, воспитанный в рамках придворного французского этикета, выдержал всё это вполне стоически. С герцогом Орлеанским, регентом при Людовике, был заключён первый договор между Россией и Францией.

Петр I посетил в Париже Академию наук, которая была образована в 1666 году. Встречал и сопровождал его учёный аббат. Русскому царю показывали различные технические достижения и лабораторные приспособления для научных экспериментов, что приводило его в восторг. А в 1724 году в Санкт-Петербурге была образована Российская академия наук. Правда, справедливости ради, следует отметить, что проблему организации просвещения на Руси Петр I обсуждал ещё с патриархом Адрианом и получил его благословение.

Посетил Петр также и Сорбонну, где учёные богословы-католики предложили ему задуматься о соединении Церквей. Говорят, что Петр рассмеялся и сказал, что он солдат, а не богослов. Однако

предложил составить предложения по объединению Церквей на рассмотрение своего духовенства. И записка такая была составлена. Русские епископы, в свою очередь, ответили, что вопрос этот не может быть решён одной лишь Русской Церковью без обсуждения с представителями других православных Церквей.

К этому времени, надо полагать, у царя уже вполне созрел свой собственный план по переустройству управления многих сторон жизни Русской Православной Церкви. Архиепископу Феофану Прокоповичу было поручено подготовить Духовный регламент, который Петр правил собственноручно. Идея глубоких преобразований была у Петра, конечно же, и до его первой поездки в Европу, а идея духовного просвещения вынашивалась на Руси со времён Новгородского митрополита Геннадия, обсуждалась на Стоглавом соборе во времена Иоанна Грозного и во второй половине XVII века получила уже своё начальное развитие.

Нет достаточно серьёзных оснований сомневаться в сообщении англиканского правоведа Френсиса Ли, что именно ему Петр во время пребывания в Англии поручил первый проект реформ. Среди прочих коллегий, предназначение которых было описано в представленном документе, были и коллегия по улучшению нравов, и по составлению законов, и коллегия по распространению христианской проповеди. По возвращении царя в Россию уже в высочайшем указе 1701 года говорилось: *«Между многими, по долгу богоданными нам власти попеченьями о исправлении народа нашего*

<...> посмотря и на духовный чин и видя в нем много нестроений и великую в делах скудость, несуетный на совести нашей возымели страх: да не явимся неблагодарны Всевыщнему, аще толика от него получив благопоспешества во исправлении как воинского, так и гражданского чина, пренебрежем исправление и чина духовного. И когда нелицемерный он, Судия, вопросит от нас ответа о толиком нам от Него врученном приставлении, да не будем безответни».

Архиепископ Псковский Феофан Прокопович был человеком протестантского менталитета. Будучи воспитанником Киевской духовной академии, он закончил Краковский иезуитский университет и, как лучший ученик, оказался в Риме в Греко-униатской коллегии. После окончания обучения ему предложили престижное место в Ватиканской библиотеке, но будущий составитель Духовного регламента, совершив ознакомительное путешествие по германским протестантским университетам, вновь оказался в Киеве и там был замечен Петром I.

Член Академии наук, профессор и глубокий исследователь истории Русской Православной Церкви Пётр Васильевич Знаменский приводит шуточный разговор Петра I с архиепископом Феофаном: *«Скоро ли наш патриарх поспеет? — спросил Пётр. — Я дошиваю ему рясу, — отвечал автор регламента. — А у меня, — заметил царь, — и шапка для него готова».* В этом диалоге можно почувствовать некоторое пренебрежение к патриархальной церковной действительности. Безусловно, царь чувствовал молчаливое осуждение как к его часто недостойному поведению,

Феофан Прокопович

так и к некоторым нововведениям. Когда царь, будучи в Голландии, во время своего первого ещё путешествия за границу повелел отправить в Россию несколько ящиков табаку, ему заметили, что патриарх, наверняка, будет против. В Европе было известно, что, по повелению патриарха Адриана, употребляющим табак, на Руси урезали нос, на что Пётр ответил, что патриарх должен заниматься духовными делами.

Но епископы русские выступили против насильственного пострижения супруги царя Евдокии Лопухиной, что, собственно, делало его вторым браком с Екатериной, с церковной точки зрения, нелегитимным. Более того, они отказались подписывать смертный приговор

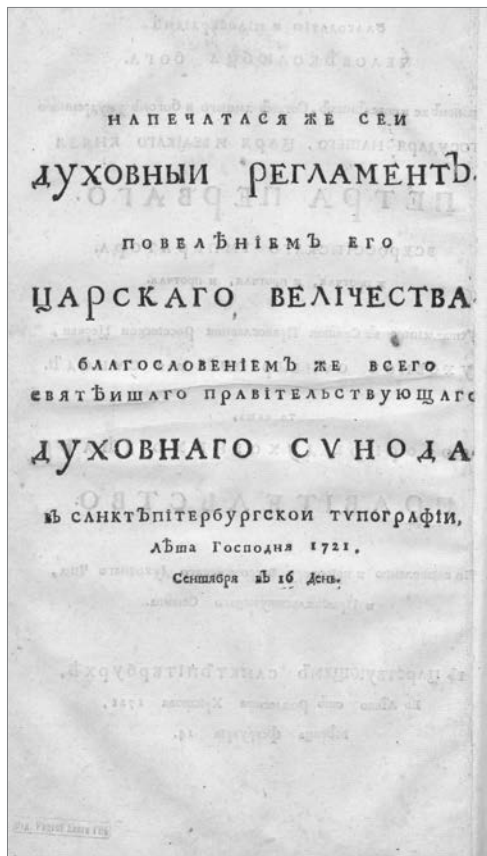
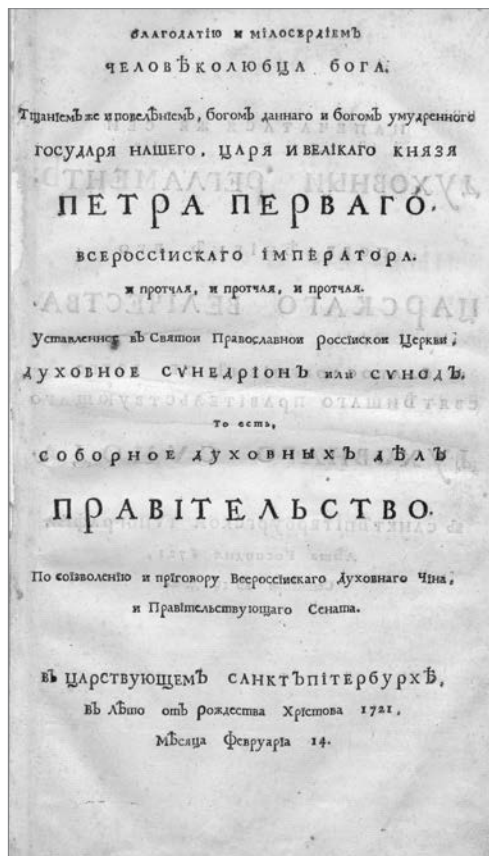
царевичу Алексею и, таким образом, Петр должен был беспокоиться о том, чтобы епископы подписали Духовный регламент, учреждающий Священный Синод под оком государевым в лице обер-прокурора.

Официальное открытие Священного Синода состоялось 14 февраля 1721 года в Троицком соборе в присутствии Государя и при торжественном собрании министров и генералитета. Торжественную проповедь произнёс Феофан Прокопович. Основным содержанием её была критика церковной действительности: *«До того пришло, — восклицал архиепископ, — что и приемшии власть наставляти и учить людей сами христианского первого учения, еже апостол млеком нарицает, неведуют... Слепи слепых водят, сами грубейшии невежди богословствуют и догматы, смеха достойные, пишут, учения бесовские прендают, и во предании бабьим баснем скоро веруется»*. Следует, однако, признать, что критика эта хоть и была в определённой степени справедливой, но явно была чрезвычайно преувеличена в угоду стремлений императора Всероссийского поставить Церковь Православную под свою власть. Этим, вероятно оговорённым заранее, угождением Прокопович и заканчивает свою речь: *«...на тебе целое лежит. Иным место дому, тебе весь сей в России дом Божий вверен»*.

Через два года пришло письмо от восточных патриархов, которые Святейший Правительствующий Синод признали «своим братом». Синод состоял из президента, которым назначался Стефан Яворский (бывший местоблюститель патриаршего престола, митрополит Ря-

занский), двух вице-президентов в лице самого Феофана Прокоповича, архиепископа Псковского, и другого архиерея, также приближённого к Петру I, Феофосия Яновского, архиепископа Новгородского. В числе других членов Синода, четырёх советников и четырёх ассессоров были представители как из среды монашествующих, так и из среды «белого» духовенства. Оком государевым в Синоде был обер-прокурор, выбранный по поручению Петра из офицеров как *«крайний судия духовной коллегии»*.

У патриарха может возникнуть соблазн стать вровень с государем. *«Ибо простой народ не ведает»*, — написано в Духовном регламенте, — чем отличается высшая духовная власть от самодержавной, и полагает, что патриарх — *«второй государь, самодержцу равносильный, или и больше его...»*, а от соборного управления, по мысли составителей этого документа, *«нельзя опасаться отечеству мятежей и смущений»*. Священный Синод должен был озаботиться борьбой с суевериями и издать три книги в рамках Закона Божьего: о догматах веры, об обязанностях всякого человека, а также собрать в единую, по возможности, книгу со святоотеческими проповедями по этим темам. *«Каждый епископ по регламенту, — пишет историк С.М. Соловьёв, — обязан был иметь в своём доме школу для приготовления священников; обязан был не высоко мыслить о своей чести; чтобы под руки его, пока здоров, не водили и в землю ему не кланялись»*. В главе о духовных школах было написано: *«Дурно многие говорят, что наука порождает ереси; наши русские раскольники*

Духовный Регламент 1721 г.
(Российская национальная библиотека)

не от глупости ли и невежества так жестоко беснуются...».

Как известно, в 1722 году в Регламент было добавлено правило, по которому священник должен был доносить, если у него исповедовался человек с преступными замыслами против царя, если он в этих замыслах не раскаивался. Однако закон этот не был включён в 15-томный «Свод законов Российской империи» и с 40-х годов XIX века в юридической практике не применялся.

С одной стороны, запрещалось постригать в монахи безграмотных и лиц младше 30-летнего возраста, а с другой стороны, монахам воспрещалось держать бумагу и чернила в своей келье. Писать они могли только в трапезной, т.е. под надзором, что говорит об опасениях не только перед распространением суеверий, но и перед антигосударственными заговорами. Монастыри должны были предоставлять пристанище военным инвалидам, содержать сиротские дома,

что с успехом, подавая пример другим, осуществлял в Новгородской епархии митрополит Иов. Когда же однажды Петру I сказали, что, мол, в монастырях молятся, он ответил: *«Так и все молятся...»*.

В Русской Православной Церкви о необходимости восстановления патриаршества никогда не забывали. Как пишет Димитрий Пospelовский: *«Самым громким было дело архиепископа Тверского Феофилакта (Лопатинского), арестованного, доведенного пытками до полусмерти <...> пожизненно заключённого в жуткие условия Выборгской крепости за издание в 1728 году "Камня веры" митрополита Стефана Яворского»*. Книга эта была запрещена ещё при Петре I за явный крен к богословской защите патриаршества. Стефан Яворский, как и Феофан Прокопович, учился в Риме, но выводы из своего опыта они сделали разные. Автор «Камня веры», будучи первенствующим членом Синода, наказания избежал, хотя его подпись стояла первой в петиции о помиловании царевича Алексея.

Весь XVIII, да и XIX век — это время мучительного становления Российской государственности и молчаливого противоборства Церкви вмешательству правительственных чиновников-обер-прокуроров, среди которых были и протестанты, и офицеры, и даже атеисты. В истории Отечества нашего зачастую или с просвещением, или с преобразованиями запаз-

дывали. Главной же проблемой были те жесточайшие меры, которые избирались по преодолению возникающих проблем, пренебрегая благом живущих, во имя тех, кто ещё не родился. Церковь же Христова всегда призывала к каждодневному труду над собой и ради общего блага во славу Божию. Протоиерей Георгий Флоровский не зря называл Духовный регламент программой русской реформации, а реформы Петра — революцией по построению «полицейского государства». Лишая человека духовной свободы, светское государство всегда сталкивается с необходимостью жесточайшего контроля над теми, кто не приучен нести ответственность за свой собственный внутренний мир.

Несмотря ни на что, Русская Православная Церковь сохранила свою духовную природу, свой иерархический строй, вероучение и христианские нравственные представления не только в синодальный период после Петровского времени, но и в эпоху гораздо более тяжких испытаний, атеистических гонений советской эпохи. Во многом это стало возможным благодаря восстановлению патриаршества на Соборе 1918 года. Какими бы жестокими ни были гонения и как бы ни было велико разорение церковной жизни — православный русский народ всегда знал, что у него есть патриарх и он является символом единства Церкви и гарантом верности её вероучения.

Валентина Рукавичникова

**«ПОСТОРОНЬ ПРАВОГО КРЫЛОСА МОЩИ
ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО
АНТОНЬЯ РИМЛЯНИНА В РАКЕ...»**

Из истории некрополя

Новгородского Антониева монастыря

Описания некрополей¹ представляют несомненный историко-культурный интерес. Историк и архивист, академик С.О. Шмидт, отмечая значение некрополистики, писал: *«Некрополи важны не только для уточнения дат жизни и деятельности отдельных лиц и их генеалогических связей, но и для познания многообразных явлений государственно-политической и социокультурной истории. Память — основа не только культуры, но и мировосприятия, и именно бережённная социальная память обеспечивает культурную преемственность поколений»* [10].

На Руси процесс становления культуры погребения: определение мест захоронения, способы их обустройства, обычаи и традиции, связанные с погребением умерших, — проходил сложно и занял длительный период. Началом государственного контроля над устройством мест захоронений можно считать «Уложение о градском строительстве» 1657 года, согласно которому запрещалось хоронить мёртвых у храмов на территории Московского Кремля². Это было связано со вспышкой эпидемии моровой язвы. Следующий указ царя

¹ Термин «некрополь» (греч. nekropolis, nekros — мёртвый + polis — город, буквально — город мёртвых) обозначает кладбища, места вечного упокоения.

² Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Т. 1. СПб., 1830. С. 391–392.

Фёдора Алексеевича 1682 года³ касался в основном перераспределения земли, отведённой под кладбища.

Документы, регулирующие порядок и санитарное состояние кладбищ, начали выходить в правление Петра I. Так, по указу от 12 апреля 1722 года требовалось надгробные камни на кладбищах при церквях и в монастырях опускать вровень с землёй, надписи на камнях делать сверху, при этом предписывалось: *«Которые же камни неудобно так разместить, употреблять их в строение церковное»*⁴. Следующий указ императора от 1723 года повелевал *«мертвых человеческих телес, кроме знатных персон, внутри городов не погребать, погребать их в монастырях и приходских церквях вне городов»*⁵. Указом Елизаветы Петровны от 1746 года были засыпаны землёй Калининское и Вознесенское кладбища, чтобы *«от них не исходил смрад мёртвых тел»*⁶. В том же году запретили пышные траурные процессии для знатных персон по всей империи. Появляться в траурных одеждах при дворе не дозволялось. Екатериной II был продублирован указ Петра I о запрещении делать долблёные гробы из сосны и дуба, но разрешалось изготавливать их из сосновых или еловых тонких досок⁷. Её же Установлением от 1771 года запрещались

погребения при городских монастырях, исключая те, в которых погребения вошли в обычай⁸.

Согласно указам 1808 и 1838 годов также запрещались кладбища внутри селений, их переносили на новое место — не ближе полуверсты от границы селения, там строили новую церковь. Накопленный опыт по введению в практику культуры погребения закрепился во врачебном уставе 1857 года [8], который, с небольшими изменениями в 1892 году, действовал до октября 1917 года.

С принятием Декрета СНК РСФСР «О кладбищах и похоронах» [2] формируется новое законодательство. Церковь уже не могла оказывать влияние на ритуал, культуру погребения и места захоронения. Организация похорон передавалась в ведение местных Советов, гражданские обряды пришли на смену религиозным. Документы Новгородского городского Совета депутатов первых лет советской власти свидетельствуют, что в целях благоустройства города и его санитарной охраны кладбища в районе бывших городских монастырей — Десятинного, Духова, Звериного, Антониева, а также при городских приходских церквях, объявлялись закрытыми, дальнейшее погребение умерших здесь воспрещалось⁹.

³ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Т. 2. СПб., 1830. С. 382–383.

⁴ Там же. Т. 6. С. 635.

⁵ Там же. Т. 7. С. 130.

⁶ Там же. Т. 12. С. 542.

⁷ Там же. Т. 19. С. 1079.

⁸ Там же. С. 409.

⁹ Государственный архив Новгородской области. Ф. Р 248. Оп. 1. Д. 87. Л. 56; Д. 174. Л. 113–114; Д. 185. Л. 188; Д. 258. Л. 95–96 об., 96–97 об.; Д. 427. Л. 11, 34; Д. 428. Л. 76; Д. 477. Л. 115.

Кладбище Новгородского Антониева монастыря.
Вид с северо-восточной стороны. Съёмка 1911 г.

Коммунальному хозяйству города предлагалось уничтожить все бесхозные и разрушенные могилы и склепы. Таковыми оказались самые старые захоронения. Металлический лом в виде решёток и крестов предписывалось передать Рудметаллторгу по существующей расценке, мраморные памятники и плиты сложить на кладбищах под навесы и продать. Закрытые кладбища использовались для общественных надобностей, на их территориях устраивались скверы, площадки и сады. Таким образом, монастырские кладбища были уничтожены. Родственникам, пожелавшим перезахоронить погребённых на действующие городские кладбища, было отказано.

В 1920 году был упразднён один из древнейших новгородских монастырей, основанный в 1106 году, — Антониев во

имя Рождества Богородицы. Двумя годами ранее была закрыта Новгородская духовная семинария (далее — НДС), которая располагалась на территории монастыря с 1740 года. Формирование некрополя в монастыре шло параллельно с развитием обители. В 1117—1119 годах был выстроен четырёхстолпный трёхапсидный одноглавый храм во имя Рождества Богородицы. Спустя несколько лет к нему с запада пристроили нартекс с лестничной башней и двумя главами. Северный и южный приделы и паперть, которая примыкает к храму с запада, были выстроены в XVII веке.

В XII веке широко практиковались захоронения в основной части храмов, причём погребения совершались как в подпольном пространстве центральной части здания, так и у южной и северной

стен [9]. В соборе Рождества Богородицы Антониева монастыря, очевидно, не отступали от традиций.

В 1974—1991 годах производились работы по изучению и реставрации собора Рождества Богородицы. Научным руководителем объекта до 1985 года был Л.Е. Красноречьев, позднее — Г.М. Штендер. При исследовании фундамента Л.Е. Красноречьевым были заложены четыре шурфа снаружи и один в храме. Во всех шурфах грунт до подошвы фундамента оказался неоднократно перекопанным при позднейших захоронениях. Земля была перемешана со строительным мусором и расколотыми костными останками. Внутри собора у юго-западной стены лестничной башни было обнаружено двойное захоронение, атрибутированное по памятным плитам, вмурованным в стену напротив погребений: иеромонаха Иерофея и архимандрита Афанасия (Афиногенова). После срезки грунта вокруг собора до уровня, необходимого для устройства водоотвода, обнаружили надгробные плиты, фундаменты склепов и детали надгробий, которые решено было сохранить. Пространства внутри склепов засыпали строительным мусором и застилали дёрном¹⁰.

Поскольку *вещественных* находок не было, вся информация о погребённых выявлялась исследователями в основном в ходе работы с письменными источни-

ками, трудами учёных-историков, в том числе Русской Православной Церкви, и искусствоведов.

Архимандрит Амвросий (Орнатский) в начале XIX века первым описал Новгородский Антониев монастырь. В «Истории Российской иерархии» [1], опираясь на сведения из русских летописей, он упомянул о настоятелях Антониевой обители и некоторых знатных персонах, упокоенных в соборе Рождества Богородицы. Самым ранним известным является погребение самого основателя монастыря — игумена Антония, который был захоронен в 1147 году у западной стены собора на расстоянии от неё в полтора аршина. До построения придела во имя Антония могила находилась, как писал Амвросий, «в палатке». После обретения мощей в 1597 году они были торжественно помещены в новую раку¹¹.

Полвека спустя настоятель монастыря и ректор Новгородской духовной семинарии архимандрит Макарий (Миролюбов) составил свой очерк истории монастыря, в котором назвал несколько имён погребённых в соборе [3]. Он ссылается на сочинение Амвросия, но перечень имён у него больше и сопровождается биографическими справками. В его список включены: братья Алфановы, иконописец Анания, архиепископы Амвросий (Андрей Юшкевич), Варлаам, стольник И.И. Стрешнев. Кроме того, он называет имена с памятных плит и над-

¹⁰ ННРУ. Р 168; Р 1247; Р 1450; Р 2238; Р 2239; Р 2569; Р 2572; Р 2573; Р 2639; Р 2643; Р 3134.

¹¹ При игумене Кирилле (Завидове) в 1597 г. произошло торжественное обретение мощей преподобного Антония. Культ его приобрёл общерусское значение. Мощи преподобного Антония в 1927 г. были переданы в Новгородский антирелигиозный музей. В настоящее время в соборе Рождества Богородицы сохранился только помост, изготовленный в 1696 г., на котором была установлена рака.

гробий, находящихся в храме: князей Василия Ивановича и Ивана Ивановича (Большого) Одоевских, воеводы М.И. Тащицева, стольника И.С. Салтыкова, дворян Чеглоковых, Олсуфьевых, Толбугиных, Матусовых¹², Княжнинных, Змиевых.

Из современных работ назовем статьи Т.В. Пинкусовой, описывающих некрополь собора Рождества Богородицы [14, 15] и проект «Остаться в светлой памяти людской»¹³, посвящённый монастырскому кладбищу. В результате работы над этим проектом в 2011—2012 году была собрана информация о 198 погребённых. Сведения о покойных находили как в рукописных документах (летописях, метрических и кладбищенских книгах, синодиках), так и в печатных (архивных документах и периодических изданиях XIX — начала XX века). Дополнялись они информацией из трудов историков, биографических словарей, справочников.

«Тетрадь для записи погребённых в Антониевом монастыре, а также новых и обновлённых церковных строений и предметов 1775—1886 гг.» сохранила имена 93 человек, упокоенных на кладбище Антониева монастыря и в Рождественском храме. В ней указаны фамилии, возраст погребённых, их сословное положение и отдельные краткие биографические сведения. Важным источником стали Метрические книги Антониева монастыря, куда в третий раздел «Об умерших» заносились имена, фамилии,

Кладбище Антониева монастыря.
Юго-восточная часть. Съёмка 2017 г.

возраст, сведения об их сословном положении, указывалась причина смерти. Здесь записывались также имена священнослужителей, совершавших обряды погребения.

Из синодиков НДС и Антониева монастыря мы знаем имена игуменов и иноков монастыря, наставников и воспитанников духовной семинарии. В Синодик монастыря внесены 566 имён преставившихся «отцов», «монастырской братии» и слуг, но место погребения в этом документе не указывалось и точно известно о погребении в обители 69 священнослужителей. Синодик

¹² Так у Макария. Сохранилась надгробная плита Е.П. Митусовой.

¹³ Остаться в светлой памяти людской / Л.А. Вавилова, Т.А. Данько, Т.Л. Верхорубова, И.Ю. Анкудинов // Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого: корпоративный портал. URL: <https://portal.novsu.ru/dept/1146/antonovo/i.817497/?id=817484> (дата обращения: 01.11.2022).

НДС включает 163 имени воспитанников, наставников и преподавателей. Но, поскольку данные об умерших воспитанниках стали фиксировать со второй половины XIX века, в документе указаны захоронения на монастырском кладбище только 36 семинаристов, 26 преподавателей (наставников) и семи членов их семей, а также семи служителей. Надгробий сохранилось шесть, из них три — в храме Рождества Богородицы и три — на кладбище монастыря.

В общий список упокоенных в обители вошли 305 имён. Из них 241 человек погребён на кладбище (четыре надгробия перенесены в собор) и 64 — в соборе Рождества Богородицы. Всего оказались утраченными 236 надгробий известных нам захоронений. Не атрибутированы одно погребение в соборе и 54 — на кладбище (фрагменты надгробий и остатки склепов).

Надгробия и памятные плиты в Рождественском соборе располагаются в паперти и в приделах Грузинской иконы Божьей Матери и апостола Иоанна Богослова, то есть датируются не ранее XVII века. В алтарной части западного придела находится надгробная плита с надписью «Младенец Валентина». Всего в соборе сохранилось 31 надгробие и 15 памятных плит, в том числе одна надгробная плита с утраченным текстом и одна гладкая. Два из имеющихся надгробия — схимницы Анисии и Г.А. Олохова — были перенесены в собор с кладбища во время реставрационных работ. Ещё одно надгробие сестёр Руженцовых было найдено во время ремонтных работ в подвале западного корпуса в 2016 году. Из упокоенных в соборе известны имена

64 человек, 18 надгробий из этого списка утрачены. Социальная принадлежность захороненных в храме определяется точно. Это представители верхушки феодального общества — князья и члены их семей, высшие церковные иерархи, местная знать. В XII веке в соборе были захоронены Антоний (Римлянин), игумен Моисей и, вероятно, игумены Алексей, Андрей и Олекса. В конце XIV века (по некоторым данным — в начале XV) в собор перенесли мощи пяти братьев Алфановых, в XVI веке здесь были погребены иконописец Анания и архиепископ Варлаам (Крутицкий), в XVII веке — князья Одоевские, Василий и Иван Ивановичи, воевода М.И. Татищев.

Захоронения на кладбище поначалу производились за алтарной частью собора — к востоку. Разрастаясь, к началу XX века огороженная территория кладбища уже простиралась вдоль северной и восточной стен собора. У западной стены храма захоронения не производились, вдоль южной стены известны лишь отдельные надгробные памятники. Удалось установить 241 имя похороненных на кладбище монастыря. До наших дней сохранилось 73 объекта — это памятники, плиты и фрагменты надгробий; из них атрибутированы только 19. Наибольшее количество погребений приходится на XIX век — 132; погребений XVIII века — 57; XX века — 34; по одному захоронению относятся к XIV и XVI векам и два датированы XVII веком.

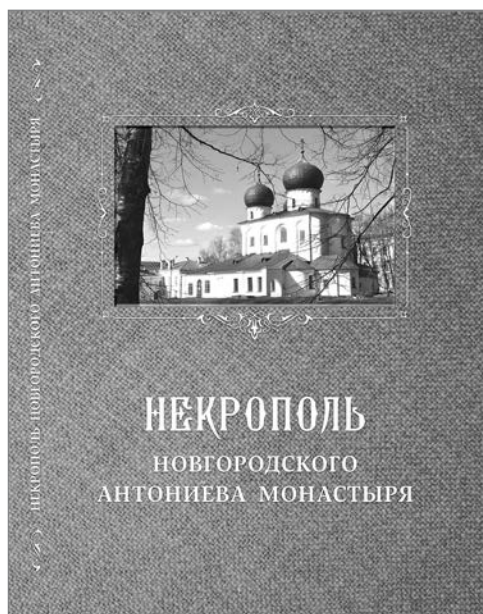
Изучая общий список погребённых в монастыре по социальному статусу, мы видим, что здесь упокоены 69 священнослужителей (47 на кладбище

и 22 в соборе Рождества Богородицы), причём 11 из них служили в НДС. Лиц, имеющих отношение к НДС, в том числе воспитанников, преподавателей, прочих должностных лиц, не имеющих сана, — 68 человек; здесь же хоронили вдов, жён и детей священнослужителей и детей преподавателей семинарии — соответственно 6 и 5 человек.

Более половины списка — это жители Новгорода, не имеющие прямого отношения ни к монастырю, ни к семинарии. Среди них официальные губернские должностные лица и члены их семей: вице-губернаторы Н.С. Давыдов и А.П. Донауров; коллежский ассессор А.Я. Качев, полицмейстер Лулудаки, инспектор Новгородской врачебной управы Гриневский — всего 55 человек. Военных, в том числе отставных, а также членов их семей — 54. Известно, что некоторые, из имеющих воинское звание, занимали значительные посты на гражданской службе. В этом ряду секунд-майор И.А. Дирин, генерал-майоры П.П. Донауров и А.Е. Карякин, капитан-лейтенант в отставке ассессор Ю.П. Свиньин, контр-адмирал А.И. Толбугин. В Антониевом монастыре нашли последнее пристанище 54 представителя высшего сословия — князья, бояре, дворяне.

Купцов и членов их семей на кладбище монастыря погребено 22 — это именитые и уважаемые граждане, общественные деятели, благотворители: К.П. Зимин, А.Е. Останин, Д.В. Пирожников, отец и сын Пискулины, отец и сын Вороновы, Г.М. Сметанин и другие. В монастыре похоронены также четверо крестьян и двое мещан, вероятно, из служителей монастыря. О двадца-

ти погребённых информации нет или приводятся сведения, не позволяющие определить, к какому социальному слою относился покойный, например: «девица», «младенец». В некоторых случаях, кроме имени и дат рождения и смерти, нет никаких данных. К сожалению, многие имена воспроизведены не полностью. Надеемся, что дальнейшие исследования помогут восполнить этот пробел и пополнить список.

Н.В. Более подробно о некрополе вы узнаете из книги «Некрополь Новгородского Антониева монастыря». Это иллюстрированное справочное издание, подготовленное сотрудниками библиотеки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. Оно содержит подробное описание истории и актуального состояния некрополя.

В приложении вы найдете исторические документы, регулирующие погребение усопших на Руси от 1732 до 1918 года; некрологи и воспоминания о преподавателях НДС, упокоенных на монастырском кладбище; списки братии и служителей Антониева монастыря, а также настав-

ников и воспитанников Новгородской духовной семинарии, погребённых здесь. Книга снабжена алфавитным и хронологическим указателями имён, географическим указателем, а также списком упомянутых монастырей, церквей и духовных учебных заведений.

1. Амвросий. Описание Антониева Новгородского монастыря / А.А. Орнатский. М.: В Синодальной типографии, 1810. 154 с.

2. 7 декабря. Декрет СНК о кладбищах и похоронах // Электронная библиотека исторических документов: [сайт]. URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/10170-7-dekabrya-dekret-snk-o-kladbischah-i-pohoronah> (дата обращения: 01.11.2022).

3. Макарий, архим. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях / Н.К. Миротлюб. Ч. 1. М., 1860. С. 455–473.

4. Некрополь Новгородского Антониева монастыря / Сост.: Е.В. Откидач, В.В. Рукавичникова (отв. ред.); НовГУ имени Ярослава Мудрого. 2-е изд., испр. и доп. Великий Новгород, 2021. 224 с., ил.

5. Пинкусова Т.В. Плиты-надгробия XVII — начала XVIII в. в Антониевом монастыре // Ежегодник НГОМЗ. 2003. Великий Новгород, 2004. С. 88–94.

6. Пинкусова Т.В. Плиты-надгробия XVIII–XIX в. в соборе Рождества Богородицы Антониева монастыря // Ежегодник НГОМЗ. 2004. Великий Новгород, 2005. С. 59–66.

7. Секретарь Л.А. Новгородская духовная семинария: история в лицах. Великий Новгород, 2014. 255 с.

8. Свод законов Российской империи. В 16 т. Т. 13. Кн. II. Устав медицинской полиции. Глава IV. О погребении мертвых. СПб., 1857. С. 262–266.

9. Софийская I летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 15. СПб., 1863. С. 217.

10. Шмидт С.О. Исторический некрополь в системе культуры России // Московский некрополь: история, археология, искусство, охрана: материалы науч.-практ. конф. М., 1991. 199 с.

Исторические зарисовки Виктора Григорьевича Смирнова о Великом Новгороде и новгородцах в этом выпуске альманаха представлены подборкой публикаций о сподвижниках Петра Великого и ярких личностях петровского времени, чьи имена самым тесным образом связаны с новгородской историей. В очерках идёт речь о выдающихся персонах петровского времени — служителях Православной Церкви архиепископе Феофане Прокоповиче и митрополите Иове, государственном деятеле Якове Брюсе, новгородских купцах Посошкове и Иголкине.

Виктор Смирнов

НОВГОРОДСКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ РАССКАЗЫ

Новгородская история — это непрерывная цепь увлекательных сюжетов, из которых, как из мозаики, складывается живая и пёстрая картина прошлого.

Феофан Прокопович и его «вендетта»

На памятнике Тысячелетию России есть изображение одного из главных сподвижников царя Петра — новгородского архиепископа Феофана Прокоповича. Этот человек непостижимым образом соединил в себе великого учёного-философа, выдающегося просветителя и при этом ловкого царедворца, который не останавливался ни перед чем в борьбе со своими противниками.

Феофан был сыном мелкого киевского торговца. Закончив Киево-Могилянскую духовную академию, он пешком (!) через всю Европу отправился в Рим, где поступил в католическую коллегию

Святого Афанасия, для чего ему пришлось отречься от православной веры и сменить имя.

После окончания учёбы перед Феофаном открывалась блестящая карьера, ему предложили место библиотекаря Ватикана, что было пределом мечтаний для любого молодого учёного. Однако Феофан внезапно ночью бежал из Рима и после разного рода приключений вернулся в Киев, где снова принял православие. Возглавив Киево-Могилянскую духовную академию, Прокопович разворачивает бурную научную и преподавательскую деятельность, становясь в один ряд с самыми крупными учёными Европы.

Однако чисто учёной карьеры ему было мало. Своими блестящими проповедями Феофан обратил на себя внимание царя Петра и вскоре становится главным идеологом петровских преобразований. Он разработал и осуществил так называемую Синодальную реформу, упразднившую патриаршество и подчинившую Русскую Православную Церковь светской власти. Кроме того, Прокопович обосновал новый порядок престолонаследия, позволявший государю передавать престол по собственному произволу, что в дальнейшем спровоцирует целый ряд дворцовых переворотов. При этом Феофан стремился сохранять приверженность идеалам Просвещения. Он собрал едва ли не лучшую в России библиотеку, на свои деньги содержал школу для сирот, дал «путёвку в жизнь» Михайле Ломоносову, поэту Антиоху Кантемиру и многим другим талантливым русским людям.

В 1726 году Феофан становится архиепископом Великоновгородским и Великолуцким. Впрочем, в Новгороде он бывал наездами, а постоянно жил в Петербурге. В качестве своего представителя Феофан держал здесь грузинского епископа Иосифа, который ни слова не понимал по-русски.

В 1730 году управлявшие страной после смерти Петра II члены Верховного Тайного Совета, предложили русский трон младшей дочери царя Иоанна Алексеевича Анне, но поставили условием принятие ею кондиций, согласно которым реальная власть переходила «верховникам», а роль монарха сводилась к представительским функциям. Проязвившая в своей захудалой Курляндии

Анна Иоановна готова была на любые уступки, однако вмешался Феофан Прокопович, полагавший, что России нужна только абсолютная монархия. Он тайно передал Анне Иоановне спрятанную в настольных часах записку, в которой советовал отвергнуть претензии «верховников», обещая поддержку Церкви и дворянства. Императрица торжественно порвала «кондиции», а все «верховники» были впоследствии либо казнены, либо сосланы.

Последние годы своей жизни Феофан Прокопович потратил на сведение счётов с врагами, истинными и мнимыми. С каким-то болезненным увлечением преследовал он противников, пугал императрицу всё новыми заговорами, безжалостно добивал поверженных. Человеческая жизнь уже не представляла для него никакой ценности, без малейших колебаний он отправлял людей на пытки и казнь. Тяжёлым, подозрительным взором обшаривал Феофан лица людей, ища на них печать измены и заговора.

Всюду мерещились ему козни противников. Погас огонь вдохновенья в его глазах, теперь они горели волчьим огнем. В Синоде никто не смел ему перечить, редкие выезды в епархию наводили на окружающих ужас, низшее духовенство боялось даже упомянуть имя новгородского архиепископа.

Надо признать, что и противники Феофана не брезговали никакими средствами. Всё чаще они откладывали в сторону старинное, как пиццаль, обвинение в ереси и прибегали к политическому доносу, а то и к прямой клевете. Некий аноним сфабриковал письмо

к Феофану от лица папы римского, в котором папа благодарил Прокоповича за тайную службу и сулил награды. Не было смертного греха, который не приписывали бы Феофану, ложь и домыслы причудливо переплетались с фактами. Нередко они задевали саму императрицу. Распускались сплетни о том, как на одном из балов Анна Иоанновна танцевала с новгородским архиепископом в неприличном виде. Эти сплетни не на шутку разозлили Анну и были умело использованы Феофаном.

Оплотом оппозиции всесильному Прокоповичу стал Новгород, а самым яростным противником — викарий Новгородской епархии, архимандрит Юрьева монастыря Маркелл Родышевский, обвинявший Феофана в протестантизме и других «смертных грехах». В этой борьбе без правил Прокопович, по выражению современника, явил миру «лисий хвост и волчьи зубы», беспощадно добывая поверженных врагов. Переводя церковную полемику в политическую сферу, он лично пытал своих противников в подвалах Тайной канцелярии.

Иные строки выводило некогда гениальное перо. Истинный полицейский талант явил Феофан в собственноручной инструкции для дознавателей на допросах. Розыск и расправа постепенно становятся для него едва ли ни смыслом существования. Скрипели пыточные колёса, взвивался кнут, хрустели ломаемые кости, вопили пытаемые. Безжалостная машина политического сыска втягивала в свое нутро сотни новых жертв. Как вспоминал современник: *«Священников и монахов как мушек давили, мучили, казнили, расстреливали. Непрестанные почты*

Феофан Прокопович на памятнике
«Тысячелетие России»

воду, сухим путем: куда? зачем? — священников и монахов, людей благочестивых в Охотск, на Камчатку, в Оренбург отвозят. Была година тяжкая».

Феофан победил в этой своей личной вендетте, но это была «пиррова победа». Он заплатил за неё не только своей исторической репутацией, но и утратой своего выдающегося таланта мыслителя. Умирая, Феофан коснулся лба перстом и произнес знаменательные слова: *«О главо, главо! Разума упившись, куда*

ся *приклонишь?*». В сентябре 1736 года к новгородской пристани причалило погребальное судно с чёрными парусами. Прах Феофана был похоронен в Софийском соборе, но при Советской власти его захоронение было уничтожено вместе с захоронениями других новгородских святителей.

Свою уникальную библиотеку Феофан завещал Новгороду, и она долгое время находилась в Новгородской духовной семинарии. После закрытия семинарии множество редчайших книг бесследно исчезли, остальные сейчас находятся в Российской Национальной библиотеке Санкт-Петербурга.

Митрополит Иов

На одной из фресок новгородского Знаменского собора изображён человек в коротком немецком платье и башмаках, которого черти поджаривают в геенне огненной. Черты лица этого грешника удивительно напоминают царя Петра Первого.

Надо заметить, что Русская Православная Церковь в целом настороженно, а то и откровенно враждебно относилась к Петру и его реформам. Церковь пыталась защитить русское национальное сознание от западного влияния, сопротивляясь насильственному превращению русских в немцев. Но были и такие церковные деятели, которые искренне сочувствовали преобразовательной деятельности Петра, понимая, что у отсталой страны нет будущего. Одним из таких союзников царя был митрополит Великоновгородский и Великолуцкий Иов.

До своего поставления на новгородскую кафедру Иов был настоятелем Троице-Сергиевой лавры. Своё новое назначение он воспринял без радости, но со

смирением и в течение 18 лет вплоть до своей кончины верой-правдой служил новгородской пастве. Он был человеком большого ума и широкой образованности и оставил после себя огромную переписку с самыми влиятельными людьми того времени. Ещё одна яркая черта его личности — это отзывчивость к людским страданиям и готовность тут же прийти на помощь. Однажды, когда в Новгороде вспыхнул страшный пожар, митрополит сбросил с себя святительские одежды и, вооружившись багром, полез спасать людей в самое пекло.

Когда над Новгородом нависла угроза шведского вторжения, Иов мобилизовал все новгородское духовенство на строительство укреплений, причём почтенный старец сам орудовал лопатой, как простой землекоп.

Но особенно прославился Иов своей благотворительной деятельностью. На свои средства владыка устроил в городе три больницы, богадельню и два странноприимных дома. Иова можно считать также отцом-основателем детских домов.

Он открыл в Колмовском монастыре первый в России дом для незаконнождённых сирот и сам занимался воспитанием своих, как он их называл, найдёнышей. Посмотрев этот дом, Петр приказал и в других городах *«строить дома для заторных младенцев, которых жены и девки рожают беззаконно, и стыда ради отметывают в разные места, отчего оные младенцы безгодно (то есть без пользы для государства — В.С.) помирают»*.

Как видим, царь руководствовался не столько христианскими, сколько государственными соображениями.

Ещё одной исторической заслугой митрополита Иова стало открытие в Новгороде славяно-греческой школы. Школа эта носит имя братьев Лихудов, но с не меньшим основанием её можно было бы назвать школой митрополита Иова. Будучи человеком высокообразованным, Иов давно мечтал об учебном заведении, которое готовило бы для епархии образованных священников. Для этой цели он привлёк греческих монахов Софрония и Иоанникия Лихудов. Братья приехали в Москву создавать там Славяно-греко-латинскую академию, но в результате интриг недоброжелателей оказались в заточении в одном из дальних монастырей. Иов буквально вымолил у царя Петра учёных греков и вместе с ними в короткое время сотворил

Лихудов корпус в Новгородском кремле

в Новгороде лучшее учебное заведение России того времени. Впоследствии на основе этой школы возникнет Новгородская духовная семинария.

Среди других славных дел Иова следует назвать основание в Санкт-Петербурге, который тогда входил в Новгородскую епархию, Александро-Невской лавры, а также присоединение к епархии отвоёванных у шведов древних новгородских земель на балтийском побережье.

Чтобы управлять таким огромным церковным хозяйством, владыке понадобился помощник, и именно тогда в русской Церкви впервые появляется должность vicarius, которого можно назвать первым заместителем правящего архиерея.

В числе менее славных дел Иова назовём его ожесточённую борьбу с раскольниками. Безуспешно перепробовав средства пастырского воздействия на

старообрядцев, Иов обратился за помощью к светским властям, после чего начались массовые самосожжения раскольничьих общин.

В последние годы жизни Иов много болел и не раз просил царя отпустить его на покой. Однако Петр слишком доро-

жил своим верным союзником, чтобы с ним расстаться. Умер Иов в феврале 1716 года глубоким старцем. Всё своё имущество, включая богатейшую библиотеку, он завещал Новгороду. Похоронили владыку в Мартириевой паперти Софийского собора.

Как Яков Брюс боролся с коррупцией

Народная память бывает не всегда справедлива. Ближайший сподвижник Петра I Яков Вилимович Брюс запечатлелся в ней как колдун и чернокнижник, которым матери пугали детей. На самом же деле этому потомку шотландских королей Россия обязана очень многим.

Начало Северной войны для России сложилось крайне неудачно. Русские войска были наголову разбиты шведами под Нарвой. Перед Карлом XII открывался прямой путь через Новгород на Москву. Плохо укреплённый Новгород представлялся лёгкой добычей для первоклассной шведской армии. В этой острейшей ситуации нужен был человек, способный в кратчайшее время превратить город в неприступную крепость.

Таким человеком стал Яков Брюс. Он начал действовать быстро, решительно и жёстко. Угроза нового шведского вторжения сплотила новгородцев. Всё взрослое население Новгорода, включая духовенство во главе с престарелым митрополитом Иовом, трудилось

на строительстве оборонительных сооружений, на одном из бастионов работал и сам царь Петр как простой землекоп. В короткое время Новгород опоясался земляным валом, усиленным палисадами, брустверами и раскатами. Остатки этих укреплений на берегу Волхова сохранились до наших дней.

Одновременно Брюс превращает Новгород в громадную оружейную мастерскую, где ковались будущие победы русской армии. Здесь трудами новгородских ремесленников заново создавалась русская артиллерия взамен утраченной под Нарвой. Тряхнуло мощной новгородское купечество, монастыри безропотно снимали колокола для переплавки в пушки. Сам Яков Вилимович неожиданно раскрылся как выдающийся военный инженер и изобретатель. Он разработал новейшие образцы пушек, по скорострельности превосходившие лучшие западные образцы. Его орудия в течение семи минут производили 15 выстрелов! Он впервые стал применять конную артиллерию и изобрёл более мощный порох, а также новые виды

снарядов, такие как чугунная картечь и зажигательные бомбы.

В считанные месяцы Новгород становится главной базой русской армии на северо-западном направлении. Выражаясь современным языком, город превратился в логистический центр, куда поступало, обрабатывалось, складировалось и отправлялось по назначению огромное количество всевозможных грузов. Всё это требовало от Брюса неусыпного контроля и суровых мер воздействия. Всякие злоупотребления карались им быстро и безжалостно. Чиновника Поскочина, который за взятки освобождал крестьян от гужевой повинности, публично повесили на городской площади, за меньшие проступки виновных публично пороли розгами. И хотя тогдашнюю коррупцию Брюсу победить не удалось, но количество охотников воровать у казны при нём резко поубавилось.

После того как угроза шведского наступления на Москву миновала, Брюс воевал, блестяще командовал русской артиллерией в Полтавской битве, получил орден Андрея Первозванного и чин фельдмаршала. По поручению Петра I Брюс ведёт сложные дипломатические переговоры и подписывает Ништадтский мир, победоносно завершивший двадцатилетнюю Северную войну. Затем он возглавляет Берг-коллегию, занимавшуюся освоением природных богатств России.

После смерти Петра I Брюс уходит в отставку и полностью посвящает себя науке. Хотя он нигде не учился, но путём самообразования превратился в крупного учёного и естествоиспытателя. За долгие годы он собрал уникальную на-

Яков Вилимович Брюс

учную библиотеку, самостоятельно выучил шесть иностранных языков. Он составил русско-голландский словарь, издал знаменитый Брюсов календарь, написал первый учебник по геометрии, составил карту России, открыл первую в России обсерваторию в Сухаревой башне в Москве.

Две дочери Брюса умерли в раннем возрасте, других детей у него не было. Потеряв жену, Яков Вилимович стал вести затворнический образ жизни, сутками пропадая в Сухаревой башне. Это породило множество легенд, в которых Брюс предстает колдуном

и чернокнижником. Говорили, что он знает, сколько звёзд на небе и сколько раз колесо обернётся по дороге до Киева, что он произвёл живую воду, что у него есть волшебная книга царя Соломона. Видимо, Брюс действительно интересовался тайноведением, в его библиотеке было немало книг мистического содержания. Однако в реальной жизни он был, скорее, скептиком, нежели мистиком. Когда в новгородской Софии Петр I по-

казал ему нетленные мощи святых угодников, Брюс объяснил их сохранность «*бальзамированием телес и воздержанностью при жизни*».

И всё же он запечатлелся в народной памяти русским Фаустом, готовым отдать душу дьяволу за тайны мира. Вот только, в отличие от немецкого Фауста, русский шотландец Яков Брюс, если кому и отдал свою душу, так это России и её императору.

Обогнавший время

Ивана Тихоновича Посошкова называют первым русским экономистом. Свой главный труд под названием «О скудости и богатстве» он написал в Новгороде, так что наш город можно назвать ещё и колыбелью отечественной экономической мысли.

Родился Иван Посошков в Подмоскowie, в зажиточной крестьянской семье потомственных ювелиров, делавших на заказ изделия из серебра. Он нигде не учился, но всю жизнь добывал знания самоучкой. Его настольной книгой был «Домострой», написанный новгородским священником Сильвестром.

По своей натуре Посошков был дельцом. (Кстати, это хорошее русское слово, обозначающее делового человека, у нас почему-то приобрело негативный оттенок). То он изобретает денежный станок, который, кстати говоря, понравился самому Петру I, то начинает печатать

игральные карты, то переключается на производство водки.

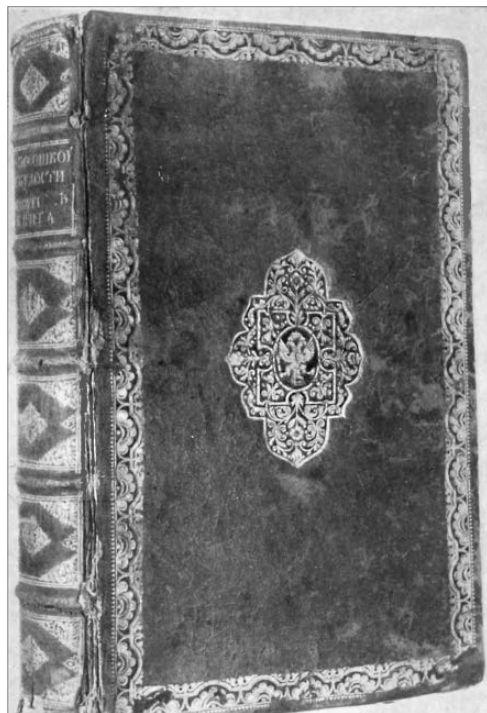
В 1710 году Посошков перебрался в Новгород. К этому времени он уже успел стать богатым человеком. Он владеет домами, целыми деревнями, ему принадлежат лавки в недавно построенном новгородском Гостином дворе, а также в Санкт-Петербурге.

Он открывает в Новгороде первую аптеку, запускает в городе первые фонтаны, налаживает производство гербовой бумаги, строит текстильную фабрику. Потом он едет в Швецию и начинает в Стокгольме широкую торговлю традиционными русскими товарами: мехами, пенькой, холстом, железом. При этом Посошковым движет уже не жажда наживы, а особый азарт, который знаком настоящим предпринимателям, когда деньги уже не самоцель, а всего лишь показатель эффективности затраченных усилий.

Но чем больше трудится Иван Тихонович и чем больше он размышляет, тем сильнее в нём растёт недовольство реалиями российской жизни. Занимаясь по поручению властей таможенными сборами, он видит, как много кругом неправды, беззакония и лихоимства. Выражаясь словами другого таможенника из известного фильма, ему становится обидно за державу. В голове предпринимателя созревает целая программа преобразований, которую он изложил в своей книге.

Тут важно подчеркнуть, что Посошков не стоял в оппозиции к власти. Более того — он всегда был горячим и убежденным сторонником Петра I. Ему он и адресует свою книгу. Посошков не случайно дал ей название «О скудости и богатстве». Богатство страны, богатство народа — вот его главная цель. При этом богатство Иван Тихонович понимает в широком смысле. Оно бывает вещественным и невещественным. Вещественное богатство — это то, что мы сейчас называем валовым национальным продуктом. Невещественное — это система государственного управления, в основе которой лежит закон.

Страница за страницей Посошков рисует удручающее состояние российской экономики и социальные язвы общества. Затем излагает свои пути решения назревших проблем. В основе его экономических взглядов лежит так называемая политика меркантилизма. Суть её в том, чтобы стимулировать собственное производство и сокращать импорт. Что же касается экспорта, то продавать надо не сырьё, а готовые продукты, утверждал первый русский экономист. Согласимся,

«Книга о скудости и богатстве». Списание 1752 г.
(Библиотека Академии наук.
Отделение рукописей)

что сегодня эта мысль звучит ещё более актуально, чем три века назад.

Главным двигателем экономического роста Посошков считал русское купечество. Предлагая широкие меры поддержки для торгового капитала, он одновременно ругает за государственный контроль за ценообразованием. Тех торговцев, которые необоснованно задирают цены, Иван Тихонович предлагает не только штрафовать, но и публично пороть на площадях. Он также выступает резко против множественных налогов, предлагая вместо них единый государственный сбор.

Особое внимание Посошков уделяет крестьянству, которое составляло 95 процентов населения тогдашней России. Сам крестьянский сын, Иван Тихонович знает, какие могучие силы дремлют в русском мужике, опутанном крепостным правом. И хотя он не призывает к отмене крепостного права, но предлагает резко ограничить помещичий производ.

Свои главные надежды на исправление российской жизни Посошков возлагает на царя Петра. Но царю нужна помощь. Поэтому нужно собрать представителей от всех сословий, включая крестьян и создать из них народный совет, который поможет царю-самодержцу перестроить жизнь страны на основе закона. Вполне вероятно, что идея народного участия в управлении государством родилась в голове Посошкова под влиянием новгородских вечевых традиций, которые продолжали жить в народной памяти.

Закончив свою книгу, Иван Тихонович вручил её новгородскому архиепископу Феодосию Яновскому, который в качестве вице-президента Синода ча-

сто общался с императором. Но Петр уже был тяжело болен и 28 января 1725 года отошёл в иной мир. На престол взошла Екатерина I. У новоиспечённой императрицы было много противников, которые ставили под сомнение её права на русский престол. Одним из таких людей был Феодосий Яновский. Он позволил себе публично обругать императрицу, за что был лишён сана и сослан в дальний монастырь. При обыске у него нашли книгу Посошкова «О скудости и богатстве». Автора тут же арестовали и бросили в подвалы Тайной канцелярии. Допрашивал Посошкова печально знаменитый граф Петр Андреевич Толстой, между прочим, родной прапрадед великого писателя. Не выдержав свирепых пыток, Иван Тихонович умер в тюрьме.

Современные исследователи считают, что Иван Посошков стоял на уровне мировой экономической мысли. Его трагедия заключалась в том, что он опередил своё время. Как знать, возможно, вся история нашей страны сложилась бы по-иному, если бы российская власть вовремя поняла то, что сумел понять крестьянский сын Иван Посошков.

Купец Иголкин

В старину в Новгороде бытовало выражение: «богат, как купец Иголкин». Династия Иголкиных вела своё происхождение из Пскова. Её основатель перебрался в Новгород в конце XV века, после того как Псков

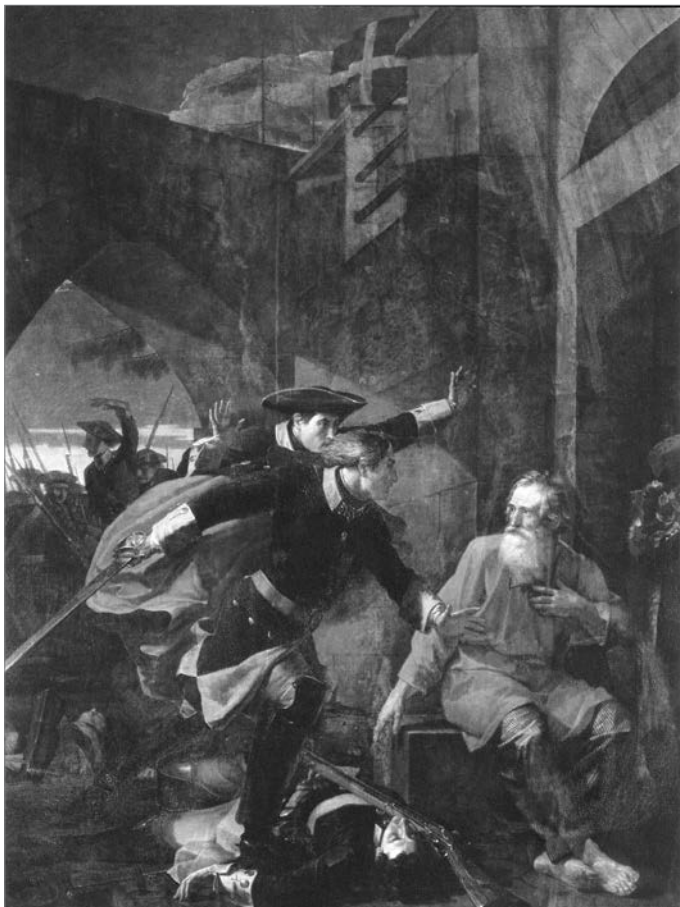
также был присоединён к Москве. Подобно другим богатым купцам, Иголкины не только торговали, но и занимались государственными делами. Например, один из них был послом Бориса Годунова за границей и в этом качестве ез-

дил в Ригу уговаривать рижан принять русское подданство. Другой представитель династии был кабацким головой, то есть отвечал за городскую винную торговлю.

Палаты Иголкиных располагались на Михайловой улице, рядом с Торгом. Кроме множества лавок, семейство имело земельные участки, недвижимость, а также собственных холопов.

Петровское время стало для этой династии, как и для других новгородских купцов, весьма прибыльным. Центр торгово-экономической жизни страны сместился на северо-запад. Появилась возможность делать крупные капиталы на подрядках для строящегося Санкт-Петербурга, а также на поставках для воюющей русской армии. В конце Северной войны снова открылось окно в Европу, возобновилась торговля с балтийскими странами.

Это во многом и определило отношение новгородских купцов к царю Петру. Да и сам Петр высоко ценил купеческое сословие. Кстати, он первым из русских государей стал величать купцов по отчеству, чем завоевал их ещё большую преданность.

Шебуев В.К. Подвиг новгородского купца Иголкина в Северной войне со шведами. 1839. (ГРМ)

В свете сказанного становится более понятным исторический эпизод, о котором и пойдёт речь. Итак, в начале Северной войны новгородский купец Иголкин оказался в Швеции по своим торговым делам. Шведские власти заподозрили в нём русского шпиона и заключили в нём русского шпиона и заключили в крепость. Новгородец понимал шведский язык и однажды услышал от стоявших на карауле солдат бранные слова

о царе Петре I. Иголкин пытался увещевать их, просил, чтобы они прекратили оскорблять помазанника Божьего, но те продолжали свой дерзкий разговор, называя Петра жалким трусом. Купец обратился к начальнику караула и попросил его унять часовых, но тот лишь рассмеялся. Тогда Иголкин выхватил у одного из солдат ружье и заколот штыком обоих. На допросе новгородец заявил, что он не злодей, поскольку вступился за честь своего государя и тем самым исполнил свой долг.

Когда об этом случае узнал шведский король Карл XII, он воскликнул: *«В столь грубом народе столь великий человек!»*. Тронутый поступком Иголкина, он приказал освободить его и отправить домой, препроводив с ним к Петру письмо, в котором поздравлял царя с таким подданным, каких у него самого нет или очень мало. Петр наградил купца золотым кафтаном и устроил в его честь званый пир.

Подвиг новгородского купца был увековечен картиной художника Шебуева и народной драмой Полевого «Иголкин, купец новгородский».

Трудно сказать, что в этой истории достоверно, а что следует отнести к жанру патриотической легенды. Зато нет

никаких оснований для сомнений в патриотизме новгородцев в годы Северной войны. В Полтавской битве именно Новгородский полк принял на себя первый, самый страшный удар шведов. Накануне битвы перебежавший к шведам унтер-офицер сказал им, что наименее боеспособный полк новобранцев одет в мундиры серого цвета, и Карл XII решил нанести удар по нему. Однако Петр, предвидя такое развитие событий, приказал переодеть в серые мундиры солдат одного из лучших полков — Новгородского. Когда началось сражение, шведам удалось потеснить первый батальон новгородцев и прорвать линию русских войск.

Увидев это, Петр лично повёл в контратаку второй новгородский батальон. Впоследствии Меншиков говорил, что он «предстал в самое лютое и погибельное время». Не выдержав стремительного удара новгородцев, ведомых царём, шведы дрогнули и отступили, прорыв был ликвидирован. При этом одна пуля пробила шляпу Петра, вторая попала в висевший на груди крест, третья застряла в седле.

Кстати, этот эпизод изображён на одном из барельефов стелы «Город воинской славы», установленной в центре Великого Новгорода.

Геннадий Коваленко, Наталия Бажмина

ВЕСЬЕГОНИЯ

ХРАНИТЕЛИ ПАМЯТИ

«Хранить память о других — это оставлять добрую память о себе».

Д.С. Лихачёв

В XI—XII веках Новгород стал центром громадной территории, простиравшейся от Северного Ледовитого океана до Торжка и имевшей весьма расплывчатые условные границы. Уже в начале второго тысячелетия нашей эры Весь Ёгонская тяготела к Новгороду и не раз упоминалась в XIII—XIV веках в договорных грамотах Новгорода с князьями. В договорной грамоте Новгорода с тверским князем Ярославом Ярославовичем середины 1260-х годов среди новгородских волостей были названы Ёгна, Торжок, Шипино, Вологда, Югра, Заволочье. К концу XIII века большая часть современного Весьегонского района входила в состав Новгородской феодальной республики и была административно оформлена в двух её волостях — Ёгна и Шипино.

По реформе 1708 года область пятин бывшей Новгородской земли вошла в состав Ингерманландской (Санкт-Петербургской) губернии. В результате её разукрупнения в 1727 году была образована Новгородская губерния, в составе которой была вотчина села Весь Ёгонская. Самостоятельная административная единица — Весьегонский уезд — появилась на карте России в 1776 году. Село Весь Ёгонская получило статус города. Весьегонск стал уездным центром Тверского наместничества, с 1796 года — Тверской губернии.

Сегодня Весьегония — это Весьегонский район Тверской области. Её история, в которой людские судьбы переплелись с её судьбой, — это часть истории нашей страны с её славными и драматическими страницами. Как и любая российская провинция, Весьегония богата замечательными людьми, особое место среди которых занимают хранители памяти — краеведы. Изучая историю своего края, они обогащают знания о регионе, формируют его культуру и культурную идентичность его населения, прививают согражданам привязанность к их малой родине, а через неё — к большой Родине, к миру и жизни.

Наталья Бажмина

НЕСВОЕВРЕМЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК

В декабре 2017 года в Москве открылась выставка работ художника-примитивиста Бориса Андреевича Расцветаева «Венеры комсомола», на которой были представлены «портреты таинственных красавиц с бесстрастными глазами». По словам организаторов выставки, история жизни автора этих работ «органично вписывается в гоголев-

скую мифологию захолустного городка. Неординарный талант Бориса Андреевича не был понят весьгегонцами — они считали его чудачком. Его увлечение литературой, музыкой, живописью и лёгкой атлетикой оказалось недоступным для понимания земляков».

В октябре 2022 года исполнилось 30 лет с тех пор, как этот человек ушёл из жизни, так и не получив признания современников.

«В середине октября 1992 года на Весьгегонск налетела снежная буря. Бушевал ветер, деревья ломались под тяжестью снега. В одну из этих ночей умер Борис Андреевич Расцветаев. В его квартире не было денег, чтобы похоронить хозяина, — четыре дня лежало его тело, когда, наконец, директор винзавода дал какие-то деньги. За гробом Бориса Андреевича шло несколько человек, а на могилу положили единственный венок с надписью "От соседей"».

Такими словами предваряет публикацию биографических материалов и дневников Б.А. Расцветаева известный весьгегонский краевед Марат Михайлович Верхоланцев, который буквально спас архив Бориса Андреевича, купив, разобрав и подготовив его к печати. Марат Михайлович «оживил» для потомков этого удивительного, нестандартного человека. Сам он объясняет это так:

Афиша выставки художника.
Москва, галерея «Открытый клуб»

«Мне было очень жаль, что я не познакомился ближе с Борисом Андреевичем, было стыдно, что я был таким легкомысленным. <...> Я чувствую себя виноватым — я не помог Расцветаеву при его жизни. Хотелось бы искупить часть своей вины перед ним хотя бы тем, что попытаюсь донести память об этом великом человеке до будущих поколений». Встреча этих людей была неизбежна. Подобно Борису Андреевичу, употреблявшему неожиданные словосочетания типа «бессмысленный смысл», скажу, что в них обоих есть непохожая похожесть (а может, похожая непохожесть?). Сам Марат Михайлович писал: «Я сравнивал свою жизнь с жизнью Расцветаева и находил много общего». Общим у них было уже то, что они оба в своё время были неотъемлемой частью города, занимали в его истории особое место.

Кем же был Борис Андреевич Расцветаев? Как он прожил отмеренные ему судьбой 88 лет? Чем запомнился он своим землякам? Какой след он оставил в истории Весьегонска, в котором прожил всю жизнь?

Борис Андреевич родился в 1904 году в семье учителя Весьегонского народного училища. После смерти отца он вынужден был пойти работать кочегаром на электростанцию, и потому не смог получить подобного образования. Природа наделила его многими талантами, которые не получили должного развития. Понимая, что он лишён возможности продолжать учёбу в техникуме или институте, Борис составил для себя программу самообразования. Он занимался математикой, читал книги по истории искусства, художественную литературу:

Борис Андреевич Расцветаев. 1938 г.

«Я стал бы максимально полезен, если бы мне дали надлежащее развитие. Я художник отличный, но недоразвитый, писатель, хорошо умеющий выражать мысль, но не имею тренировок, музыкант-пианист, но неграмотный и не имеющий школы. Везде, во всём самоучка». Да, он был во всём самоучкой: самоучка-изобретатель, самоучка-писатель, самоучка-художник, самоучка-музыкант...

Из всех обстоятельств, формирующих человека, важнейшим является сознательное отношение к собственной жизни, к собственным мыслям и планам, и прежде всего — к собственным действиям. Вся жизнь Бориса Андреевича — непрерывный труд самосовершенствования и самовоспитания.

Уже в детстве Борис отличался от сверстников своей страстью к технике. Через всю жизнь он пронёс любовь

и благоговейное отношение к железной дороге и паровозам, мечтал оказаться возле этих замечательных машин, управлять ими. Он считал труд кочегара самым важным, и потому к своим обязанностям кочегара относился с величайшим тщанием. Его поражало, как вообще можно работать без интереса.

Впрочем, Борис Андреевич чрезвычайно ответственно относился к любой порученной ему (и не только порученной) работе. А работал он и механиком, и тапёром, и художником, и учителем рисования и черчения.

Итак, художник-самоучка, художник-примитивист. Что изображал он на своих картинах, написанных на дешёвой бумаге гуашью или карандашом? В ранних работах преобладали пароходы, паровозы, машины. Часть картин была посвящена роботам, борьбе миров, межпланетным полётам. Потом появилась бытовая тематика, а в последние годы жизни — пейзажи Весьегонска и его окрестностей. По мнению М.М. Верховланцева, его картины — *«это произведения не дилетанта, это произведения примитивиста. И если бы судьба сложилась по-другому, его произведения могли бы украшать музеи страны, как произведения Пиросмани, Честнякова, Руссо-таможенника»*.

Что можно сказать о Расцветаеве-учителе? Когда я училась в школе, Борис Андреевич вёл у нас уроки черчения. Мне кажется теперь, что он пасовал перед нами, не зная, как справиться с шумными подростками. Не скажу, чтоб мы озорничали на уроках, но дисциплина, мягко выражаясь, была не на должном уровне. Однако, не повышая во время

занятий голоса, Борис Андреевич был весьма требователен, когда дело касалось сбора «плодов» его деятельности. Заработать у него пятёрку было чрезвычайно сложно. Речь шла не только об умении читать чертежи или создавать чертежи различных деталей, но и об эстетической стороне дела. Чертили мы на альбомных листах тушью, с помощью множества инструментов (у каждого была готовальня). А сколько неприятностей причинял используемый на последних этапах рейсфедер (нынешние школьники о таком инструменте и слыхом не слыхивали)! Кажется, всё готово, осталось провести последнюю черту, как вдруг дрогнула рука — и вот незначительный зигзаг, а то и капля. Всё начинается сначала. Порой на выполнение домашнего задания по черчению уходил почти весь выходной. Зато с какой благодарностью мы вспоминали своего учителя позже: почти все мы умели печатать плакатным пером, не проводя дополнительно никаких линий; у тех же, кто поступал в технические вузы, не было с черчением никаких проблем.

Тапёр... Откуда это умение владеть инструментом? Узнав, что музыка помогает развитию художественных способностей, Борис Андреевич решает непременно заняться ею. Когда знакомый дал ему на время гармонь, он *«играл на ней целыми днями, а вечером выносил в сад и там тоже играл. И приобрёл большую популярность»*. Вообще играл Борис Андреевич на гармонии, фисгармонии и пианино; переложил некоторые вещи с патефона на фисгармонию. А на 76-м году жизни взял в руки аккордеон, и... сразу полилась музыка. *«У меня словно*

крылья выросли за спиной. Могу! Значит, могу!» — восклицал он.

Будучи страстным книголюбом, Борис Андреевич овладел хорошим литературным слогом и, обладая пытливым умом и зорким глазом, мог бы стать большим писателем. Кстати, порой он неосознанно использовал приём, типичный для А. Платонова, стремившегося подчеркнуть несуразности жизни — соединение словесных штампов с обычными словами: *«Все живут каким-то бессмысленным смыслом»*. По собственным подсчётам Бориса Андреевича, он написал более 40 повестей и рассказов. Сюжеты некоторых из них фантастические. Может быть, именно мечтательность, умение уйти от серой действительности в мир грёз помогало Борису Андреевичу выживать порой в невыносимых обстоятельствах и справляться с материальными трудностями, которые преследовали его всю жизнь. Но, пожалуй, лучшим его литературным произведением являются воспоминания о старом Вёсьегонске.

Кто-то из великих сказал: *«Это мечтатели вращают планету»*. Да, порой эти люди кажутся обывателям нелепыми, смешными именно потому, что не похожи на них самих. Но сколько в них света и тепла, как похожи они своей непосредственностью на больших детей!

Вновь возвращаюсь к записям М.М. Верхоланцева: *«Он был очень глубокий человек: в его архиве, в его дневниках много рассуждений о смысле жизни, есть разработки и есть, так можно сказать, научного характера. Прежде всего, это мысли о космосе, о межпланетных связях, о влиянии космических сил; тут Расцветаев перекликается с работами*

Циолковского и Вернадского. Рассуждает он и о предназначении человека в космическом понятии».

Ещё одной страстью Бориса Андреевича была математика. Вот, например, записи из его дневника: *«1923 год, 5 мая. Утром вычислял с логарифмами. 26 апреля 1928 г. я не пошёл на пароход, а занялся с раннего утра черчением диаграмм. Первая — рост населения Вёсьегонска с 1783. Вторая — расселение населения, тоже с 1783 г. Диаграммы довольно интересные, необходимо изобразить фигуры отдельных сословий в костюмах соответствующей эпохи. И я справился с этой задачей»*. «Зачем?» — удивитесь вы. Борису Андреевичу всё это было интересно! Вот названия некоторых из его многочисленных математических разработок: «Ханойские башни», «Искусственные астрономические системы», «Бинарная прогрессия и логарифм 2», «О факториале № 2–3 ...n!» и т.д. Вам всё понятно? Мне — ничего. В его таблице «Опыт расширения границ имён числительных» — числа, превышающие миллионы и миллиарды, числа в степени, равной самой себе. Он даёт им названия. Например, десять миллионов в десятиллионной степени, равное десяти миллиардам, — громада, десять миллиардов в десятиллиардной степени — колоссавр, число со ста миллиардами нулей — уникоколоссавр.

«Уникоколоссавр» — именно так назвала свой очерк о нём, опубликованный в 2001 году в журнале «Дружба народов», журналистка Людмила Синицына. В частности, она писала: *«Неумение заботиться о себе, о хлебе насущном, скудность и бедность быта вызывает, как*

правило, осуждение и насмешку, жалость и презрение обывателя. Конечно, мир не может быть населен только такими людьми, как Расцветаев. Окружающая среда, как правило, не выдерживая тяжести неординарной личности, давит и теснит её». Чудак? Да, чудак, но «чудак самим фактом жизни утверждает, что есть "антиресы" превыше дел насущных. И стойкое служение своим личным "антиресам" придаёт этим людям значение общественного деятеля — масштаб своего рода уникалоссавра».

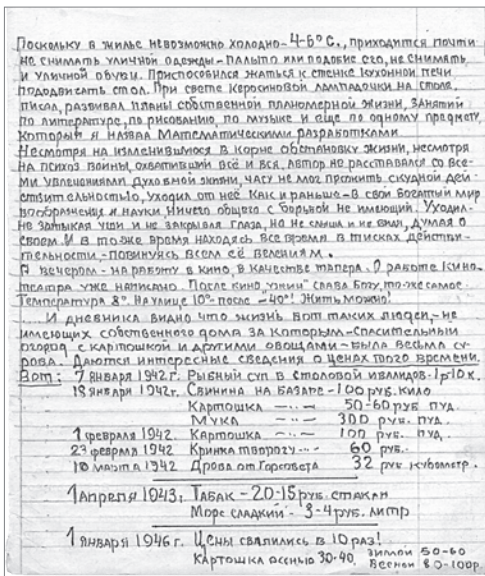
Борис Андреевич вёл здоровый образ жизни. Всю жизнь он ежедневно занимался спортом: метал копьё, ходил на лыжах и пешком в любую погоду... Часто его видели бегущим по лесу в трусах. Говорили даже, что иногда при этом он нёс на спине свою жену, чтобы увеличить нагрузку. В день своего 70-летия

он прошёл 70 километров! В конце жизни, когда у него страшно болели ноги, он совершал свои походы, опираясь на велосипед.

Как он успевал всё это делать? Секрет прост и в то же время необычайно труден — организованность и самодисциплина. Чтобы реализовать свои многочисленные замыслы, Борис Андреевич постоянно проводил «ревизию» сделанного и планировал, планировал. Он постоянно был неудовлетворён собой.

«Да, поработано было немало. Но я ужасно разбросался, хочу объять необъятное, множество новых и старых идей приходят мне в голову, сочинения, к ним иллюстрации. Но старые уже не хочется перерабатывать. Я устал от них, и теперь они потеряли для меня всякий смысл. <...> А недоделанные мучат сознание своей незаконченностью. Сжечь, что ли, их, старые-то сочинения? Жалко! Что же у меня останется? Чем оправдывать прожитую жизнь? А и новые сочинения постигнет та же участь. Придёт время, и новые, написанные, но необработанные, они поместятся на полке вместе со старыми. <...> Вот и все. И весь бессмысленный смысл. Какая нелепость!».

А ещё он вёл дневники, которые писал печатными буквами, потому что не хотел, чтобы те, кто будет читать их, разбирали его каракули. Значит, он всё же думал, что люди будут читать его дневники. Эти дневники занимают около 40 тетрадей. На их страницах запечатлена повседневная жизнь провинциального города на протяжении нескольких десятилетий. Английская актриса Эллен Терри писала: «*Что такое дневник? Документ, полезный для автора, скучный для чита-*

Страница из дневника

телей-современников и бесценный для учёных будущих столетий, которые сохранят его как драгоценность!». Да, дневник — вещь интимная, но по прошествии времени он становится документом, и не только о человеке, но и об эпохе.

Стремясь к гармонии, Борис Андреевич жил постоянно в атмосфере дисгармонии бытия. О чём бы он ни писал, во всём просматривается неустроенность его быта на протяжении всей его жизни. Вот несколько записей из его дневника:

«9 ноября 1922 г. Деньги задерживают. Пайка нет, хлеба нет.

23 марта 1923 г. Мама продала пальто за 5 пудов хлеба. Денег ещё не дают.

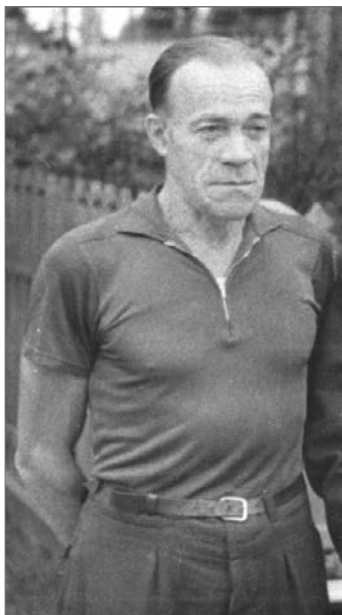
4 января 1936 г. Мы дожили до ручки. Нет денег даже на хлеб.

31 января 1936 г. Я еле встал. В комнате было только 3 градуса.

12 января 1942 г. Заниматься чем-либо мешает адский холод, микроскопический свет лампы. И паразиты, развившиеся в одежде.

20 января 1969 г. Оказалось, что нас вообще не включили в список людей, которым требуется улучшение жилищных условий».

Мне вспоминаются слова Александра Солженицына о героине его рассказа «Матрёнин двор»: «Все мы жили рядом

с ней и не поняли, что есть она тот самый праведник, без которого, по пословице, не стоит село. Ни город. Ни вся земля наша». Заменив местоимение «она» на «он», их вполне можно отнести к нашему герою.

Сегодня на ветхом деревянном доме, что стоит на углу улиц Степанова и Кирова, есть скромная деревянная мемориальная доска с надписью «В этом доме жил Расцветаев Б.А. Человек будущего». Она свидетельствует о том, что Борис Андреевич был

одним из самых оригинальных жителей Вёсьегонска. По словам М.М. Верхоланцева, «вряд ли когда-нибудь в нашем городе жил подобный подвижник и бессребреник, к тому же увлечённый искусством и литературой. Философ и эссеист, художник-примитивист, музыкант и спортсмен, он являл в своей личности признаки гения. Жизнь его была полна лишений, за работу ему платили копейки. Он был страшно одинок в нашем городе, хотя всегда был приветлив и общителен со знакомыми. Люди считали его чудачком, некоторые — даже сумасшедшим, хотя тот, кто его хорошо знал, удивлялся трезвости его мышления. Очевидно, он опередил время и пришёл к нам из другого века». Можно сказать, что он был несвоевременным человеком. Не случайно на его надгробье высечена надпись «Расцветаеву — человеку будущего».

Наталья Бажмина

НЕОРДИНАРНАЯ ЛИЧНОСТЬ

В июне 2011 года ушёл из жизни Марат Михайлович Верхоланцев. Годы летят, но по-прежнему трудно говорить о нём в прошедшем времени. Марат Михайлович был неординарной личностью. Не имея партийного билета, он считал себя коммунистом по убеждениям, воспитывал в детях патриотизм не словами, а делом: обошёл с туристами район вдоль и поперёк, объездил с ними пол-России.

Ушёл из жизни Марат Михайлович — и с ним ушла частичка Вёсьегонска, для которого этот человек — знаковая фигура, его знали все — от мала до велика.

Ушёл из жизни Марат Михайлович — и с ним ушла частичка сложного, противоречивого прошлого века. У этого человека была нелёгкая судьба. Семью «врага народа» — жену и двух малолетних сыновей, ожидала ссылка в захолустный Вёсьегонск, голод, холод, бытовая неустроенность и подозрительность окружающих. Будучи человеком бескомпромиссным, во взрослой своей жизни Марат Михайлович имел массу неприятностей.

Ушёл из жизни Марат Михайлович — и краеведение потеряло многое. Этот человек был наделён и несомненным литературным даром, и склонностью к мемуаристике. Собирая об-

ширный документальный материал по истории своей семьи, он руководствовался словами Валентина Распутина: *«Не знающий рода своего не знает и себя, находится как бы не в себе, а подле себя»*. Маратом Михайловичем собран и лишь частично опубликован богатый краеведческий материал по истории Вёсьегонска и жизни представителей коренных вёсьегонских фамилий. К счастью, он успел оставить богатое краеведческое наследие, запечатлев время не только в исследованиях, мемуарах, но и в бесчисленных фотоальбомах, в которых многие жители города могут найти себя.

Марат Михайлович был незаурядным книгоцелем. Он буквально «глотал» книги, умел читать их по диагонали, при этом, не упуская деталей. В любой момент на любой вопрос находил ответ, аргументируя множеством источников, дат, фамилий.

Он вёл обширную переписку, особенно в последние годы, в том числе с членами семей тех, по кому прокатилось «красное колесо» истории. Даже когда Марата Михайловича не стало, на его имя шли бандероли и письма.

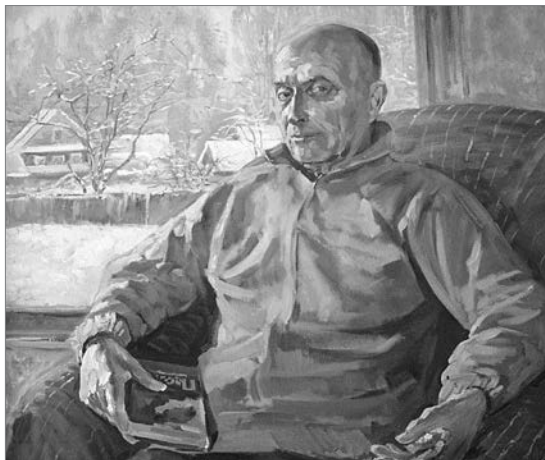
Ушёл из жизни человек, опережавший своё время. Порой с ним было нелегко общаться: он говорил такие вещи, которые казались абсурдными. Марат Михайлович часто предвосхищал мно-

гие политические события, чем вызывал не только недовольство, но и негодование некоторых людей. Проходило время — и он оказывался прав: свершалось то, что он когда-то предсказывал.

Марат Михайлович — интеллектурал и интеллигент (так уж совпало!) генетически. Анна Николаевна Баснина, его бабушка, окончила Строгановское училище, дед Василий Павлович Верхоланцев — искусствовед, любитель-музыкант. Дядя Василий Васильевич Верхоланцев — пианист, окончил Московскую консерваторию, тётя Анна Васильевна Верхоланцева — инженер. Мать Нина Васильевна Верхоланцева училась в Ленинградской академии художеств — художник, режиссёр, драматург, поэтесса.

«Мои родные, как я теперь понимаю, были лучшими представителями русской интеллигенции. Они не опускались в тяжёлые годы до разговоров лишь на бытовые темы. Их разговоры были о художественной работе, о книгах, об искусстве. Часто, когда они не хотели, чтобы я слушал их беседу, то переходили на французский или немецкий языки, на которых говорили довольно свободно».

За плечами самого Марата Михайловича педагогический институт. Что касается высшего образования, то не всё получилось сразу. Попытка поступить в Московский институт геодезии, аэрофотосъёмки и картографии провалилась, видимо, из-за записанного в автобиографии факта ареста отца. Его отец, Михаил Зюк (Зюка) — герой Гражданской войны, комбриг, командир

Г. Угрюмов. Портрет М.М. Верхоланцева

легендарной 25-й Чапаевской дивизии, попал под кровавое «красное колесо» и был расстрелян в 1937 году. При поступлении в штурманское училище, где готовили специалистов по аэрофотосъёмке, Марат Михайлович не прошёл строгую лётную комиссию. Когда поехал в Костромской институт механизации сельского хозяйства, приём там уже был закончен. И только потом уже был Калининский педагогический институт.

Жизненный путь Марата Михайловича в Вёсьегонске складывался так:

1939 год — пошёл в 1 класс;

1949 год — окончил школу, работал старшим пионервожатым в Вёсьегонской средней школе, был членом бюро райкома комсомола, ездил в деревни с целью создания комсомольских организаций, выступал с лекциями в колхозах;

1950—1954 годы — учёба в пединституте;

1954—1958 годы — преподавание в школе пос. Камала Красноярского края;

С мамой Ниной Васильевной Верхоланцевой
и бабушкой Анной Николаевной Басниной

1958—1960 годы — работа пионервожатым в Вёсьегонской школе;

1960 год — школа г. Дрокия (Молдавия);

1961 год — школа г. Одесса;

с 1962 года до ухода на пенсию работал в школах № 1 и № 2 Вёсьегонска учителем географии, астрономии, рисования.

Попытаемся оживить эти сухие цифры... Начнём с условий жизни. Извечный вопрос: бытие определяет сознание или наоборот? Что можно сказать о бытие семьи «врага народа»? 15 августа 1936 года отца Марата Михайловича арестовали — «Нас выселили сначала в кухню. <...> Потом в недостроенный кирпичный сарай». Затем была Москва, где семья жила три месяца, Малоярославец. «В августе 1938 г. маму вызвали в местный отдел НКВД, допрашивали несколько часов, держали под прожектором, после чего она была вынуждена носить очки. На другой день опять вызвали, ткнули пальцем в карту и приказали выехать в ка-

кой-то Вёсьегонск. В документах написали, что она осуждена "тройкой" как жена "врага народа"».

«1938 г. В Вёсьегонске до войны было ужасное снабжение <...> два раза в неделю были большие базары, где можно было купить многое. Но у нас было мало денег.

Зима 1940—1941 г. Дров у нас не было, не было и денег на дрова. Мы с мамой тайком ходили на Большую гору и таскали оттуда корьё.

В комнате было холодно, к тому же мы часто угорали.

Зима 1941—1942 г. В декабре-январе мы ещё кое-что ели, то, что удавалось выменять на вещи (остатки отцовской одежды и пр.) <...> В ноябре я потерял карточки (или их у меня украли), мы остались на 10 дней без хлеба.

Весна 1942 г. Стало совсем голодно. Мама варила одну-две картофелины, навар от них был нашим супом. Коричневая и невкусная картошка делилась на три части — это было наше второе.

1944 г. В том, 1944, году было не особенно тепло и вовсе не сытно. Не было электричества, а то, что горела керосиновая лампа, а не "мигасик", мы считали великим счастьем.

Бичом того времени были вши. Спаслись от них не было никакой возможности <...> лишь в 1944 году мы более или менее освободились от вшей. Но в 1944 г. на нас набросились блохи, эти прыгали как сумасшедшие, а потом вдруг пропали.

Тараканы и клопы сопровождали нас десятки лет.

Мама уехала в Кесьму отмечаться в НКВД, там пошли ей навстречу, предложили не ездить ежемесячно, а отмечаться в весьегонском отделении милиции.

Всё время пребывания в Весьегонске мы чувствовали отчуждённость местного населения, особенно после переноса города, когда часть коренных жителей города покинула родину, а в Весьегонск переселились жители деревень».

Вот в такой обстановке рос Марат Михайлович.

По его словам, в Весьегонске он *«читал взахлёб, и достаточно взрослые книги <...> читал всё время, чтобы заглушить чувство голода».* На протяжении всей жизни Марат Михайлович был постоянным читателем, читателем № 1 Весьегонской центральной библиотеки и активно участвовал во многих её мероприятиях.

Выросший в семье художников, он не только прекрасно разбирался в живописи, но и хорошо рисовал сам: *«Я рисовал, рисовал всё время. Рисовал и в школе на скучных уроках».* Последние четырнадцать лет работы в школе он вёл уроки рисования, вёл занятия в кружках при Детской школе искусств, музее и детской библиотеке.

Конечно, Марат Михайлович участвовал в жизни театрального кружка, агитбригады, которыми руководила его мама Нина Васильевна. Уже в пятом классе играл главные роли в кукольной постановке «Сорочинская ярмарка». Позже принимал активное участие в агитбригаде Весьегонского дома культуры, которой руководила мама.

Это были спектакли «Они не могли иначе» (о весьегонских комсомольцах 1918 года), «Клоп», по В.В. Маяковскому, «Двенадцать лет спустя», по М. Светлову, «Ленинский урок», «Огонь Прометей», «Коварство и любовь», «Пигмалион» и другие. Агитбригада занимала первые места на областных, зональных смотрах художественной самодеятельности, получила одобрительную оценку на смотре в Москве. Марат Михайлович играл в спектаклях, помогал в оформлении, собирал выставки по истории края.

Из участника агитбригады он постепенно вырос в руководителя театрального кружка. С 1970 года вёл театральный кружок в обеих школах города, ставил спектакли: «Они не могли иначе» (посвящённый Парижской коммуне), «Твоя песня» по Виктору Гусеву, «Отважное сердце». А ещё какое-то время был драматический кружок в Доме культуры.

«И пальцы просят к перу, перо к бумаге...» — 26 февраля 1941 года на день рождения Марату подарили клеёнчатую общую тетрадь... *«На другой день я вообразил себя писателем и начал писать повесть. Но написал только несколько строк».* Став взрослым, он с лихвой использует ручку и тетрадь, заменив их потом печатной машинкой. Его «Краткая физико-географическая характеристика Весьегонского района», ставшая важным подспорьем для учащихся, студентов и краеведов, «Семейная хроника» опубликованы в краеведческом альманахе «Весьегонск». Марат Михайлович входил в редакционный совет альманаха, написал «Историю Весьегонской школы», воспоминания о матери, её театре и многое другое. Его материалами при

написании своих книг пользовались авторы Б.Ф. Купцов и Г.А. Ларин. В новгородском альманахе «Чело» был опубликован материал М.М. Верхоланцева «Нереализованный талант, или Повесть о Расцветаеве». Районная газета «Весьегонская жизнь» неоднократно публиковала его заметки, в числе которых были и записанные им рассказы старожилов Весьегонска, А.Д. Гришина и Б.А. Расцветаева. Всю жизнь Марат Михайлович собирал семейный архив Басниных-Верхоланцевых, Нехамкиных, Шункиных и передал много материалов в различные музеи, Государственный архив Российской Федерации. Не лишне вспомнить, что он переписывался с такими мастерами слова, как Валентин Распутин, Ярослав Голованов, был лично знаком и с ушедшим из жизни в 2021 году сыном Голованова, Василием, тоже известным журналистом.

Марат Михайлович не расставался с фотоаппаратом. Он сделал огромное количество снимков друзей, знакомых, учеников, природы весьегонского края, создал фотолетопись Весьегонской школы и Весьегонска. А всё началось с того момента, когда одна знакомая отдала Марату в пользование широкоплёночный аппарат «Комсомолец», и он отснял две плёнки. Спустя год Нина Васильевна получила небольшие деньги за выигрыш по облигации и подарила сыну фотоаппарат «Любитель». В 1970—80-е годы вместе со школьниками он подготовил альбомы по краеведению: «К нам едет ревизор», «Куприн в нашем крае», «Батюшков», «История города», «История школы», «Рыбинское водохранилище и экология».

Занятие фотографией в таких масштабах было делом весьма затратным, но Марат Михайлович, как и его мать, был бессребреник. И это, видимо, на генетическом уровне: прапрадед по материнской линии, Василий Николаевич Баснин, *«снабжал декабристов деньгами, провиантом, одеждой»* и *«для Иркутска был таким же меценатом, как для Москвы — П.М. Третьяков, для Петербурга — В.А. Кокарев»*. Его сын Николай Баснин *«коллекционировал гравюры, которые после его смерти были переданы государству, и гравёрный кабинет Музея изобразительных искусств большей частью состоит из гравюр, собранных Басниными»*.

Не просто увлечением, но делом всей жизни был для Марата Михайловича туризм. Учась в Весьегонской школе, он посещал туристический кружок и вместе с его участниками ходил в походы. А уж когда Марат Михайлович стал учителем... Могу утверждать, что никто из учителей района ни до, ни после Марата Михайловича не совершал столько походов и поездок с ребятами. Нередко он тратил на это и часть своего отпуска, и немалую часть своих финансов. Побывали туристы в Устюжне, Череповце, Ярославле, Ростове Великом, Переславле, Ленинграде, Таллине и ещё много где. И не просто ходили и ездили, а порой несли с собой куклы для кукольного театра, гармонь и давали по пути концерты. Нужно сказать, что такая бурная деятельность влекла за собой порой, как ни странно, неприятности: выговоры за неправильно оформленные документы или несогласованность с РОНО.

Как отразился на судьбе Марата Михайловича тот факт, что он был сыном «врага народа»? Ещё в институте после его выступления на факультетском собрании с критикой партбюро его «больше никуда не выбирали, ни в какие комитеты, из отличников сделали троечником». Когда он жил в Весьегонске, раз в год его вызывали в особый отдел. Некоторые коллеги, и не только, подозревали его в инакомыслии, а если ещё учесть, что Марат Михайлович был бескомпромиссным человеком... Его лишали часов, переводили из одной школы в другую, увольняли, восстанавливали.

Верхоланцев очень любил жизнь. Казалось, он был человеком без возраста, необычайно интересным собеседником и одинаково легко мог вести беседу и с пожилыми людьми, и с молодёжью, и с детьми. Но особенно любил общаться с молодёжью.

На протяжении всей жизни Марат Михайлович активно занимался спортом: туризм, велосипед, лыжи. Даже в преклонном возрасте он постоянно ходил на лыжах. Интересны его первые водные лыжи, которые он сделал сам, деревянные, «с *прибитыми опорками от резиновых сапог*». В 2007 году, когда ему было уже 75 лет, он приобрёл коньки и пошёл на каток.

А как он любил природу! — *«Я хотел бы жить в лесу и умереть на болоте — так я люблю наши леса»*.

Говорят, незаменимых людей нет. Это неправда! Каждый человек уникален, и другого Марата Михайловича больше не будет. Многие его гонители покинули этот бренный мир, и имена их уже стёрлись из памяти людей. А имя Марата Михайловича Верхоланцева, оставившего значительный след в истории Весьегонска, переживёт его современников.

Геннадий Коваленко

ПОДВИЖНИК КРАЕВЕДЕНИЯ*

18 марта 2011 года в Москве, в рамках XIV Национальной выставки-ярмарки «Книги России» состоялось награждение участников Всероссийского конкурса региональной и краеведческой литературы «Малая Ро-

дина», на который было представлено более 600 изданий от 250 издательств и организаций. Специальная награда диплом «Подвижник краеведения» был вручён школьному учителю Геннадию Андреевичу Ларину, автору словаря-справочника

* Автор выражает благодарность Елене Рудольфовне Гулиной за предоставленные в его распоряжение материалы.

«Весьегония». Председатель жюри конкурса член-корреспондент Российской Академии наук, почётный председатель Союза краеведов Сигурд Оттович Шмидт назвал его «лучшим региональным энциклопедическим изданием за последние двадцать лет».

Вся жизнь Почётного гражданина Весьегонского района Геннадия Андреевича Ларина была связана с Весьегонским краем. Он родился 12 января 1950 года в деревне Слуды в многодетной семье колхозников. Окончив Весьегонскую среднюю школу, поступил в педагогическое училище в Торжке. После службы в армии был направлен в школу села Большое Овсяниково. Работу в школе он успешно совмещал с учёбой на заочном отделении Московского педагогического института и в 1979 году получил диплом преподавателя истории. В Большеовсяниковской школе Геннадий Андреевич проработал более 40 лет, где преподавал физкультуру, историю, географию и обществоведение.

Он был не только прекрасным учителем, но и активным краеведом, увлечение краеведением он стремился передать своим ученикам. Много лет вёл школьный туристический кружок, путешествовал с детьми по родному краю, учил их ориентированию на местности, преодолению препятствий, выживанию в походных условиях, участвовал в туристических слётах. Отчёты туристов Большеовсяниковской школы всегда были информационно насыщены. Команда школы неоднократно с успехом защищала честь района на областных туристических слётах, а в 1991 году его ученики представляли Тверскую область

на Всесоюзном слёте юных туристов во Владивостоке.

В 1994 году вышла первая публикация Геннадия Андреевича «Краеведческий словарь Весьегонского района Тверской области», которая была результатом походов по родному краю. Этот словарь стал настольной книгой для учителей и школьников, основным источником информации о крае для туристов. А для Геннадия Андреевича он стал первым шагом на пути к главному труду его жизни — «Весьегонии».

«Весьегония» была не только результатом путешествий по родному краю, но и плодом многолетней упорной работы в архивах и библиотеках, в ходе которой Геннадий Андреевич «перелопатил тонны архивной руды», проявил талант настоящего исследователя.

«Весьегония» — это уникальное энциклопедическое издание, в котором читатель может найти информацию об истории и современности Весьегонского края, о его флоре и фауне, природных ресурсах, транспорте и торговле, административно-территориальных образованиях, монастырях, сёлах и деревнях, в том числе и исчезнувших, о сельском хозяйстве и промышленных предприятиях, образовании, здравоохранении и культуре, дворянских родах и усадьбах. В ней содержится около 200 биографических справок, посвящённых деятелям истории, науки и культуры, оставившим свой след в истории края.

Выступая на её презентации в Весьегонском краеведческом музее, он сказал: *«Если в весьегонском доме в личной библиотеке есть хотя бы десятка два книг, то среди них обязательно есть книга по*

краеведению, хотя бы одно издание, посвящённое нашему краю. Уже один этот факт говорит о том, что наша работа востребована. Сегодня мы работаем на завтрашний день. Мне повезло с издателем, который не руководствовался экономическими соображениями, стремясь максимально удешевить издание. На краеведении не надо экономить».

Говоря об исторической памяти, Геннадий Андреевич с грустью отметил, что она, к сожалению, часто оказывается коротка. Причин этому явлению много, и ему нужно противостоять. В названиях улиц, памятниках, памятных досках на фасадах зданий следует увековечивать то, что связано с историей края, его прошлым и настоящим, которое уже становится историей.

А вот что писал об этой книге журналист Юрий Максим: «Мало сказать: "Я люблю свою родину!". Любовь к ней проявляется в делах. Из любви к малой родине вырастает и любовь к Родине, Отечеству с большой буквы. Книга "Весьегония" — результат деятельной любви к Весьегонскому краю, который является частью нашей общей Родины — России. <...> Краеведам хочется зафиксировать и донести правду о своей родине, сохраняя дух ушедшего времени. Они последние,

можно так сказать, летописцы — современники уходящей жизни, её уклада, её побед и поражений. <...>

Книга "Весьегония" сделана с большой любовью к своей малой родине.

Такие люди, как Геннадий Андреевич Ларин, — главное богатство любого края».

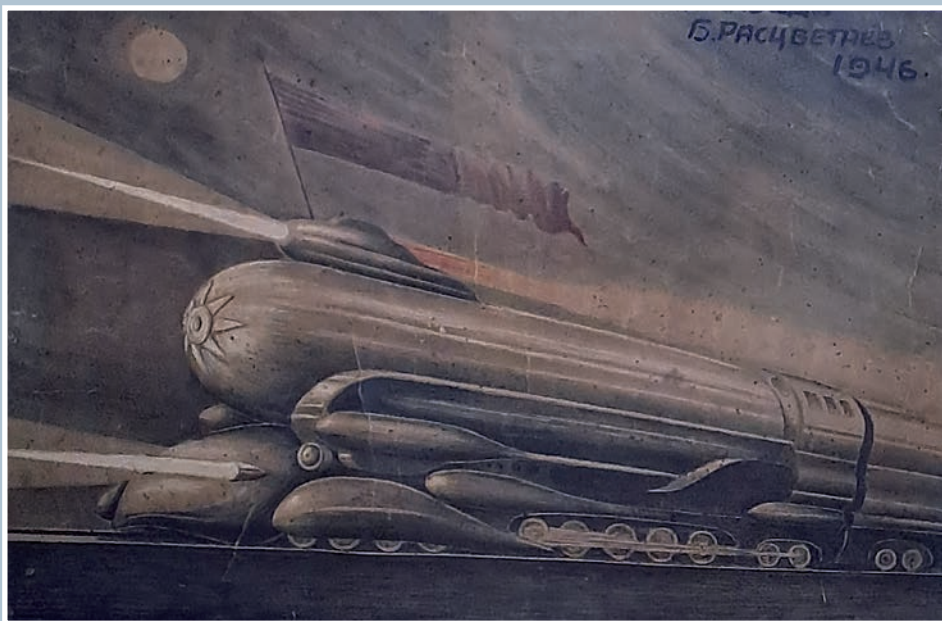
«Весьегония» получила положительный отклик и в кругах научной общественности. Вот что писал о ней в рецензии под названием «Космогония Весьегонского края» сотрудник Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук Н.В. Башнин: «Словарь-справочник "Весьегония" — результат кропотливой и многолетней работы автора. С нашей точки зрения книга удачно скомпонована. В первом разделе даны сведения о природе

ВЕСЬЕГОНИЯ

Картины Бориса Андреевича Расцветаева из фондов
Весьегонского краеведческого музея имени А.А. Виноградова

Б.А. Расцветаев. ПОЕЗД-РАКЕТА.
Бумага, акварель, цветные карандаши, тушь (перо)

Б.А. Расцветаев. ПЕЙЗАЖ С ПОЕЗДОМ.
Бумага, акварель, цветные карандаши, тушь (перо)

Б.А. Расцветаев. ПАРОХОД МОЛОГА.
Бумага, акварель, тушь (перо)

Б.А. Расцветаев. ЛОДОЧНЫЙ ПРИЧАЛ.
Бумага, цветные карандаши, тушь (перо)

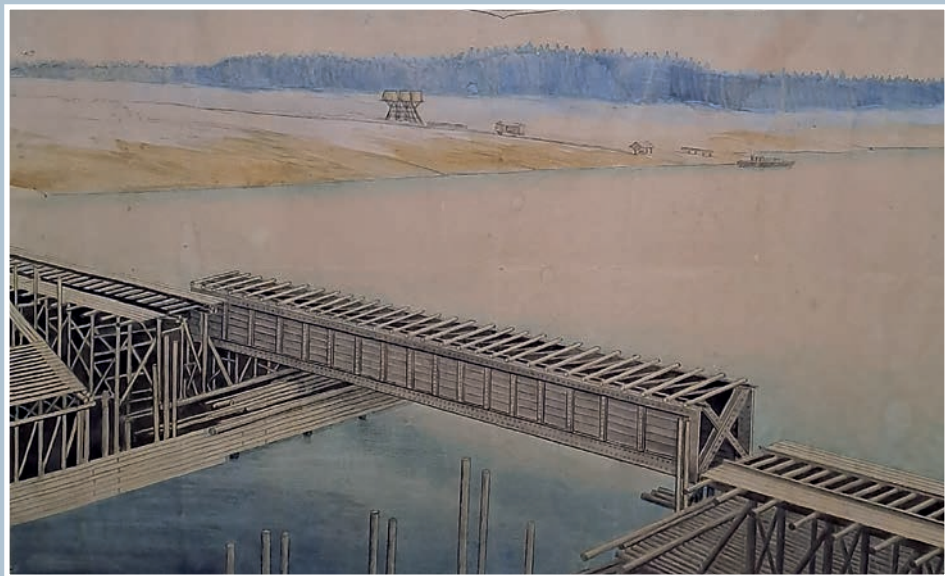
**Б.А. Расцветаев. ГОРОД ВЕСЬЕГОНСК,
ТЕРРИТОРИЯ СЕЛЬХОЗТЕХНИКИ.**
Бумага, акварель, цветные карандаши, тушь (перо)

Б.А. Расцветаев. ЛЕСПРОМХОЗ.
Бумага, цветные карандаши, тушь (перо)

Б.А. Расцветаев. «СТАНЦИЯ ВЕСЬЕГОНСК».
Бумага, цветные карандаши, тушь (перо)

Б.А. Расцветаев. «ПОСТРОЙКА Ж/Д ЛИНИИ ОВИНИЩЕ — СУДА».
Бумага, акварель, тушь (перо)

Картины Григория Михайловича Штендера

Г.М. Штендер. ПЕЙЗАЖ С КАТЕРОМ. 1949 г. (?)
Бумага, акварель. 31 × 42 см. НГМ КП 49240/9 СГ-6388

Г.М. Штендер. ВОЛХОВСКИЙ МОСТ. 1950-е гг.
Бумага, акварель. 31,5 × 41,5 см. НГМ КП 12878 СГ-3195

Г.М. Штендер. КРЕМЛЬ. СЕРЫЙ ДЕНЬ. 1959 г.
Бумага, акварель. 35,2 × 54 см. НГМ КП 34314 СГ-3223

Г.М. Штендер. ЦЕРКОВЬ ПЕТРА И ПАВЛА НА СЛАВНЕ В ЛЕСАХ.
1953—1959 гг. Бумага, акварель. 30 × 36,2 см. НГМ КП 49240/40 СГ-6414

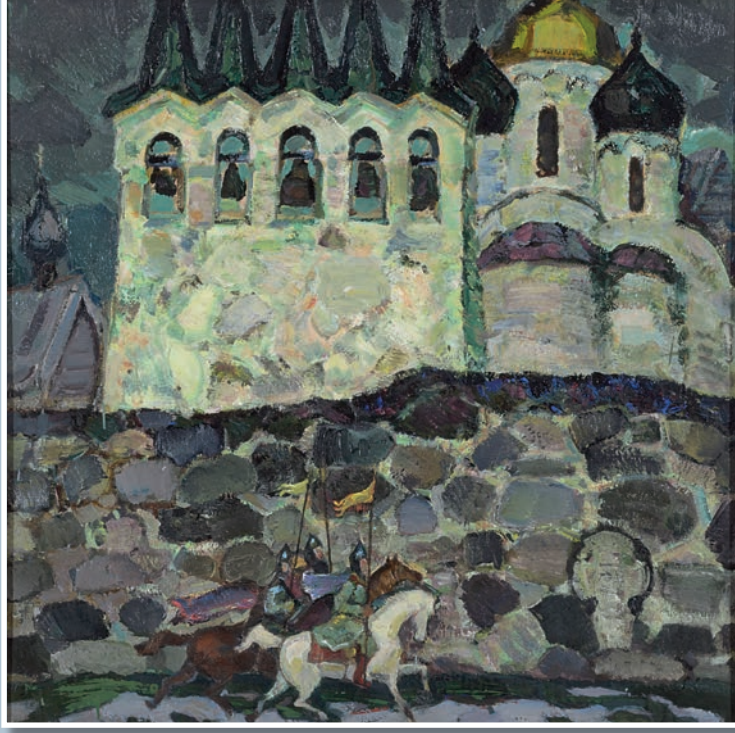

**Г.М. Штендер. ПАРАСКЕВА ПЯТНИЦА
НА ЯРОСЛАВОВОМ ДВОРИЩЕ В НОВГОРОДЕ. 1960—1961 гг.
ДВП, масло. 43 × 65,5 см. НГМ КП 49240/107 СЖ-905**

**Г.М. Штендер. ЗИМНЕЕ УТРО. ТРИПТИХ «ДРЕВНЕРУССКИЙ ГОРОД».
1961 г. Бумага, темпера. 40 × 58 см. НГМ КП 14646/2 СГ-3201**

Г.М. Штендер. НОВГОРОДСКАЯ ЗВОННИЦА. 1969 г.
Фанера, масло. 76 × 76 см. НГМ КП 21151 СЖ-475

Г.М. Штендер. МОЛОДОЙ ИСКУССТВОВЕД. 1978 г.
Холст, масло. 136 × 110 см. ГМХКНЗ КП-391/17
Из фондов ГБУКИ «Государственный музей
художественной культуры Новгородской земли»

Весьегонского края, а завершает труд раздел о хозяйственной деятельности человека. Сердце же книги — это рассказ о поселениях, монастырях, усадьбах и населявших их людях. В целом у Г.А. Ларина получилось междисциплинарное исследование Весьегонии.

Весьегонский край богат замечательными людьми, впрочем, как и любая глубинка России, только вот не везде найдётся тот человек, который соберёт сведения о своих земляках. Геннадий Андреевич сумел кратко представить многочисленные данные о людях разных эпох и поколений, привести генеалогические схемы и, что отрадно, нет идеологического разделения!

Следует отметить значительный объём источников, привлечённых автором. В книге использованы не только публикации памятников, но рукописи из Российского государственного архива древних актов и Государственного архива Тверской области. Словарь-справочник "Весьегония" Г.А. Ларина — это прекрасный образец локально-региональной истории. Несомненно, что к этой книге обязательно будут обращаться все, кто заинтересуется Весьегонским краем.

Свой отклик на его книгу оставили односельчане:

*Может это судьбы ирония,
Но я вижу сейчас наяву
В книге русской земли «Весьегония»
Край, в котором поныне живу!*
(В.И. Гулин)

«Подхожу к полке, беру "Весьегонию", глажу её рукой, вглядываюсь в знакомое лицо автора, улыбаюсь, перелистываю

страницы, нахожу информацию о своей деревне, перечитываю, рассматриваю иллюстрации, вижу знакомые названия сёл и деревень Неганово, Малыгино, Мордкино, Улитино, Сухолжино, Ёгна, Кесьма, Иваново, Чамерово, Чистая Дуброва... Не могу оторваться от книги, хочется уткнуться в неё носом, почувствовать запах типографской краски и снова читать, читать и читать».

(Е.Р. Гулина)

Перу Геннадия Андреевича принадлежат и другие работы по истории края, опубликованные в альманахе «Весьегонск»: «Фёдор Измайлович Родичев: штрихи к портрету», «Формирование территории Весьегонского края в XII—XVI веках», «Весьегонский край в XVII веке». В последние годы жизни он писал книгу об уже не существующих в районе деревянных церквях и сторожках, собирал материалы по региональной антропологии и истории педагогического образования в Весьегонском районе.

Свою любовь к родному краю и увлечение краеведением он сумел передать своему внуку Дмитрию, который под его руководством написал работу «Деревянные храмы Весьегонского края».

Выступая на Всероссийском семинаре краеведов, С.О. Шмидт сказал: «Краеведение — это всегда краелюбие». Эти слова в полной мере можно отнести к Геннадию Андреевичу Ларину. Олицетворяя высшую духовную ценность местного населения — ощущение родного края, с которого начинается любовь к Родине, он выступил в роли хранителя исторической памяти, без которой немислима нравственная и духовная жизнь людей.

Татьяна Володина

В МАСТЕРСКОЙ ХУДОЖНИКА ШТЕНДЕРА

Всё многообразие деятельности, которое было характерно для Григория Михайловича Штендера, открывается каждому, переступившему порог его мастерской. Архитектор-реставратор, учёный, известный далеко за пределами России, наконец, художник, много сделавший для становления профессионального искусства Новгорода. При участии Штендера был спроектирован мансардный этаж в доме № 27а по улице Кооперативной. В нём разместились восемь первых мастерских для только что созданного в области отделения Союза художников РСФСР. Одну из них

получил Григорий Михайлович. В ней он не только писал картины, но и делал чертежи для реставрационных проектов, общался с коллегами и учениками, писал статьи и тезисы докладов, а когда отдыхал — мастерил рамы и подрамники для новых работ.

С 1992 года — года смерти художника — мастерская была закрыта. В ней, благодаря Инне Александровне Спивак (Штендер)¹ — вдове Григория Михайловича, всё оставалось так, как было при жизни мастера: на копировальном

¹ Инна Александровна Спивак (1927—2021) — долгие годы проработала на Новгородской станции скорой помощи. После смерти Г.М. Штендера в начале 2000-х передала в Новгородский музей значительную часть архива, в 2020 — 108 произведений живописи и графики.

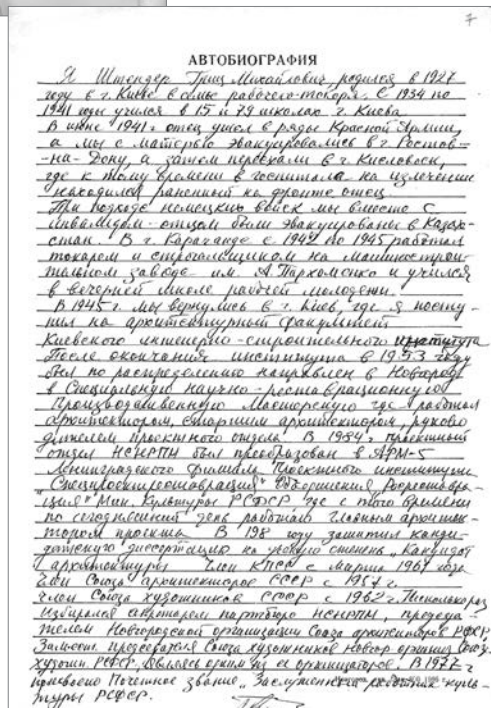

столе — последние чертежи с пометами и правкой, на стенах — многочисленные столярные инструменты, выгоревшие репродукции, фотографии, сотни книг и альбомов, мольберт, коллекция значков, фрагменты плитки, картины на стеллажах, стопки акварелей... В нише — продавленный диван — место отдыха, и снова — книги. Даже фанерные ящики, в которых вернулись картины с VIII Республиканской выставки «Россия» в Москве, оставались нетронутыми.

Григорий Михайлович Штендер родился в 1927 году в Киеве. В годы Великой Отечественной войны был в эвакуации сначала в Казахстане. В Караганде началась его трудовая деятельность — с 1942 по 1945 год он работал токарем и строгальщиком на машиностроительном заводе, вечерами учился. После войны вернулся в Киев. Здесь он поступил на архитектурный факультет инженерно-строительного института, который окончил в 1953 году. Во время учёбы он увлёкся акварелью и рисунком. Первые его работы относятся к 1949 году. Они очень наивны, по-ученически

подробны. Но постепенно приходит мастерское владение кистью и карандашом. В начале 1950-х Штендер создаёт несколько автопортретов, во время службы в армии — рисует сослуживцев. В эти же годы пишет акварельные портреты жены и других близких людей.

В 1953 году по распределению Штендер переезжает в Новгород, где начинает работать в Специализированных научно-производственных реставрационных мастерских. Выбор города определялся просто: можно было поехать в Сочи или

Г.М. Штендер.
Автопортрет. 1950 г.

Г.М. Штендер.
Портрет И.А. Спивак (Штендер). 10.02.1953 г.

Новгород. В Новгороде давали жильё, и была работа для жены, которая стала очень известным в области врачом скорой помощи.

Восстановление средневековых памятников разрушенного в годы оккупации города потребовало от начинающего архитектора углублённого изучения византийского и древнерусского зодчества, истории и археологии. Постоянное профессиональное общение с опытными реставраторами, прежде всего с Любовью Митрофановной Шуляк, способствовало быстрой адаптации. Новые знания и формирующееся представление о ценности древнерусских памятников, понимание их своеобразия и красоты сказались и на выборе тем и сюжетов для акварелей. Штендер-художник пишет

сначала Киев, а затем и Новгород. В его очень тонких по настроению акварелях древнерусские храмы и монастыри мирно сосуществуют с современной городской средой, органично дополняя друг друга. Они выполнены в традициях русской реалистической школы начала XX столетия. В них есть воздух и свет. Они точны в передаче архитектурных форм, пропорций и материала.

В 1950-е годы в Новгороде не было своего отделения Союза художников СССР, но профессиональное искусство уже заявило о себе на первых областных художественных выставках, организованных Новгородским музеем. В них приняли участие недавно приехавшие в город архитекторы и художники Илья Иосфович Кушнир, Леонид Егорович

Г.М. Штендер и Д.В. Журавлёв. 1969 г.

Красноречьев, Семён Иванович Пустовойтов, Григорий Михайлович Штендер. Акварели Штендера экспонировались и на республиканских выставках 1954 и 1957 годов в Москве. Это был первый большой успех.

В начале 1960-х годов Штендер от лирических акварельных серий переходит к более монументальным формам. Глубокое, в силу профессии, понимание архитектуры древнего Новгорода, знакомство со впечатляющими по своим масштабам и сохранности остатками деревянных и каменных строений, открытых археологами, давало большую, чем раньше, свободу, будило фантазию. Пассивное созерцание и любование сменяется активным переосмыслением и преображением видимой реальности. Образы древнерусского храма и города-крепости приобретают многослойность. Они действуют не только на чувства, но и заставляют искать глубинные смыслы, выстраивать ассоциативные

ряды. Новое содержание потребовало и новой формы. Пространство картины как нельзя лучше соответствовало той задаче, которую ставил перед собой Штендер — создать монументальный, исторически наполненный образ древнего Новгорода. В этой связи необходимо вспомнить художника Дмитрия Власовича Журавлёва (1933—2019), выпускника живописного фа-

культета Ленинградского института живописи, скульптуры и архитектуры имени И.Е. Репина (Академии художеств). У него была живописная школа, которая отсутствовала у других художников Новгорода. Мастерские большинства будущих известных новгородских живописцев находились в Кремле: в Златоустовской башне, на третьем этаже Митрополичьих покоев, в Никитском корпусе. В тесном дружеском общении, которое через десятилетия с ностальгией вспоминали очень многие, Дмитрий Власович — ещё совсем молодой, без привычной бородки Дима Журавлёв — делился умением построить картину, на практике демонстрируя широту диапазона её воздействия на зрителя, её возможности передать сложный замысел чисто живописными средствами.

Самую значимую страницу в творчестве Штендера-художника открывает триптих «Древний Новгород». В нём можно увидеть отголоски эпического

стиля Рериха, умевшего сочетать обобщённость формы, декоративность цветового решения с точной исторической деталью. В этом и других произведениях Штендера 1960-х годов город и храмы узнаваемы. Но они не копии реальных, прошедших через столетия испытаний, иногда грубо изменённых временем, а будто вновь рождённые, только вышедшие из рук зодчего и его мастеров. Город вырастает перед зрителем как некое чудо, он живой — в нём скачут всадники, по Волхову плывут ладьи, на Торгу толпятся пёстро одетые горожане. Световые блики на сияющей белизной церкви Параскевы Пятницы, на раскалённых докрасна стенах Детинца и разрывающей мрачное небо звоннице создают особый эмоциональный фон.

Другая группа картин, посвящённая древнерусским городам-крепостям Каменец-Подольскому, Изборску, Соловкам и Новгороду, написана более жёстко с предельным упрощением форм, очерченных тёмной экспрессивной линией. Каждая картина — это сгусток энергии, напряжение воли. Почти монохромная цветовая гамма добавляет ощущение драматизма.

Тема древнерусской архитектуры и монументальной живописи в творчестве Штендера звучит и в нескольких портретах. Портреты искусствоведа Валентины Михайловны Ковалёвой и художника-реставратора Татьяны Анатольевны Ромашкевич — тому подтверждение. Сам выбор героев показателен. Они — часть культурной традиции, её активная составляющая. Обыденно-простые фигуры персонажей органично вписываются в инте-

Г.М. Штендер. Российская твердыня
Триптих «Древнерусский город». 1960 г.
Бумага; темпера. 40 × 22 см.
НГМ КП 14646/3 СГ-3202

рьеры храмов, сохранивших древние фрески. Для них стена — это и работа, и сотворчество с мастерами прошлого, позволяющее обрести смысл жизни, создать свой особый мир.

Образы Новгорода, его осенённой веками красоты, сохраняются в акварелях и рисунках на протяжении всей творческой жизни Штендера. В малых жанрах

Г.М. Штендер. Крепость в горах. 1977 г.
Бумага; темпера. 35,9 × 47,5 см НГМ КП 49240/54 СЖ-890

он лиричен, может передать самые разные нюансы настроения, то погружая зрителя в вечерние сумерки, то открывая ему прелесть серого, напитанного влагой осеннего дня.

Меньше известны южные серии. Самая цельная из них навеяна горными пейзажами Армении. Строгая красота христианских храмов, возвышающихся над горами, как их естественное продолжение; причудливые, напоминающие толпу людей каменистые вершины; лента горной дороги, опоясывающая склоны — переданы лаконично и очень достоверно. Художника привлекают не столько поражающие красотой «виды», сколько духовная атмосфера, единство природы и культурного наследия.

Самые значительные достижения Штендера-художника приходятся на 1960—70-е годы. В 1962 году его в чис-

ле первых в Новгороде принимают в Союз художников, вместе с Д.В. Журавлевым и В.С. Рябовым он входит в состав Оргбюро, готовящего почву для создания Новгородского отделения Союза художников РСФСР. Его работы экспонируют на Зональных и Республиканских выставках, их приобретают музеи и Художественный фонд РСФСР.

В 1980-е годы Штендер-исследователь начинает доминировать

над Штендером-художником, хотя и не вытесняет его окончательно. Он входит в состав Правления Новгородского отделения Союза художников, участвует в жизни организации, являясь, по словам Бориса Львовича Непомнящего, её нравственной опорой. Григорий Михайлович продолжает писать Новгород, делает многочисленные зарисовки, открывает для себя жанр натюрморта. Его композиции по-прежнему отбирают для больших выставок, но каких-либо новых значительных циклов и картин не возникает.

Всего за период с 1949 по 1992 год художником было создано более 600 работ (около 200 хранятся в Новгородском музее-заповеднике). Они привлекают глубокой образностью, дарят зрителю ощущение сопричастности красоте мира, хранят память об ушедшей эпохе.

Людмила Секретарь

ГРИГОРИЙ МИХАЙЛОВИЧ ШТЕНДЕР: ВОСПОМИНАНИЯ ОБ УЧИТЕЛЕ

Я познакомилась с Григорием Михайловичем Штендером в 1960-е годы в период моей работы в Новгородском музее. Началась она в 1964 году: сначала экскурсоводом, затем научным сотрудником в историческом, а с 1968 года в архитектурном отделе. Кабинеты всех научных сотрудников и экскурсоводов находились тогда в здании Присутственных мест, а Новгородская научно-реставрационная производственная мастерская, где работал Григорий Михайлович, — за Присутственными местами в доме, построенном первоначально для священников Софийского собора, а ныне занятом Детским музейным центром.

Григорий Михайлович любил в свободную минутку забежать в музей, где его всегда тепло принимали. Он был молод, полон сил, увлечён, даже одержим, своим делом. Главным объектом его научных интересов в тот период, да и в течение всей жизни, был Софийский собор. Здесь под его руководством произво-

дились архитектурно-археологические раскопки. В алтарной части был заложен большой шурф для установления особенностей устройства древнего престола. В процессе исследований обнаружались столбы престола с орнаментальной фресковой росписью, так называемой мраморировкой. С помощью шурфов

Архитектор-реставратор Штендер Г.М.
в Кремле у Спасской башни. 1970-е гг.
НГМ КП 40585/5 Ф. Р-15. Оп. 2. Ед. хр. 1

устанавливались также уровни и характер древнего и промежуточных полов.

Человек доброжелательный, общительный, всегда готовый поделиться своими наблюдениями и открытиями, Григорий Михайлович увлекал за собой всех желающих и вёл в Софийский собор, где подробно рассказывал об очередных находках, как будто проверял на нас правильность своих научных выводов. Мы, шутя, называли наши походы «решением половой проблемы». И только спустя годы я по-новому оценила эти экскурсии как очень важное для музейных сотрудников приобщение к новгородской истории и более глубокому пониманию сложной строительной истории памятника и особенностей реставрационного дела.

После моего перехода в архитектурный отдел музея, которым руководила в то время Валентина Михайловна Ковалёва, отношения с реставраторами стали профессионально необходимыми. В наши обязанности входило составление актов технического состояния и реставрационных заданий на памятники, находившиеся в ведении музея, а также наблюдение за ходом ремонтных и реставрационных работ. Реставрационные задания составлялись совместно с архитекторами, а вопросы, касающиеся выполнения работ, приходилось решать с прорабами.

Кроме профессиональных обязанностей, Валентину Михайловну объединяли с Григорием Михайловичем научные интересы. Вернувшись ненадолго в 1976—1977 годах после окончания аспирантуры в архитектурный отдел музея, я оказалась свидетелем их совместной научной рабо-

ты, касающейся истории строительства и архитектуры собора Рождества Богородицы Антониева монастыря. В интерьере собора исследователи обратили внимание на глубокие расселины в южной и северной стенах, в месте примыкания нартекса (западного поперечного объёма) с башней. Было ясно, что нартекс отклоняется от основного четырёхстолпного объёма. Штендер и Ковалёва высказали предположение, что первоначально в 1117—1119 годах был выстроен четырёхстолпный одноглавый храм, а позднее к нему пристроен нартекс с башней. При этом западная стена первоначального храма была растёсана и превращена в прямоугольные столбы.

Григорий Михайлович выполнил тогда графическую реконструкцию собора в двух вариантах: в первоначальных формах 1117—1119 годов и на второй строительный период после пристройки нартекса с башней. Прочитанный на эту тему совместный доклад вызвал большой интерес в научных кругах. Статья «О формировании древнего архитектурного облика собора Антониева монастыря в Новгороде» была опубликована в 1982 году в «Кратких сообщениях института археологии АН СССР» (Вып. 171).

В период этой совместной работы Григорий Михайлович написал удавшийся ему портрет Валентины Михайловны. Её бледное продолговатое лицо, художавая фигура, экстравагантный облик, казалось, вышли из начала XX века и просились на портрет художника. Григория Михайловича, без сомнения, привлекало искусство портрета. На одной из выставок запомнился портрет плотника

реставрационной мастерской А. Стрижова. Были и другие замечательные портреты. Увлечение рисунком, живописью было глубоким, отражающим его творческую натуру, оно длилось всю жизнь. Большая авторская выставка, которая состоялась спустя годы после смерти Григория Михайловича в Музее художественной культуры Новгородской земли, раскрыла его как талантливого самобытного художника. Мне приходилось часто видеть его на различных заседаниях, советах с ручкой или карандашом в руках, что-то пишущим или рисующим в блокноте или на листке бумаги. Разбирая архив архитектора, сотрудники Отдела письменных источников Новгородского музея-заповедника обнаружили листки бумаги со сделанными ручкой рисунками двух молодых физиономий — моей и экскурсовода Инны Лещичевой в период нашей работы в музее.

Наибольшая часть картин, написанных Григорием Михайловичем, — своеобразное продолжение его работы как исследователя древнерусской архитектуры. Эти живописные произведения

воплотили его представление о средневековом Новгороде, древних памятниках архитектуры, какими они были в момент их создания. Это авторские реконструкции, позволяющие современным зрителям заглянуть в мир древнего Новгорода.

Некоторое время Григорий Михайлович увлекался прикладным искусством, о чём мало кто знает. У меня хранится янтарная подвеска, которую он подарил мне в день рождения. Думаю, что и другим коллегам или просто знакомым он делал подобные подарки собственного изготовления.

После окончания в 1975 году аспирантуры в Новгородском педагогическом институте я ненадолго вернулась в архитектурный отдел музея, которым продолжала руководить В.М. Ковалёва,

Красноречьев Л.Е.
 Портрет Г.М. Штендера. 1950—70-е гг.
 Бумага, карандаш. 48 × 29 см.
 НГМ КП 46997/1 СГ-1977

а в 1977 году, по приглашению Леонида Егоровича Красноречьева, перешла работать в реставрационную мастерскую на должность научного сотрудника. Задачей научных сотрудников был сбор документальных и изобразительных материалов по памятникам архитектуры и различным темам, над которыми трудились архитекторы-реставраторы. Так как я работала в отделе Л.Е. Красноречьева, то мне пришлось изучать и писать исторические справки главным образом по объектам, реставрацией которых он занимался, а после его ухода в 1985 году я продолжила эту работу по заданию руководителя отдела Нинель Николаевны Кузьминой. Второй проектный отдел возглавлял в 1977 году Г.М. Штендер.

Две выдающиеся творческие личности — Л.Е. Красноречьев и Г.М. Штендер — совершенно разные, порою диаметрально противоположные и по складу характера, и по особенностям и методике в ведении работ, и по отношениям с подчиненными.

Леонид Егорович был очень требовательным и к себе, и к работавшим под его руководством сотрудникам. Воспитывала его спина: он сидел впереди всех за рабочим столом. Терпеть не мог, когда кто-то бездельничал, много курил и отвлекался от дела. Предпочитал, чтобы учились рядом с ним, наблюдая за его работой на объекте.

Работать под его началом было трудно, но необычайно интересно. Я знала, что он ожидал из поездок в архивы и библиотеки новых сведений о памятниках и, как компьютер, немедленно закладывал их в выстраиваемую в его голове концепцию.

Григорий Михайлович, напротив, не был строгим, относился к подчиненным мягко, покровительственно, стремился заинтересовать их процессом работы и затем предоставлял им сравнительную свободу. Предпочитал демократичный способ коллективного обсуждения возникающих в процессе работы проблем и совместного участия в проектировании.

Природа явно наградила его педагогическим талантом, и он любил выступать в роли наставника в обществе молодых, обожающих его сотрудников. Помню период, когда многие желающие оставались после работы или приходили в выходные дни, и Григорий Михайлович ставил им натурные композиции и учил рисовать, так как сам был хоро-

шим художником. Одновременно он вёл беседы с молодыми коллегами на темы искусства. Он умел увлекать, так как сам был человеком увлечённым. Его увлечённость работой иногда доходила до курьёзных случаев. Он никогда особенно не обращал внимания на свою одежду и внешний вид. Легко мог спуститься в шурф в хорошем костюме, а вылезти оттуда совсем не в чистом виде. Однажды на работу пришёл в двух пиджаках. Из карманов иногда торчали разные необходимые для работы инструменты. Надо сказать, что в любой одежде Григорий Михайлович привлекал внимание своей яркой индивидуальностью, хотя красавцем его назвать было нельзя.

Самым опытным и зрелым специалистом в отделе Г.М. Штендера была в годы моей работы Галина Петровна Никольская, его большая помощница. Она поступила работать в мастерскую совсем юной и прошла хорошую школу под руководством прекрасных наставников, в основном Г.М. Штендера. Она могла самостоятельно вести объекты, начиная с обмеров и исследования и заканчивая проектом реставрации. Совместно с Григорием Михайловичем под его руководством Галина Петровна занималась исследованием и разработкой проекта реставрации очень сложного по строительной истории Никитского корпуса в Кремле, а также реставрацией Лихудова корпуса. Многие годы они вместе работали над восстановлением превращённого в руины в период Великой Отечественной войны Хутынского монастыря. Тогда казалось, что реставрировать разрушенные до такой степени постройки практически невозможно.

Штендер Г.М.

Рисунок «Собор Рождества Антониева монастыря в Новгороде». 1970-е гг.

Бумага, карандаш. 40,5 × 30,5 см.

НГМ КП 40585/3189 Ф. Р-15. Оп. 2. Ед. хр. 451

В 1982 году архитекторы представили на рассмотрение проект реставрации монастырского ансамбля. В соавторстве они разработали также проект реставрации Спасо-Преображенского собора Хутынского монастыря. Под руководством Григория Михайловича Г.П. Никольская занималась реставрацией Знаменского собора и окружающих его построек. Она — автор проектов реставрации колокольни и южной галереи Знаменского собора. Постепенно и молодые архитекторы под надзором Григория Михайловича успешно работали над проектированием отдельных объектов.

Сотрудники реставрационной мастерской Н. Горнев, Е. Золотова, Г.М. Никольская, Г.М. Штендер с Павлом Груздевым — последним насельником Хутынского монастыря. 1979 г. НГМ КП 40585/80 Ф. Р-15. Оп. 2. Ед. хр. 15

К примеру, в Юрьеве монастыре этим занимались Л.Ш. Яковлева, И.Б. Аблизина, М.Б. Егоров, М.И. Попова, В.А. Дружинин, Н. Горнев.

Муж Галины Петровны, талантливый инженер-строитель, в течение долгого времени помогал Г.М. Штендеру и другим архитекторам решать сложные проблемы укрепления древних разрушенных войной памятников. Затем в мастерскую пришла работать Светлана Михайловна Пономарёва, которая возглавила вновь созданный инженерно-конструкторский отдел. С ней у Григория Михайловича также сложились тесные деловые отношения. В тот период он стал глубоко заниматься инженерными проблемами, понимая важность их решения. Совместная работа привела их к серьёзным научным выводам. Анализируя характер разрушений древних новгородских храмов,

исследователи предположили, что во многом они связаны с несовершенством их крестово-купольной системы, в результате чего со временем из-за неравномерного давления несущих конструкций на фундамент здание начинает разрываться на четыре блока. Прочитанный на эту тему совместный доклад вызвал интерес у специалистов.

По личной просьбе Григория Михайловича в 1980-е годы я занималась составлением исторической справки по

Знаменскому собору и его архитектурному окружению. Удалось собрать интересный материал, в том числе прочесть комплект сохранившихся столбцов XVII — начала XVIII века из коллекции Отдела письменных источников Новгородского музея-заповедника. К сожалению, обобщён не весь материал. Я написала по этим материалам только две небольшие статьи и путеводитель в соавторстве с Татьяной Юрьевной Царевской.

Мои встречи с Григорием Михайловичем за рамками работы были редки и потому запечатлелись в памяти как нечто яркое и неординарное. Одна из таких встреч произошла в новогодний праздник на квартире наших общих замечательных знакомых — супругов Валентины Ивановны Орловой и Александра Ефимовича Геккера. Они приехали в Новгород из города Орджоникидзе

и преподавали в музыкальном училище. Валентина Ивановна окончила Московскую консерваторию, её однокурсником был знаменитый дирижёр Евгений Светланов. Александр Ефимович — выпускник Челябинской консерватории. Их гостеприимный дом не раз становился местом интересных встреч.

Они прекрасно готовили, и невозможно было отказать от осетинского пирога или лобио в исполнении Александра Ефимовича. Меня познакомила с этими замечательными людьми Людмила Андреевна Филиппова. Её дочь Галя дружила с их дочерью — Танечкой Орловой. С Григорием Михайловичем они сблизилась благодаря соседству с Михаилом Иосифовичем Грувманом, возглавлявшим художественно-производственные мастерские Новгородского отделения художественного фонда РСФСР. С последним Г.М. Штендера связывали и деловые, и дружеские отношения. В тот новогодний вечер Григорий Михайлович пришёл со своей женой Ириной Александровной Спивак, которая много лет работала врачом скорой помощи. С Ириной Александровной Григорий Михайлович приехал из Киева после окончания в 1953 году Киевского архитектурно-строительного института. Семья для него всегда оставалась нерушимой крепостью, важной и неприкосновенной частью его жизни. Я знала, что Григорий Михайлович любит повеселиться, в праздники мы собирались в мастерской, но в тот вечер он был в ударе, много танцевал, шутил, был душой компании.

Запомнилась также встреча, которая произошла в квартире Григория Михай-

ловича у вала Окольного города. В тот день я сопровождала почётного гостя, архитектора-реставратора Ивана Борисовича Пуришева. Мы много ходили пешком. В памяти остался невысокий худощавый человек в берете, что сразу выдавало в нём представителя творческой интеллигенции. Держался он просто и с большим интересом рассматривал новгородские памятники. Помню, что он время от времени принимал гомеопатические лекарства, что меня тогда удивило. В то время я ничего не знала об этом человеке. Позднее познакомилась с его трудами. Свою жизнь он посвятил научно-реставрационной работе, главным образом в Переславле-Залесском Ярославской области. Много лет изучал и реставрировал архитектурные ансамбли Горицкого, Данилова, Никитского монастырей и другие памятники древнерусского зодчества, за что был удостоен звания почётного гражданина Переславля. Последние годы работал в Москве, преподавал в Московском архитектурном институте. Удостоен званий члена-корреспондента Российской академии архитектуры и заслуженного архитектора Российской Федерации.

Григорий Михайлович был знаком с Иваном Борисовичем и пригласил нас в гости. Так я оказалась в компании этих двух очень интересных собеседников. Григорий Михайлович был один. Стол был накрыт идеально. Хозяин успевал и нас кормить, и вести увлекательную беседу. После обеда он показал свою мастерскую, которая располагалась в том же подъезде на верхнем этаже. Надо сказать, что его мастерская нередко служила приютом для его друзей, в том числе

Михаила Исаевича Мильчика и Алексея Ильича Комеча.

Период моей работы в реставрационной мастерской, начиная с 1977 года, был для Григория Михайловича насыщен интересными событиями, важными достижениями, успехами в разных областях его многообразной творческой деятельности. Он защитил кандидатскую диссертацию по совокупности научных работ. Заложенный природой педагогический талант воплотился в преподавательской работе в созданном по его инициативе в Новгородском государственном университете отделении, где начали готовить собственные кадры реставраторов. В университете он получил должность профессора.

В 1980-е годы произошло реформирование Новгородской реставрационной мастерской. Активное участие в этом процессе принимал Г.М. Штендер. Он был сторонником отделения проектной группы от производственного подразделения, и в 1984 году проектная группа вошла в состав Ленинградского филиала института «Спецпроектреставрация» в качестве Архитектурно-реставрационной мастерской № 5. В 1990 году мастерская была реорганизована в Новгородский филиал института «Спецпроектреставрация». Григорий Михайлович занял должность главного архитектора проекта.

В вопросе реформирования точки зрения двух ведущих архитекторов мастерской, Г.М. Штендера и Л.Е. Красноречьева, разошлись. Леонид Егорович был противником выделения проектной группы из состава Новгородской реставрационной мастерской, где архитекто-

ры-реставраторы и производственники работали в тесном контакте. Это позволило за короткие сроки произвести огромный объем работ по восстановлению памятников архитектуры Новгорода и области.

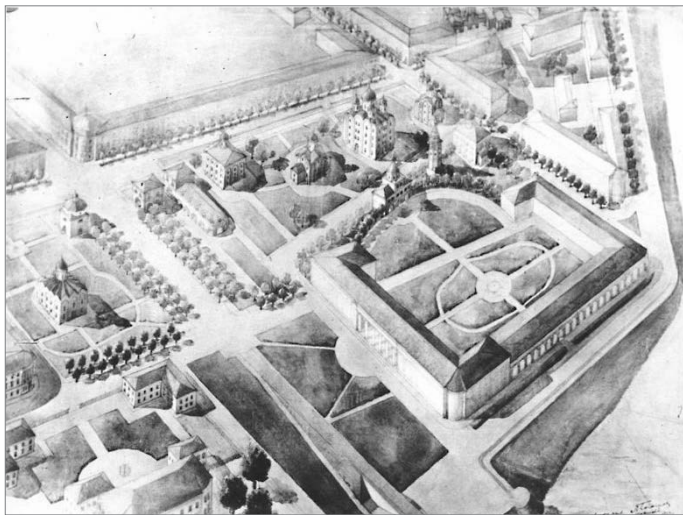
Наладив контакты с коллегами из союзных республик и стран Европы, Г.М. Штендер много сделал для того, чтобы вывести Новгородскую реставрационную мастерскую на высокий союзный и международный уровень. Учиться, обмениваться опытом, работать в Новгород приезжали реставраторы из Москвы, Ленинграда и других городов России, республик Кавказа, а также из Польши и Италии. В свою очередь, Григория Михайловича приглашали во многие места в качестве эксперта по проблемам реставрации древних памятников архитектуры. Некоторое время он работал в Армении и Грузии. Помню один из разговоров с грузинскими реставраторами во время их работы в Новгороде. На основе своих наблюдений они отметили такую закономерность: как только среди людей начинаются конфликты и войны, так случаются землетрясения и другие стихийные бедствия, которые приводят к разрушениям храмов.

Весьма плодотворным оказалось сотрудничество с польскими реставраторами из фирмы «Показет» (ПКЗ). Под руководством Г.М. Штендера они работали на ряде объектов: занимались укреплением аркады Гостиного двора, исследованием и реставрацией западного корпуса (бывшей богадельни) подворья Знаменского собора, Спасского собора, архимандритского корпуса и колокольни Юрьева монастыря. Как вспоминает

архитектор-реставратор из отдела Г.М. Штендера Марина Ивановна Попова, бригада польских специалистов, трудившихся вместе с новгородским реставраторами в Юрьеве монастыре, отличалась высоким профессионализмом. До Новгорода они работали в Риге.

Специалисты итальянской фирмы «Ди-Паче» разработали проекты инженерного укрепления стен кремля, церкви Андрея Стратилата в Новгородском кремле, но эти проекты оказались не реализованными. К примеру, по итальянскому проекту фундаменты церкви Андрея Стратилата предусматривалось укрепить путём заведения свай, что могло привести к разрушению находившихся в аварийном состоянии стен. А новгородские реставраторы фирмы «Десна» укрепляли постепенно, осторожно, по частям раскрывая фундаменты с помощью шурфов.

К исследованиям и проектированию на некоторых объектах привлекались московские специалисты. В частности, для работ в Юрьеве монастыре были приглашены инженеры и архитекторы института «Спецпроектреставрация». Архитектурно-археологические исследования в течение многих лет вела экспедиция Ленинградского государственного университета имени А.А. Жданова под руководством замечательного петер-

Эскизный проект реконструкции Гостиного двора и торговых лавок в Новгороде на Ярославовом дворище. 1984 г. Из архива Г.М. Штендера. НГМ КП 40585/1992 Ф. Р-15. Оп. 2. Ед. хр. 674

бургского учёного, ученика Михаила Константиновича Каргера — Валентина Александровича Булкина, с которым у Г.М. Штендера сложились тесные творческие отношения. Оба были профессионалами высокого уровня. Их сотрудничество привело к важным научным открытиям. Г.М. Штендер и Вал.А. Булкин руководили архитектурно-археологическими раскопками в Антониеве, Хутынском, Юрьеве монастырях, Знаменском соборе, церкви Михаила Архангела на Прусской улице, на территории Гостиного двора. Результаты этих исследований опубликованы в ряде научных статей, в том числе совместных.

В 1988 году вышло постановление Совета Министров СССР под № 816 «О комплексной реконструкции и реставрации памятников истории Новгорода

и Пскова». Были созданы благоприятные экономические возможности для расширения деятельности реставрационной мастерской. Заказчиком работ выступала вновь организованная посредническая фирма «Новгородреконструкция». Штендер активно участвовал в планировании реставрационных работ. В связи с расширением их масштаба появилась возможность принимать на работу новых специалистов. В этот период они прибывали из союзных республик, где всё более усиливались гонения на русскоязычное население. Впервые в истории реставрационной мастерской государство выделило значительное количество квартир, которые получили главным образом вновь принятые на работу реставраторы. Сотрудникам с большим стажем работы досталось всего несколько квартир. И это казалось, во всяком случае мне, обидным и несправедливым. В сформировавшийся за многие годы коллектив реставраторов, работавших с большим интересом и отдачей и не ставящих на первое место количество заработанных денег, пришли люди иных взглядов на жизнь. В коллективе начались конфликты, некоторые старые сотрудники стали уходить из мастерской. Впрочем, и часть новых сотрудников, получив квартиры, вскоре перешла работать в университет, различные строительные организации — туда, где больше платили. У большинства из вновь прибывших не было привязанности к реставрации и Новгороду. Возможно, со временем удалось бы исправить ситуацию и восстановить традиции, за-

ложенные ведущими новгородскими реставраторами: Сергеем Николаевичем Давыдовым, Любовью Митрофановной Шуляк, Тамарой Викторовной Гладенко, Леонидом Егоровичем Красноречевым, Григорием Михайловичем Штендером, Нинель Николаевной Кузьминой, Галиной Петровной Никольской и другими. Но в 1990-е в стране грянули новые гибельные для реставрационной мастерской перемены. Государство отказалось от финансирования реставрационных проектов. А как оказалось впоследствии, частные фирмы не обеспечили такого качества и профессионализма в реставрации, какой был достигнут многолетним трудом архитекторов, инженеров, рабочих Новгородской реставрационной мастерской.

Вклад лучших представителей новгородской реставрационной школы, в том числе Григория Михайловича Штендера — одного из создателей этой школы, отмечен Государственной премией. Он умер в 1992 году в расцвете сил и таланта, не увидев, к счастью для него, упадка и развала реставрационной мастерской. Скорее всего, даже ему с огромным авторитетом не только в профессиональной сфере, но и во властных структурах, не удалось бы остановить этот разрушительный процесс. От некогда мощной мастерской остался небольшой осколок под названием Новгородское научно-реставрационное управление с небольшим штатом специалистов, которые пытаются сохранить полученный ими опыт и передать его своим молодым коллегам.

Владимир Ядрышников

ЛИДЕР НОВГОРОДСКОЙ РЕСТАВРАЦИИ

Умя Григория Михайловича Штендера, выдающегося учёного, теоретика и практика научной реставрации, художника, широко известно. Однако обобщающей статьи о его деятельности до сих не существует. Попробуем ликвидировать этот пробел.

Я работал в Новгородской реставрационной мастерской с 1980 по 1994 год под непосредственным руководством Григория Михайловича. Моя работа не относилась напрямую к реставрационной деятельности, поэтому общение с ним не было столь частым, как хотелось бы. Штендер являлся руководителем одного из двух отделов мастерской. Как не редко бывает в жизни — «лицом к лицу — лица не увидать», и в силу своей скромности он не производил впечатления великого учёного. Григория Михайловича трудно было застать на рабочем месте, поскольку он часто общался с учёными — гостями Новгорода, в том числе иностранными, и с высоким начальством. Это зачастую раздражало, казалось, что Штендеру было скучно сидеть в ка-

бинете. Позднее я понял, что ему не хватало простора, было тесно в сложившейся структуре, он стремился расширить горизонты деятельности реставраторов. Только через много лет, когда я собирал материал для своей книги «Чудо возрождения» и поднял все архивные документы, передо мной раскрылось всё величие личности Григория Михайловича.

Итак, проследим вкратце жизненный путь Штендера на основании его работ.

В 1953 году после окончания Киевского инженерно-строительного института Григорий Штендер поступил на работу в Новгородскую специальную научно-реставрационную производственную мастерскую, где проработал до

Сотрудники Новгородской специальной научно-производственной мастерской Шуляк Л.М., Кузьмина Н.Н., Штендер Г.М. 1965 г. НГМ КП 33288 Ф. Р-25. Оп. 2. Ед. хр. 918

конца жизни. Это был трудный период, когда в разрушенном Новгороде только начиналась реставрация памятников при отсутствии методики, в условиях жёсткой экономии времени, средств и кадров. Период 1950-х годов можно образно назвать «Великий Старт», когда в новгородскую реставрацию пришли Тамара Викторовна Гладенко и Леонид Егорович Красноречьев, несколько раньше — Любовь Митрофановна Шуляк. Эти специалисты составили костяк мастерской и впоследствии прославили Новгород.

После небольшого вводного периода новичкам поручали сложные объекты. Одной из первых работ Штендера явилась реставрация, вероятно, самого сложного памятника в Новгороде — **церкви Параскевы Пятницы** начала XIII века. Он представлялся загадочным, не имел общепринятой датировки, происхождение его форм оставалось непонятным. Храм находился в плохом состоянии, был очень сильно перестроен. В ходе долгих исследований церковь была верно датирована, определены даты и характер нескольких обрушений и многочисленных перестроек. Памятник был атрибутирован Штендером как образец «башнеобразного храма», заимствованный из Смоленска, и введён в научный оборот. Доказана его ключевая роль в дальнейшем развитии новгородского зодчества.

Несмотря на перестройки, удалось выявить большую часть древних форм, выполнить графическую и макетную реконструкцию в первоначальных фор-

мах, обосновать предположение, что начинали строительство смоленские мастера, а продолжила местная артель. Проект реставрации был представлен в Научно-методический совет Академии Наук СССР в 1958 году. Он был составлен в двух вариантах. Первый предполагал полное восстановление памятника в первоначальных формах. Подобная методика была общепринятой в то время в советской, да и в мировой, реставрации. Второй вариант предусматривал укрепление и реставрацию сохранившегося объёма без воссоздания верхних частей. Особенность второго варианта состояла в том, что он предполагал раскрытие не только первоначальных форм, но и сохранение элементов других крупных строительных периодов — XIV, XVI, XVII и XVIII веков. Был одобрен второй вариант, поскольку реконструкция верхних частей здания была невозможна без укрепления всех элементов, и к тому же она имела гипотетический характер; постепенно он был признан окончательным, о полной реставрации вопрос никогда больше не поднимался.

Таким образом, Григорий Михайлович, молодой специалист, взял на себя смелость пойти против течения, против доминирующей методики. Научно-методический совет отметил *«выдающееся историко-архитектурное значение тех углубленных и тщательно проведенных исследований... которые осуществлены автором проекта реставрации и которые положены им в основе проекта»*¹.

В ходе строительных работ был основательно укреплен фундамент, кото-

¹ Отдел письменных источников Новгородского музея-заповедника (ОПИ НГМ). Р-15. Оп. 1. Д. 40. Л. 6.

рый покоился на ненадёжном основании (влажный песок-плывун). Больших усилий потребовало выпрямление северо-восточного угла храма, который отошёл от основного объёма до 45 см, были заведены новые железные связи — стальные стержни, связывающие воедино всю конструкцию, проинъецирована кладка. Лучше других сохранившиеся северный фасад и северный притвор (пристройка), были реставрированы полностью на XIII век. Западный притвор, от которого оставалось менее половины объёма, воссоздали в формах того же периода. На остальных фасадах первоначальные элементы восстановили в зависимости от наличия натуральных данных: юго-западный угол основного объёма — в формах XIV века, юго-восточный угол и апсида — XVII века, сохранили главу XVIII века. По такому же принципу реставрировали и интерьер. Все разновременные части различаются фактурой или цветом.

Проект, отмеченный как прорывной в формировании научной методологии реставрации, получил первый приз на Всесоюзном смотре творчества молодых архитекторов и теперь упоминается во всех учебниках и обобщающих трудах по реставрации. Этот проект сыграл решающую роль в привлечении внимания к консервационным мероприятиям. Едва ли не впервые исторический аспект памятника был поставлен выше его художественного облика.

Вот что писал Штендеру в личном письме патриарх советской реставрации П.Д. Барановский: *«Вашей реставрацией Пятницы все восхищены в самой высокой степени. Она своим колоритом,*

Церковь Параскевы Пятницы.
Вид до реставрации

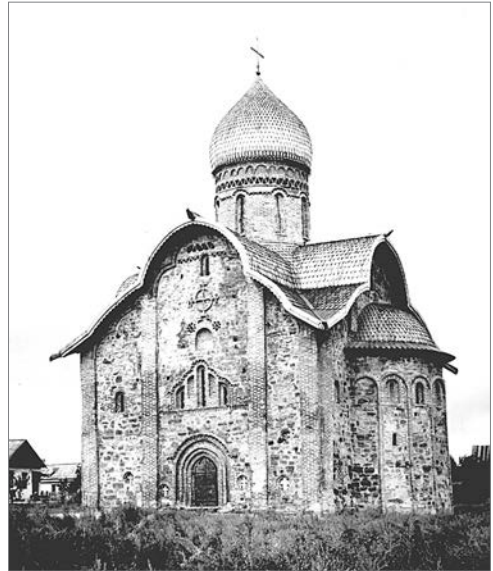

Церковь Параскевы Пятницы.
Вид после реставрации

своим тонким археологическим подходом и художественным качеством произвела самое большое впечатление как образец

Церковь Петра и Павла в Кожевниках.
Вид до реставрации

Церковь Петра и Павла в Кожевниках.
Вид после реставрации

самой достойной реставрации»². В одной фразе три раза употреблен эпитет «самый»! Это уникальное явление: я никогда в жизни не встречал и даже не слышал, чтобы умудрённый опытом выдающийся деятель в такой степени восхищался первой работой молодого специалиста.

Сам автор проекта позднее характеризовал свою работу следующим образом: «В результате проведенных работ памятник представляет собой раскрытую для чтения своеобразную архитектурную энциклопедию, составленную из разновременных форм, с показом строительной техники и приемов средневекового Новгорода. Поскольку при рестав-

рации не ставилась задача воссоздания целостности памятника как произведения искусства, художественные достоинства проявляются во фрагментах, но не в целом»³.

Значение исследований церкви Параскевы Пятницы на Торгу для истории русской архитектуры огромно. Именно Штендер впервые выявил тип башнеобразного храма в Новгороде, проследил его происхождение и развитие, показал его мощное воздействие на творчество зодчих, включая и иноземных (церковь на острове Готланд). Таким образом, Григорий Михайлович в первой же своей работе показал себя крупным самостоятельным исследователем, теоретиком

² ОПИ НГМ. Р-15. Оп. 1. Д. 863. Л. 7.

³ Штендер Г.М. Реставрация памятников новгородского зодчества // Восстановление памятников культуры. (Проблемы реставрации). М., 1981. С. 61.

и практиком научной реставрации, стал негласным научным лидером новгородской реставрационной школы. Я лично слышал, как специалисты в Москве называли между собой новгородскую мастерскую «Штендеровской».

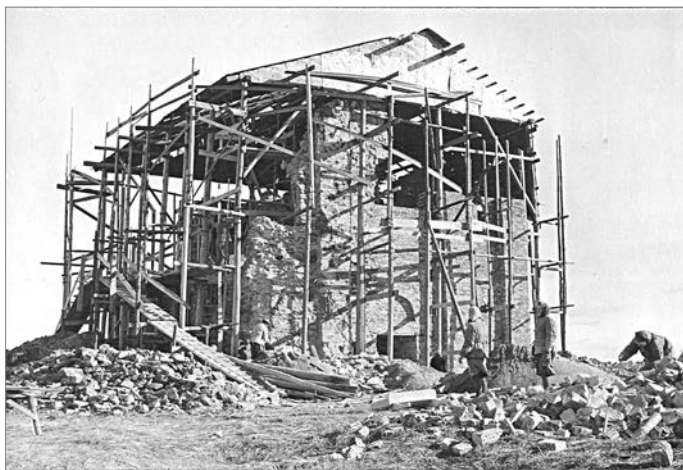
В период с 1955 по 1958 год Л.М. Шуляк и Г.М. Штендер выполнили реставрацию **храма Петра и Павла в Кожевниках** начала XV века. Памятник не подвергался масштабным перестройкам, в ходе исследований были обнаружены все его древние формы. Здесь было сделано важное научное открытие — найдены и верно атрибутированы гнёзда в кладке для циркуля-воробы (колышка с бечевой), которые позволили точно восстановить утраченные криволинейные элементы завершения. Этот метод был признан крупным научным вкладом в методику исследований и впоследствии широко использовался в советской реставрации. Проект реставрации был рассмотрен и одобрен Научно-методическим советом Академии Наук СССР в 1958 году.

Храм был укреплен восстановлением связей, инъектированием кладки. По хорошо читаемым следам церковь практически полностью оказалась раскрыта в формах XV века, включая трёхлопастное завершение, развитый декор и фактуру стен и кровель

(открытая кладка фасадов, покрытия из лемеха). Южный придел XVIII века, закрывавший древний портал и интересный декор, был разобран. Штендер особенно подчёркивал как удачный результат — сохранение патины времени на фасадах⁴.

Эту работу можно считать эталонной для памятников с несложной строительной историей, и храм Петра и Павла в Кожевниках единственный в Новгороде, которому по натурным данным полностью возвращены первоначальные формы.

В 1956—1958 годах Штендер продолжил и завершил реставрацию **церкви Спаса на Нередице** XII века, начатую ещё в 1949 году С.Н. Давыдовым, но затем остановленную. Были проведены дополнительные исследования, откорректирован проект и осуществлён строительный цикл. Храм был реставрирован

Церковь Спаса на Нередице.
Начало реставрации. Фото 1949 г.

⁴ Штендер Г.М. Реставрация памятников новгородского зодчества // Восстановление памятников культуры. (Проблемы реставрации). М., 1981. С. 56.

Церковь Спаса на Нередице.
Вид после реставрации

на период до разрушения. В целях сохранения целостности художественного облика сигнация — граница старой и реставрационной кладки — на фасадах не делалась. В интерьере подлинную кладку от реставрационной легко отличить по наличию фрагментов фресок, а также по фактуре и цвету обмазки.

Штендер, анализируя позднее свою работу, затруднился с определением метода реставрации: *«Учитывая, что сохранилось более 50% древнего здания, а воспроизведение утраченных частей было скрупулезно точным, эту реставрационную работу можно было бы отнести к аналитическому методу. Но значительная часть памятника вос-*

становлена не по натурным данным. Может быть больше подходит определение синтетического метода? Однако здесь не было творчества, даже ограниченного научными исследованиями. Скорее всего, это реставрационный принцип восстановления по формуле "dov'era, sot'era" (где было, как было), выдвинутый еще при восстановлении рухнувшей в 1902 году колокольни Сан Марко в Венеции»⁵. Эта реставрация стала одной из наиболее известных в Советском Союзе и была включена в учебники и методические пособия.

В 1960—1963 годах Штендер проводил комплексные работы на **церкви Николы Белого** XIV века. К началу работ памятник был сильно перестроен, находился в плохом состоянии: имелись сквозные трещины, локальные обрушения кладки. В результате исследований храм верно датирован, была прослежена его строительная история: обнаружены почти все первоначальные формы, включая такие необычные, как готические элементы (порталы, ниши), самое раннее на Руси восьмискатное покрытие, наклон стен здания к центральной оси, резкое несовпадение лопаток со столбами. Показано важное место постройки в истории новгородского зодчества, её творческий, «экспериментальный» характер.

Проект реставрации ориентирован на поздний строительный период (XVI век) с раскрытием по натурным обоснованиям более ранних элементов. Основной объём реставрирован большей частью в первоначальных формах,

⁵ Штендер Г.М. Реставрация памятников новгородского зодчества // Восстановление памятников культуры. (Проблемы реставрации). М., 1981. С. 51.

Церковь Николая Белого. Вид до реставрации

оставлены покрытие XVI века, точно повторяющее древнее, барабан и своды того же времени с главой XIX века, межэтажное перекрытие, реставрированы разновременные пристройки. Выполнена графическая реконструкция первоначального облика.

В эти же годы Штендер провёл комплекс реставрационно-консервационных работ на церкви **Петра и Павла на Сильнице** XII века. Здание, стоящее на старом кладбище, к началу исследований находилось в аварийном состоянии: местами была утрачена кровля, заполнения проёмов, на западной стене имелась большая утрата кладки (пробоина?), стены покрыты трещинами. Памятник неплохо сохранил свои древние формы, хотя был практически не изучен. Были выявлены уникальные особенности постройки — кладка из плинфы (древнего кирпича) со скрытым рядом, в интерьере — мощная укрепительная конструкция XV—XVI веков в виде кирпичных

прикладок к стенам, столбам, аркам и сводам. Был выяснен древний облик памятника, сделана его графическая реконструкция.

Поскольку было неясно использование храма после реставрации, решили провести только укрепление и необходимый минимум работ. Барабан и западный фасад по хорошо сохранившимся следам были реставрированы полно-

Церковь Николая Белого.
Вид после реставрации

стью, на фасаде восстановили портал, окна, кладку со скрытым рядом, карниз из зубцов. Фасаду была возвращена его первоначальная фактура с открытой кладкой, оставлена поздняя четырёхскатная кровля, но позакомарное завершение на западном фасаде выявлено рельефно. На других фасадах раскрыли лишь

Церковь Петра и Павла на Сильнице. Вид до реставрации

Церковь Петра и Павла на Сильнице.
Вид после реставрации

отдельные детали⁶. В интерьере строительные мероприятия практически не велись.

Такая работа относится к категории фрагментарных реставраций или консервационно-реставрационных работ. Она крайне интересна с методической

точки зрения. Вероятно, впервые на большой площади и в яркой форме был применён приём, позднее названный «экспозиционным методом», когда при общем сохранении поздних наслоений раскрывается и подчёркивается одна большая древняя форма (здесь — западный фасад). Вероятно, эта находка появилась в жёстких условиях ограниченного финан-

сирования и сроков работ. Эта весьма перспективная новация в дальнейшем использовалась другими реставраторами.

Под руководством Г.М. Штендера на протяжении 1962—1964 годов проводились глубокие научные исследования кладки и конструкций **Софийского собора** середины XI века в связи с устройством отопительно-вентиляционной системы. Они не сопровождались строительными реставрационными мероприятиями, однако имели решающее значение в понимании структуры и древнейшей истории уникального памятника. Результатом этих изысканий явились ответы на важнейшие вопросы: каким был первичный замысел строителей и характер его изменения в процессе работ; как решалась фактура древних открытых конструкций на фасадах и в интерьере, каково было декоративное решение собора, а также

⁶ Штендер Г.М. Реставрация памятников новгородского зодчества // Восстановление памятников культуры. (Проблемы реставрации). М., 1981. С. 59–60; Секретарь Л.А. Монастыри Великого Новгорода и окрестностей. М., 2011. С. 226–228.

состав и устройство его малых форм (престол, синтрон, алтарная преграда, мозаичные полы). Отчётная документация была представлена в виде чертежей и фотографий, в графической и макетной реконструкциях, подробных статьях в ведущих научных изданиях страны. Специалисты подчёркивали «выдающееся значение проведенных работ» и ходатайствовали об их скорейшем опубликовании⁷.

В течение 1965—1967 годов Штендер провёл первый этап комплексных реставрационных работ на церкви **Симеона Богоприимца** Зверина монастыря XV века. Памятник не подвергался масштабным перестройкам, сохранил большую часть древних форм, в годы Великой Отечественной войны получил локальные разрушения. Проект реставрации был ориентирован на первоначальную дату с сохранением некоторых поздних элементов. В результате была восстановлена связевая система, заделаны трещины, укреплена кладка, по следам раскрыты или вычинены все окна, порталы, декор, реставрировано деревянное межэтажное перекрытие, разобраны поздние хоры. Следов первоначального покрытия не обнаружили, поэтому сохранили восьмискатное

Софийский собор в первоначальных формах.
Макетная реконструкция

покрытие церкви XVII века (возможно, повторяющее древнее), форму главы XVIII века и западную пристройку XIX века.

Эту работу можно квалифицировать как весьма взвешенную тактичную фрагментарную реставрацию. Позднее, в 1970-х годах после раскрытия древней живописи, Штендер провёл второй этап реставрации храма для дальнейшего использования музеем.

Фрагментарную реставрацию надвратной церкви **Сергия Радонежского** середины XV века в Новгородском кремле Штендер провёл в 1973—1974 годы. Это единственный сохранившийся надвратный храм из целой серии, имевшихся ранее в Кремле, и самый ранний из

⁷ ОПИ НГМ. Р-15. Оп. 1. Д. 40. Л. 12–13.

Церковь Симеона Богоприимца.
Вид до реставрации

Церковь Симеона Богоприимца.
Вид после реставрации

сохранившихся в регионе. В ходе исследований были открыты многие древние формы здания, некоторые из которых отразили готическое влияние (завершение фасадов, форма ниш в интерьере). Решение первоначального западного фронтона было выяснено по отпечатку в штукатурке на фасаде примыкающей Часозвони XVII века. Удалось установить, что церковь неоднократно перестраивалась, и определить даты и характер этих перестроек (конец XVII века, середина XVIII и конец XIX века).

Проект реставрации был направлен на первоначальную дату с сохранением более поздних элементов. В процессе работ на лицевом (южном) фасаде раскры-

ли узкое первоначальное окно и нишу-киот, наличник широкого проёма и декоративный фриз XVII века, сохранили завершение памятника в формах XVIII века. На фасаде были оставлены экспозиционные зондажи с показом уклона древней восьмискатной кровли и заложённых окон. В интерьере раскрыли большую часть древних форм — порталы, ниши, фрагменты древней апсиды и окон; оставили поздние свод, апсиду, северную пристройку с лестницей. Внутри реставрировали фрагменты древней живописи.

Эта аналитическая весьма выверенная реставрация отличается чистой формой метода, при котором сохранены формы

Церковь Сергия Радонежского.
Вид до реставрации

Церковь Сергия Радонежского.
Вид после реставрации

всех эпох, что существенно повысило историческую и художественную значимость памятника.

Крупные работы в **Софийском соборе**, которые Григорий Михайлович снова проводил в 1970-е годы, выполнены в основном методом экспозиции, получившим здесь наибольшее развитие. Почти полностью были раскрыты и экспонируются древние конструкции в южной галерее (Мартирьевской паперти), сделаны огромные экспозиционные зондажи в северо-западной части хор, в лестничной башне и снаружи на центральной апсиде. Автор реставрации подчеркивал: «Для памятника столь большой исторической

и художественной значимости как *Софийский собор*, экспозиционное раскрытие обладает прекрасными качествами и преимуществом даже перед аналитическим методом. Сравнительно небольшой объем работ дает возможность выявить древние формы, не уничтожая поздних. Без больших затрат значительно обогащается эстетическая сторона памятника. Различные приемы фрагментарной экспозиции архитектурных форм заключают в себе своего рода интригу и остротой восприятия привлекают внимание зрителей иногда в большей степени, чем реставрация форм, исполненная даже на основе натуральных данных»⁸.

⁸ Штендер Г.М. Реставрация памятников новгородского зодчества. С. 62.

Грановитая палата (Владычняя).
Парадный зал. Зондаж в северо-восточном
углу. 1980-е гг. Из архива Г.М. Штендера.
НГМ КП 40585/316 Ф. Р-15. Оп. 2. Ед. хр. 138

Примерно тогда же Штендером выполнены аналогичные работы в интерьере **Владычней палаты** 1430-х годов. Здесь в экспозиционных зондажах была раскрыта древняя фактура стен, сводов, круглого центрального столба, окон в верхнем этаже одностолпного зала с его уникальными готическими формами. В зале были выявлены первоначальные ниши с фресковой живописью, а снаружи — фрагмент южной стены с верхней частью готического портала.

На протяжении 1974—1987 годов с разной степенью интенсивности и с перерывами проводились комплексные работы по собору **Рождества Богороди-**

цы Антониева монастыря. Храм начала XII века был переделан и обстроен приделами и галереями в XVII веке, крупные перестройки имели место в XIX веке. К 1970-м годам техническое состояние памятника вызывало тревогу: нартекс (западная часть) с лестничной башней и поздние пристройки отошли от основного объёма и отклонились наружу, в стенах и арках наблюдались сквозные трещины.

Научным руководителем объекта в 1974 году был назначен Л.Е. Красноречьев. Конструкции памятника были исследованы, подготовлена программа укрепительных работ, в 1984 году выполнен эскизный проект реставрации собора, сделаны графические реконструкции памятника, предложена схема поэтапного строительства храма в XII веке. Проект предусматривал сохранение большинства поздних форм (пристройки, прямая кровля, главы) при акцентированном показе древнейших элементов. Предлагалось раскрыть некоторые окна XII века, частично реставрировать кофемарное покрытие, в интерьере заложить большие арки XIX века и восстановить древние порталы. Проект рассматривался на реставрационных советах Ленинградского филиала института «Спецпроектреставрация» в 1984 и 1985 годах. Был отмечен высокий уровень исследовательской и графической части. Однако по существу проект был отклонён и предложено подготовить новый вариант с минимальными воссозданиями первоначальных форм.

В этом же году Красноречьев перешёл на работу в Новгородский музей-заповедник, а руководителем объекта

назначили Штендера. Под его руководством проведены дополнительные исследования, включая и археологические раскопки, были получены новые данные об архитектурной истории памятника. Г.М. Штендер и В.А. Дружинин подготовили другой вариант проекта реставрации, одобренный в ноябре 1985-го и осуществлённый к 1987 году. При натурных исследованиях был сделан ряд важных открытий: обнаружены следы древних водомётов, карниза из зубцов, наружных росписей (подкрасок закомар), заложённая в стене лестничной башни камера-молельня, три проёма в верхней части лестничной башни, которые могли быть проёмами звона, т.е. древнейшей на Руси колокольной. Памятник был укреплён, западная галерея и северный придел реставрированы в основном в формах XVII века, южный придел — XIX. На фасадах оставили несколько экспозиционных зондажей с демонстрацией разновременных кладок, кровли заменили на медные и выполнили некоторые графические реконструкции.

Данная работа не получила оценки в литературе. Реставрация Штендера отличается тонкостью, зрелостью, бережным отношением к поздним наслоениям и заслуживает самой высокой оценки. Однако ощущается некий академизм: мне представляется, что первона-

чальные формы можно было раскрыть в большем объёме — выявить хотя бы в рельефе арки закомар, раскрыть некоторые окна.

Кроме этих крупных и важных работ, Штендером были реставрированы также комплекс построек Знаменского собора, Юрьев и Хутынский монастыри, церковь с трапезной Михалицкого монастыря, церковь Николы Косинского монастыря под Старой Руссой, а также Никитский корпус, Судный и Духовный приказы в Кремле. Всего им было реставрировано более сорока объектов. Уже после кончины Григория Михайловича по его проектам проводились реставрации Никольского собора, церкви Спаса на Нередице.

Весьма важны и интересны методические разработки Штендера. Существенным нововведением стало раскрытие нештукатуренной кладки, впервые

Никитский корпус Новгородского кремля.
Юго-западный угол. 1970-е гг. Из архива Г.М. Штендера.
НГМ КП 40585/902 Ф. Р-15. Оп. 2. Ед. хр. 276

применённое им в церкви Петра и Павла в Кожевниках. Такая кладка была свойственна новгородским храмам с XI века и давала *«правильное представление о подлинном характере архитектуры того времени»*⁹. Важным было усовершенствование приёмов выявления древних частей на многослойных памятниках. Наиболее интересные результаты были получены при реставрации церкви Параскевы Пятницы на Торгу, Софийского собора, храмов Петра и Павла на Сильнице, Николы Белого. Прорывной, концентрированной по методическим находкам можно считать работу на объекте со сложной строительной историей — церкви Параскевы Пятницы на Торгу. На новом уровне была отлажена методика раскрытия двуслойных построек. Интересны случаи «экономных» реставраций (церкви Петра и Павла на Сильнице, Николы Белого).

На основе глубокого изучения древней строительной техники и технологии Григорий Михайлович разработал новые методические приёмы в исследовании и реставрации: начертания утраченных криволинейных форм с помощью обнаруженных в кладке центров; определения высотных размеров утраченных частей по характеру горизонтальных швов-захваток, а также по следам древних строительных лесов, кружал и пр.; определения последовательности возведения частей здания по характеру соединения деревянных связей; датировки домонгольских памятников по формату кирпича.

Вот как описывали метод работы новгородских реставраторов Г.М. Штендер и Р.Ф. Шафрановский в неопубликованной статье 1970-х годов: *«Работы проводятся на строго научной основе с использованием всей современной методологии. Тщательно фиксируются и исследуются в натуре все остатки. Проводятся геометрический и мерный анализы. Широко используются обнаруженные следы древних циркульных разметок. Внимательно изучаются ближайшие аналогии, к помощи которых прибегают лишь в самых крайних случаях. Все эти методы концентрируются в одном направлении, взаимно дополняя и контролируя друг друга. Накопленный опыт помогает свободно разбираться в сложнейшей путанице поздних перестроек»*¹⁰.

В научном отношении памятники до реставрации были не изучены. Только в ходе восстановительных работ была прослежена их строительная история, определён первоначальный облик и его изменение со временем. Львиная доля информации о памятниках, которой мы ныне владеем, была получена именно в то время. В ходе работ были сделаны важные выводы и научные открытия: установлен характер завершений новгородских храмов, выяснено, что первоначально многие храмы не имели сплошной обмазки, что некоторые постройки, вероятно, не имели оконных заполнений. Реконструирован был древний процесс строительства, и некоторые его особенности использовались при реставрации.

⁹ Гладенко Т.В., Красноречьев Л.Е., Штендер Г.М., Шуляк Л.М. Архитектура Новгорода в свете последних исследований // Новгород. К 1100-летию города. М., 1964. С. 185.

¹⁰ ОПИ НГМ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 579. Л. 4.

По материалам работ к 1100-летию Новгорода Л.М. Шуляк, Г.М. Штендером, Л.Е. Красно-речьевым и Т.В. Гладенко была опубликована серия научно-популярных брошюр о наиболее известных памятниках.

Из крупнейших научных открытий следует указать в первую очередь на разработку верной схемы эволюции новгородского зодчества, создание её новой концепции. Первым обобщающим опытом

явилась большая совместная статья 1964 года «Архитектура Новгорода в свете последних исследований», до сих пор остающаяся важнейшим источником¹¹. Уже в 1960-х годах Штендер выступал как один из самых печатаемых авторов. Им был издан целый ряд серьёзных научных статей, в том числе в самых престижных сборниках — «Древнерусское искусство», «Советская археология», «Новгородский исторический сборник».

Штендер был известен как прекрасный знаток домонгольского зодчества и теоретик реставрации, его активно привлекали для участия в исследованиях древнейших памятников России, Украины, Белоруссии, Кавказа, он сотрудничал с ведущими учеными СССР: П.А. Раппопортом, М.И. Мильчиком, Ю.С. Асеевым, В.А. Булкиным и другими.

Архитектор-реставратор Штендер Г.М. в рабочем кабинете.
1980-е гг. НГМ КП 40585/7 Ф. Р-15. Оп. 2. Ед. хр. 1

В 1984 году он защитил кандидатскую диссертацию на тему «Архитектура Новгородской земли XI—XIII вв.». Штендер опубликовал более 60 научных работ, им прочитано более 40 докладов на научных конференциях разного уровня, в том числе за рубежом (Афины, Стокгольм). Недавно переизданы основные статьи Григория Михайловича, касающиеся архитектуры Новгорода¹². Широта научной проблематики Штендера удивительна: в первую очередь, это, конечно, домонгольское зодчество Древней Руси, это и происхождение отдельных архитектурных форм, и западное влияние в новгородском зодчестве, и строительная технология, и теория реставрации, и архитектурная археология, и методика реконструкции исторических кварталов и многое другое. Совокупность его научных

¹¹ Новгород. К 1100-летию города. М., 1964. С. 183–263.

¹² Штендер Г.М. Архитектура средневекового Новгорода: Избранные статьи. СПб.: Крига, 2020.

Архитектор-реставратор Г.М. Штендер
в Кремле на стене у Спасской башни. 1991 г.
НГМ КП 40585/4 Ф. Р-15. Оп. 2. Ед. хр. 1

работ является подробной энциклопедией развития зодчества Древней Руси. Некоторые его труды опубликованы уже после кончины учёного, другие остались неизданными, это дело будущего.

До последних дней своей жизни Григорий Михайлович трудился в должности ведущего специалиста по методике реставрации и главного архитектора в новгородской мастерской, ставшей в конце 1980-х годов Новгородским филиалом института «Спецпроектреставрация». До последних дней жизни он сохранил юношеское увлечение исследованиями и загорался при решении каждой новой проблемы.

Григорий Михайлович явно тяготел к научной деятельности, прекрасно

знал историю архитектуры России, Византии и Западной Европы. Впоследствии, однако, это привело к тому, что в силу занятости и увлечённости наукой Штендер перестал готовить реставрационные отчёты, что явилось существенным недостатком.

Особых наград при жизни Григорий Михайлович удостоен не был, что явно несправедливо. В 1996 году он

в составе группы из восьми реставраторов был посмертно удостоен Государственной премии Российской Федерации в области литературы и искусства «За возрождение городского ансамбля Великого Новгорода как результат восстановления и реставрации памятников архитектуры XII—XVII веков г. Новгорода и окрестностей». В 1993 и 2003 году были проведены две научные конференции, посвящённые его памяти. Эти материалы опубликованы в трудах Государственного Эрмитажа¹³.

С именем Григория Михайловича Штендера неразрывно связан период наивысшего расцвета архитектурной научной реставрации и искусствознания России.

¹³ Изучение и реставрация памятников древнерусской архитектуры и монументального искусства. СПб.: Издание Государственного Эрмитажа, 2007. (Труды Государственного Эрмитажа. XXXIV).

Валерий Колотушкин

ПУТЬ СЛУЖЕНИЯ ОТЕЧЕСТВУ

В 2022 году исполнилось 100 лет со дня рождения первого генерала новгородской милиции Василия Александровича Филимоненко. «Биографии Василия Александровича Филимоненко может позавидовать любой мужчина, выбравший путь служения Отечеству», — справедливо подчёркивает автор биографического очерка Владимир Матюшкин¹.

Василий Александрович с высокой ответственностью подходил к решению жизненных задач. Он прошёл трудный и славный путь, сражался на фронтах Великой Отечественной войны. За свои выдающиеся заслуги перед Новгородской землёй он удостоен званий «Почётный гражданин Великого Новгорода» (1997) и «Почётный гражданин Новгородской области» (2016).

Родился В.А. Филимоненко 28 января 1922 года на хуторе Бесово, что близ деревни Хочево ныне Куньинского района Псковской области. Сам он писал о месте своего рождения так: «Дом... стоял на просёлочной дороге, соединяющей две железнодорожные станции — Назимово и Кунью. Дом состоял из одной большой комнаты, и к основным стенам была сделана пристройка из трёх стен, но до конца эта пристройка отделана не была и выполняла роль сеней, где хранились на зиму домашние соленья, каменные жернова, изготовленные вручную и выполнявшие роль мельницы зерновых культур, превращая их в муку»².

Родители жили бедно. Своего урожая не хватало, и отец, Александр Иванович, осенью и зимой выезжал на заработки в Великие Луки. Сыновья оставались

с матерью, Марией Ивановной, и ещё в дошкольном возрасте помогали, как могли. Василий Александрович вспоминал: «...труд для нас с братом Николаем, который был на один год старше меня, стал повседневной необходимостью». В 1930 году семья Филимоненко вступила в только что организованный колхоз, Василий с братом начали учиться в Хочевской школе и после окончания четвёртого класса перешли в семилетку на станции Назимово, в трёх с половиной километрах от хутора.

С большим уважением Василий Александрович относился к труду. «То дорого бывает нам всегда, во что немало вложено труда», — так определял он один из заветов своего отца, вдумчивого и решительного человека. И ещё следовал мудрой мысли Л.Н. Толстого: «Надо

непрерывно встряхивать себя физически, чтобы быть здоровым нравственно».

После окончания шестого класса Василий и Николай, получив разрешение родителей, летом подрабатывали на заготовке гранитного камня для строительства Беломорканала. *«Это был страшно тяжёлый труд, но мы не испугались и за летние каникулы заработали 500 рублей. Это была большая помощь родителям в содержании семьи и приобретении для нас с братом обуви и одежды»*, — вспоминал генерал.

Окончив седьмой класс, в 1937 году сын крестьянина поступил в Торопецкое педагогическое училище. Учиться и выживать в чужом городе оказалось непросто: чтобы свести концы с концами, вечерами и по ночам будущие учителя работали на разгрузке вагонов каменного угля. *«Это был не только тяжёлый труд, изматывающий наши физические силы, нам приходилось несколько дней отмываться, а условий для этого в общезжитии не было»*, — описывал свои лишения Василий Александрович. По результатам двух лет обучения он был среди лучших студентов и получил в награду бюст Карла Маркса.

По окончании училища в июле 1940 года был распределен в город Ржев инспектором районо, но уже 2 октября призван в ряды Красной Армии. В Торопце формировалась специальная команда, в составе которой будущий фронтовик был направлен в Великие Луки. В этом городе призывников, собранных из разных районов Калининской области, распределили в команды по родам войск. *«Погрузили нас в специально оборудованные товарные вагоны. И мы тро-*

нулись в неведомый для каждого из нас жизненный путь», — подводил черту под доармейской жизнью Василий Александрович. Начал он службу в Краснодарском крае курсантом 207-го корпусного артиллерийского полка в Армавире. Уже на первом марш-броске обратил на себя внимание командира. Для многих переход стал трудным испытанием, Василий Александрович же чувствовал себя уверенно и получил задание поддержать пятерых молодых красноармейцев, не дать им «сломаться» в первые дни службы. Пройдя месячную подготовку в лагерях, полк был переброшен в станицу Лабинскую. Здесь будущий генерал окончил полковую школу и был определён в артиллерийскую разведку.

В апреле 1941 года полк срочно перевели в Винницу. После Первомайского праздника артиллеристы выступили в летние лагеря, а за пять дней до нападения Германии на Советский Союз все части, находившиеся там, были подняты по боевой тревоге и направлены к западной государственной границе, проходившей по реке Прут. Первая встреча с немцами запомнилась Василию Александровичу на всю жизнь: *«Прошли старую государственную границу по р. Днестр в районе г. Хотина и продолжали движение к новой государственной границе. В 4 часа ночи 22 июня 1941 года навстречу колонне полка со стороны запада появились 3 самолёта. Я возглавлял в составе отделения разведки передовую группу, принял сначала эти самолёты за сталинских соколов, как мы обычно называли наших лётчиков. Однако это были фашистские самолёты, и первый из них выпустил пулёмётную очередь по нашей передовой разведгруппе.*

Полк двигался в развёрнутом состоянии и готов был отразить силами огневых средств налёты авиации противника. Что и произошло. Два самолёта врага были сразу же сбиты огнём зенитных пулемётов, третий уклонился на запад. Были ранены и среди личного состава полка»³. Полк укрылся в лесном массиве, курсанты развернули палатки и сразу уснули, а на построении в 12 часов комполка объявил личному составу о нападении Германии.

С началом войны все курсанты были распределены по дивизионам и батареям. Филимоненко оказался в 9-й батарее 3-го дивизиона, вступив в должность помощника командира взвода управления батареи. Его первым заданием стала поездка в Винницу для погрузки в эшелоны гаубичных снарядов. *«Работали мы круглосуточно, уставали так, что даже трудно было устоять на ногах. Ведь ящик с 48-кг снарядом весил в целом почти 60 кг. Каждое 152-мм орудие было обеспечено 5-кратным запасом снарядов»,* — вспоминал Василий Александрович.

С июня по ноябрь 1941 года 207-й полк участвовал в оборонительных боях на территории Украины. Полк, начав войну в составе войск Юго-Западного фронта, на 1 июля входил в состав 18-й армии Южного фронта, сформированной в июне на базе управления Харьковского военного округа и войск Киевского особого военного округа. Василий Александрович вспоминал, что войска действовали без паники и страха, «дрались до последнего снаряда, вступали в рукопашную схватку и отходили только по приказу старшего командира». Спустя год после начала войны в наград-

ном листе старшего сержанта Филимоненко отмечалось: *«В июле 1941 г. обнаружил танковую колонну, подходившую к переднему краю наших войск, которая артиллерийским огнём была рассеяна»⁴.*

16 августа 1941 года был образован Брянский фронт, в 50-ю армию которого Ставка Верховного Главнокомандования передала 207-й корпусный артиллерийский полк. В боевой характеристике 3-го дивизиона отмечалось, что он был придан 279-й стрелковой дивизии и непрерывно участвовал в боях с 28 июля по 19 сентября 1941 года: *«В боях с 1 августа по 3 сентября за линию боевого охранения дивизионом уничтожено до полка пехоты противника, 15 миномётных батарей, 30–35 танков и бронемашин, разгромлен крупный штаб в д. Дубровка. Во время наступления с 3 по 12 сентября дивизионом уничтожено до полка пехоты, уничтожен штаб батальона в Рековичи, уничтожено 10 миномётных батарей, уничтожено 2 батареи». Дивизион хорошо взаимодействовал с пехотой — не было ни одного случая отказа в поддержке огнём»⁵.*

Участие В.А. Филимоненко в этих боях подтверждают данные наградного листа: *«В августе 1941 г. обнаружил полевой аэродром противника и отдельно замаскированный самолёт противника на высоте 239,4, который был уничтожен огнём нашей артиллерии. В селе Троицкое им обнаружен НП (наблюдательный пункт — В.К.) противника на дереве, с которого хорошо просматривался район действия наших войск и пулемётное гнездо на церкви, после чего НП и пулемётное гнездо противника были подавлены огнём нашей артиллерии»⁶.*

Части 13-й армии, в состав которой был передан 207-й полк, оказались 2 октября в окружении на территории Сумской области, и только к 7 ноября полк, потеряв всю материальную часть, вышел из «котла». Затем из Ельца эшелонами личный состав отправили на станцию Юдино, в нескольких километрах от Казани. Здесь в лесном лагере началось пополнение полка людьми и вооружением, учебные и практические занятия.

Уже в декабре 1941 года в связи с трудной обстановкой под Москвой полк снова отправили на фронт и в районе Белёва Тульской области он в составе 61-й армии Брянского фронта вступил в бой. *«В марте 1942 г. в районе станции Олсуфьево наш НП подвергся сильному обстрелу миномётным огнём противника, — говорится в наградном листе. — Несмотря на это т. Филимоненко продолжал вести наблюдение и обнаружил стреляющую миномётную батарею противника, которая нашим артиллерийским огнём была уничтожена»*⁷.

Тогда же, в марте второго года войны, в судьбе Василия Александровича произошли изменения: в связи с комплектованием управления штаба артиллерии, двадцатилетний разведчик был направлен во вновь формируемый взвод разведки 56-й батареи Управления командующего артиллерией 61-й армии. Задача взвода состояла в обеспечении штаба артиллерии армии данными для проведения войсковых армейских и фронтовых операций.

Командир отделения разведки батареи Филимоненко вновь отличился в боях летом 1942 года. Вот как об этом сообщалось в наградном листе:

*«За 15 дней с 20 июня по 5 июля 1942 г. тов. Филимоненко обнаружил 3 артиллерийских батареи противника в районах: Коликово, Передовой, Ериши, миномётную батарею противника в лощине Аннино, 10 блиндажей противника в районе: Выгоновский, Аннино и 2 НП в районах высот 249,5 и 235,8. В период наступления наших войск 5 июля 1942 г. наша артиллерия по всем этим обнаруженным целям противника вела огонь, в результате чего было уничтожено 2 арт[иллерийских] бат[ареи] противника, миномётная батарея противника, НП противника и 80 солдат и офицеров противника»*⁸. Приказом войскам Западного фронта от 28 августа 1942 года № 0956 В.А. Филимоненко был награждён орденом Красного Знамени.

Спустя полгода храбрый командир был удостоен ещё одной награды — медали «За отвагу». Подвиг, совершённый 12 февраля 1943 года разведчиками старшим сержантом Филимоненко и красноармейцем Скворцовым, был отмечен отдельно изданным приказом по артиллерии 61-й армии Брянского фронта от 13 марта 1943 года № 17/н. В наградном листе сообщалось: *«Во время боевого действия 12 февраля 1943 г. в районе... (пропуск в документе — В.К.) командованием артиллерии 61 армии был отдан приказ о выявлении количества танков, находящихся у противника на переднем крае. Задача возложена на к [оманди]ра отд[еления] разведки старшего сержанта Филимоненко Василия Александр[овича]. Несмотря на ураганный огонь обеих сторон тов. Филимоненко не только определил количество находящихся у противника танков, но и узнал №№ каждого танка.*

Под ураганным огнём т. Филимоненко благополучно вернулся в срок с выполнением боевого задания. Т. Филимоненко действительно сделал боевой подвиг и [проявил] отвагу»⁹.

Командир взвода разведки с 1943 года исполнял также обязанности начальника командного наблюдательного пункта 61-й армии, решал вопросы выбора места для организации и размещения командования армии. Здесь постоянно находилась боевая группа взвода разведки, которая отвечала за его оборону. При проведении наступательных операций В.А. Филимоненко с группой в составе двух радистов и трёх-четырёх разведчиков находился в передовых подразделениях, в полосе главного удара наших войск.

Как вспоминал Василий Александрович, *«зимняя кампания 1942—1943 годов закончилась на нашем Брянском фронте к началу апреля. После ожесточённых боёв обе стороны перешли к обороне. Успокоились все и в районе Курского выступа. Но между тем назревали важные события»¹⁰*. В этот период состоялись две памятные для молодого человека встречи. 17 мая 1943 года на командный пункт армии прибыл заместитель наркома обороны СССР Маршал Советского Союза Г.К. Жуков. Младший лейтенант Филимо-

В.А. Филимоненко выступает на открытии историко-документальной выставки Государственного архива новейшей истории Новгородской области «День Победы, как он был от нас далёк...», посвящённой 65-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов. 4 мая 2010 г.

ненко лично доложил военачальнику оперативную обстановку в полосе, обозреваемой с командного пункта 61-й армии. Маршал задал офицеру немало вопросов, в том числе о плотности артиллерийского огня противника в разное время суток, калибре артиллерийских установок, дальности расположения огневых точек противника от переднего края и другие. При разговоре присутствовали командующие фронтом и армией.

Встреча с великим полководцем произвела неизгладимое впечатление на Василия Александровича. Он вспоминал: *«Видно было, что Г.К. Жуков <...> за словом в карман не лезет. Когда ему требовалась оперативная карта этого района, которая была у адъютанта, а тот*

только на третий зов явился к маршалу, он не постеснялся прикрикнуть на подчинённого»¹¹.

Десять дней спустя, 27 мая на командный пункт армии прибыл начальник Генерального штаба Красной Армии Маршал Советского Союза А.М. Василевский. Василию Александровичу запомнилось его тактичное и уважительное отношение к подчинённым: «Он внимательно выслушал мой доклад, поздоровался со всеми солдатами, которые были рядом, за руку. Очень корректно попросил показать место, где есть возможность визуально наблюдать расположение противника»¹². Отвлёкшись от перископа, маршал вынул цветной портсигар, закурил и предложил собеседнику папиросу. Василий Александрович с благодарностью принял его предложение, но закурить не решился: «Находящиеся рядом с нами генералы П.А. Белов, М.М. Попов и другие обратили свой взгляд на моё поведение, но никогда и никто мне не сказал, что я поступил неправильно»¹³. На командном пункте А.М. Василевский пробыл полтора часа, после чего, опять пожав каждому руку, поблагодарив солдат за стойкость, веру в победу, выехал в штаб армии.

Младший лейтенант Филимоненко отличился в ходе проведения Орловской наступательной операции (12 июля — 18 августа 1943 года), которая стала частью грандиозного Курского сражения. Здесь 61-я армия вела успешное наступление в направлении Болхов — Орёл. В наградном листе отмечено, что Филимоненко «в наступательных боях по захвату плацдарма на левом берегу реки Ока показал себя сме-

лым, энергичным, бесстрашным волевым командиром-разведчиком. 11.7.43 г., несмотря на сильный оружейно-пулемётный огонь противника, выдвинулся со своими разведчиками и радиостанцией в район расположения боевого порядка нашей пехоты, откуда своевременно обнаружил огневые точки противника и корректировал огонь нашей артиллерии. 14.7.43 г. в деревне Кривцево противник перешёл в контратаку. В это время был тяжело ранен командир пехотного подразделения. Т. Филимоненко принял на себя командование и повёл пехоту в контратаку. Контратака противника была отбита с большими для него потерями»¹⁴.

По истечении двух суток наступательных боёв Василий Александрович был срочно отозван на КП армии, где получил совершенно новую боевую задачу. В практике боевых действий 61-й армии впервые было принято решение об использовании танка Т-34 в качестве танка-корректировщика. Филимоненко получил приказ осуществить корректировку огня 152-миллиметровых гаубиц, хорошо знакомых Василию Александровичу ещё по службе в 207-м артполку. Дальность полёта снарядов, выпущенных гаубицами, достигала 18 километров. «Задача сводилась к тому, что я прибыл в 20-й танковый корпус, получил танк Т-34, в котором занял место командира танка, — вспоминал Василий Александрович. — Установил связь с 38-й артбригадой, сверил закодированную топографическую карту района наступления на Болхов — Орёл с картой, находящейся у командира артбригады полковника Пономаренко»¹⁵.

Согласно наградному листу В.А. Филимоненко, этот бой состоялся 16 июля. На танке Т-34 он занял скрытную позицию для наблюдения за продвижением 20-го танкового корпуса (ТК) и выявления огневых средств немцев. Трижды по его команде артиллеристы вели огонь по вступившим в бой танкам «Тигр» и самоходным орудиям «Фердинанд», было уничтожено четыре танка и около батальона пехоты противника. Как сообщалось в журнале боевых действий 61-й армии, на участке 9-го гвардейского стрелкового корпуса, в боевых порядках которого сражались танкисты, гитлеровцы в этот день ввели в бой 12-ю танковую дивизию в полном составе и бомбардировочную авиацию: 16 июля «авиация пр[отивни]ка в течение дня активно действовала по р[айо]ну сосредоточения 20 тк двумя заходами 46 бомбардировщиков и "Ю-88" и "Ю-87" и во второй раз 23 бомбардировщиками "Ю-88"»¹⁶. Танк В.А. Филимоненко оказался подбит, лишился возможности вести активный бой и потерял радиосвязь.

Спустя годы Василий Александрович писал: «Видя, как в 500–800 метрах от меня идут два штурмовых орудия "Фердинанд" и ведут огонь по нашим позициям, я в нарушение данной мне инструкции принял самостоятельное решение и стал выполнять роль боевого танка. Выпустил 4 снаряда по этой цели, в результате чего одно штурмовое орудие было подбито, второе ушло из поля видимости»¹⁷. Но и сам офицер во время налёта авиации получил множественные осколочные ранения ног. На танке без правой гусеницы добрался до санитарного пункта, а оттуда был отправлен

в госпиталь. Однако «не доехав до КП армии один километр, покинул автомашину с ранеными, добрался до него, доложил командующему армии генералу П.А. Белову и командующему артиллерией генералу Егорову положение наших наступающих войск и по их указанию был доставлен в армейский госпиталь, где мне была сделана операция...»¹⁸.

Сведения об этом бое дополняются данными наградного листа от 16 июля: «т. Филимоненко пробрался к подбитому танку противника, откуда корректировал огонь артиллерийской бригады по огневым точкам противника, чем обеспечил продвижение нашей пехоты вперёд и занятие нескольких населённых пунктов»¹⁹.

Приказом войскам 61-й армии Брянского фронта от 21 июля 1943 года № 48/н младший лейтенант Филимоненко был награждён орденом Отечественной войны II степени. В госпитале он узнал об освобождении Болхова и первом в истории Великой Отечественной войны салюте, данном в честь освобождения Белгорода и Орла 5 августа 1943 года.

Ещё одной награды за отличие в Курской битве Василий Александрович был удостоен спустя год: в июле 1944 года, после освобождения Бреста лично Г.К. Жуков вручил ему орден Британской империи 5-го класса.

После госпиталя В.А. Филимоненко участвовал в освобождении Украины и Белоруссии. В Белоруссии Василий Александрович встретил свою будущую жену Лидию Васильевну — партизанскую разведчицу. После окончания Великой Отечественной войны, в декабре 1945 года, они поженились.

Василий Александрович вспоминал, что действовать осенью 1944 года в Прибалтике было трудно: техника могла двигаться *«только в случае, если путь движения был предварительно замощён деревянными конструкциями»*. *«За отличные боевые действия при овладении штурмом столицей Советской Латвии городом Ригой, важной военно-морской базой и мощным узлом обороны немцев в Прибалтике»* 15 октября Василий Александрович был отмечен благодарностью Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина.

После освобождения Риги армия была передана в состав 1-го Прибалтийского фронта и направлена на блокирование и уничтожение немецкой группировки в Курляндии. В наградном листе старшего лейтенанта Филимоненко отмечалось, что он принимал активное участие *«в уничтожении окружённой группировки пр[отивни]ка в Прибалтике на уч[аст]ке Пужны—Штервели»*. Как командир взвода разведки он *«сумел организовать постройку Н.П. и бдительное наблюдение за пр[отивни]ком, а в период наступления — за полем боя. Сам лично, несмотря на арт[иллерийский], мин[омётный] огонь и бомбёжки пр[отивни]ка, целыми днями не покидал вышки, ведя непрерывное наблюдение. Через свои передовые разведгруппы т. Филимоненко своевременно и точно информировал команд[ующего] артиллерией армии о ходе боя, о действии войск пр[отивни]ка и о положении наших частей»*²⁰. За умелую организацию разведки приказом командующего артиллерией 61-й армией от 7 января 1945 года № 1/н В.А. Филимоненко был награждён орденом Отечественной войны I степени.

В декабре 1944 года армия вновь оказалась в резерве Ставки Верховного главнокомандования, а затем была передана в состав 1-го Белорусского фронта и переброшена на Магнушевский плацдарм на Висле. С января нового, 1945 года, Василий Александрович участвовал в боях на территории Польши, тогда же был вновь отмечен благодарностью «Верховного» *«за отличные боевые действия при прорыве сильной, глубоко эшелонированной обороны противника на западном берегу Вислы, южнее Варшавы»*.

За отличие при форсировании Одера и прорыве обороны гитлеровцев на западном берегу реки В.А. Филимоненко стал кавалером ордена Александра Невского. В наградном листе, согласно которому офицер первоначально был представлен к ордену Красной Звезды, отмечалось, что *«за период боёв при форсировании Одера с 17 по 20 апреля 1945 года разведчиками взвода было обнаружено: две 105-мм артиллерийские батареи противника, три 75-мм батареи, три самоходных орудия, девять пулемётных точек, две 81-мм миномётные батареи, скопление до двух рот пехоты противника»*²¹. Представление подписано 9 мая 1945 года (!), а приказом командующего артиллерией 61-й армии от 18 мая 1945 года № 16/н молодой командир был удостоен высокой награды.

Военная служба для В.А. Филимоненко завершилась летом 1946 года в Донском военном округе, управление которого было сформировано на базе командования 61-й армии. После демобилизации с должности помощника начальника штаба дивизиона 184-го гвардейского артиллерийского полка

в звании гвардии старшего лейтенанта, фронтовик пришёл на работу в органы внутренних дел. Он жил в родной деревне Хочево, поэтому и службу в системе МВД начал на малой родине, в недавно образованной Великолукской области.

Несколько месяцев поработав фотодактилоскопистом в тюрьме областного центра, в апреле 1947 года 25-летний офицер был назначен начальником тюрьмы № 4 в городе Опочка. Как вспоминал В.А. Филимоненко, его вступлению в должность предшествовало чрезвычайное обстоятельство — массовый побег заключённых, приговорённых к высшей мере наказания. Выяснилось, что периметр зоны плохо освещался, проволочное ограждение требовало замены, заключённые размещались в бараке, построенном немцами для содержания советских военнопленных, без фундамента и потолка. Трудности были и со снабжением заключённых за счёт своего подсобного хозяйства, которое находилось в тридцати километрах от города.

Пришлось наводить порядок в учреждении. *«Режим работы мой был необычным. Рабочий день начинался с 7.30 и продолжался до 20–21 часа. Приходилось работать и в выходные по 4–5 часов»*, — писал Василий Александрович о том непростом времени.

После упразднения этой тюрьмы в ноябре 1948 года В.А. Филимоненко получил должность заместителя начальника тюрьмы № 1 в Великих Луках. Тюрьма только строилась, и Василий Александрович вынужден был работать *«столько, сколько... мог вынести физиче-*

ски и морально». Несмотря на тяжелей-

МИНИСТЕРСТВО СВЯЗИ СССР
ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ
ТЕЛЕГРАММА

ДЛЯ ЗАЯВОК АДРЕСАТА: 46.

№ 335

ПРЕЗВИДИИ: ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ ДВА АДРЕСА
НОВГОРОДА СЕКРЕТАРЬ ОБКОМА
КПСС ТОВАРИЩУ АНТОНОВУ Н А
КОПИЯ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ
ОБЛИСПОЛКОМА ТОВАРИЩУ
СЕРГУНИНУ И И

МОСКВА 727 47 6 0208

ПОСТАНОВЛЕНИЕМ СОВЕТА МИНИСТРОВ СССР ОТ 4 НОЯБРЯ 1972 Г.
№ 794 ПРИСВОЕНО СПЕЦИАЛЬНОЕ ЗВАНИЕ КОМИССАРА МИЛИЦИИ
5 РАНГА НАЧАЛЬНИКУ УПРАВЛЕНИЯ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ФИЛИМОНЕНКО
ВАСИЛИЮ АЛЕКСАНДРОВИЧУ С УВАЖЕНИЕМ Н ДЕЛОВ

4 НОЯБРЯ 1972

Секретарь Госком. Зв. 379-320000

Правительственная телеграмма
первому секретарю Новгородского обкома
КПСС Н.А. Антонову, председателю
Новгородского облисполкома И.И. Сергунину
о присвоении начальнику УВД облисполкома
В.А. Филимоненко специального звания
комиссара милиции. [Не ранее 4 ноября 1972 г.]
ГАНИНО. Ф. 260. Оп. 30. Д. 165. Л. 26¹

ший режим работы, он окончил трёхгодичную офицерскую школу МВД СССР в Ленинграде и в 1950-м был переведён в аппарат областного управления заместителем начальника отдела, начальника военизированной охраны отдела исправительно-трудовых колоний.

В 1951—1952 годах Филимоненко — слушатель Высшей офицерской школы МВД СССР, где впервые была

¹ Документ опубликован: Новгородские полиция, милиция и органы внутренних дел. 1733—2000 годы: Сб. документов и материалов / Авт.-сост.: А.К. Богданов, М.Н. Петров. Великий Новгород, 2001. С. 398.

организована годичная учёба руководящих кадров исправительно-трудовых учреждений. Полученная подготовка помогла Василию Александровичу сдать экстерном экзамены за полный курс университета марксизма-ленинизма.

В 1953 году в связи с реформой министерства В.А. Филимоненко оказался на должности начальника отделения по военно-мобилизационной работе в управлении МВД СССР. Василий Александрович, быстро выполняя основной объём порученной работы, обращался в отдел кадров с просьбой давать ему дополнительно разовые поручения, привлекать к участию в комиссиях по проверке работы городских и районных отделов внутренних дел. *«Моя просьба вызвала некоторое удивление в том, — замечал он в воспоминаниях, — что человек ищет дополнительную работу и откровенно признаёт, что объём основной работы для него мал. И я был доволен, что моя просьба была доброжелательно принята».*

В следующем году Филимоненко получил должность начальника секретариата, затем заместителя начальника отдела кадров областного управления МВД. После ликвидации Великолукской области в октябре 1957 года его назначили начальником отдела исправительно-трудовых учреждений в Пскове. Здесь Василию Александровичу снова пришлось проявить характер. В 1958 году в связи с проходившей амнистией все колонии, кроме одной, были закрыты, на свободе оказались лица, ранее совершившие тяжкие преступления, которые вновь встали на незаконный путь — и вскоре в однуединственную колонию началось посту-

пление новых заключённых. В три-четыре раза был переполнен следственный изолятор. Даже на полу камер не хватало спальных мест... Тогда с предложением об организации новых исправительно-трудовых колоний Василий Александрович, уведомив своё руководство, обратился непосредственно к первому секретарю Псковского обкома КПСС И.С. Густову. По поручению Ивана Степановича вместе с секретарём обкома партии В.И. Ефремовым он выехал на осмотр объектов, где могли быть открыты колонии.

Новые исправительные учреждения строились в сжатые сроки, буквально «военным методом», требовались огромные нечеловеческие усилия. Но — *«отдавать делу всего себя и не сдаваться под грузом житейских уда-ров»*, — таково было жизненное кредо В.А. Филимоненко. Первая колония была организована в посёлке Серёдка на базе машинно-тракторной станции: *«Зимой без топографической съёмки местности, используя схемы расположения МТС, определили периметр зоны, места конкретных помещений. Строительство не прекращалось ни в мороз, ни в метель. Были использованы огнёмёты для сушки уже построенных барачков».* Василий Александрович с большой благодарностью вспоминал не только помощь обкома, но и отеческое отношение руководства главного управления исправительно-трудовых колоний, лично заместителя министра А.В. Кураева.

Ещё одну задачу ставил перед собой В.А. Филимоненко — *«привить осуждённым потребность трудиться и дать им определённую профессию и поднять общеобразовательный уровень».* Для это-

го в колониях открывались профтехучилища и общеобразовательные школы, впервые удалось полностью вовлечь заключённых в трудовые процессы.

Деятельность Василия Александровича на посту начальника отдела была отмечена присвоением ему звания подполковника внутренней службы и высокой наградой — знаком «Заслуженный работник МВД РСФСР».

В 1964 году В.А. Филимоненко предложили перевод в Новгород на должность заместителя начальника управления.

Предварительно Василий Александрович выезжал к новому месту службы, ознакомился с руководством области, осматривал колонии. 16 мая 1964 года он доложил начальнику Управления охраны общественного порядка Новгородского облисполкома полковнику Д.Н. Игнатову о прибытии и был представлен руководителям отделов. Так начались 18 лет служебной деятельности Василия Александровича на Новгородской земле.

Первые пять лет в Новгородской области В.А. Филимоненко занимался вопросами работы отдела исправительно-трудовых учреждений, строительства, пожарной охраны, хозяйственной деятельности управления и развитием производства в колониях. На первом месте

В школе-интернате № 1. Справа налево в первом ряду:
В.Н. Аверкин — директор школы-интерната;
Ф.Р. Кудрин — секретарь Ленинского райкома КПСС Новгорода;
В.А. Филимоненко — начальник УВД облисполкома.

[Не позднее 1983 г.]

Из личного архива Ф.Р. Кудрина

для Филимоненко стоял вопрос улучшения бытовых условий осуждённых. В результате укрепления противопожарной защиты объектов и населённых пунктов ущерб от пожаров в Новгородской области за пятилетку удалось снизить на 30 процентов.

В ноябре 1968 года Управление охраны общественного порядка было преобразовано в Управление внутренних дел облисполкома. Спустя год, 30 октября 1969 года, В.А. Филимоненко заступил на пост начальника УВД. Перед ним была поставлена задача по дальнейшему проведению реформы органов внутренних дел в Новгородской области, начатой летом 1966 года, когда вышло постановление ЦК КПСС и Совета Министров

СССР от 23 июля 1966 года «О мерах по усилению борьбы с преступностью». Важным решением также стало постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР, принятое в ноябре 1968 года, которое, по словам В.А. Филимоненко, «возложило на органы внутренних дел большую ответственность, потребовало повысить профессиональное мастерство работников, их культуру, широко использовать современные достижения науки и техники, научные методы в своей деятельности»²².

Как руководитель областного УВД Василий Александрович понимал, что граждане должны знать о работе милиции. «Наши работники стали чаще выступать в коллективах трудящихся с лекциями, беседами и отчётами, — писал он в 1973 году. — В областных и районных газетах было опубликовано и передано по радио много материалов, рассказывающих о делах советской милиции, а также посвященных разъяснению законодательства»²³. Ещё одной формой работы стало участие сотрудников милиции в организации правового воспитания среди учащихся школ и профессионально-технических училищ.

Василий Александрович не раз подчёркивал высокий смысл деятельности правоохранителей: «Сотрудник милиции наделён широкими полномочиями, в нём видят представителя Советской власти. Он должен быть готов в любую минуту прийти на помощь человеку, попавшему в беду, самоотверженно встать на защиту интересов государства»²⁴. «Работники милиции — это люди, безупречно выполняющие свои служебные обязанности, постоянно работающие

над повышением идейно-политического уровня, культуры и профессиональной подготовки»²⁵.

Показателями активной жизненной позиции сотрудников милиции являются следующие цифры, которые относятся к началу 1970-х годов: 65 сотрудников были избраны депутатами местных Советов (1973 год), почти 100% начальствующего состава имело высшее и среднее образование (1971 год), а каждый четвёртый работник милиции повышал образовательный уровень²⁶. В 1979 году Василий Александрович отмечал, что «за последние пять лет численность рядового и младшего начальствующего состава со средним образованием увеличилась почти в 6 раз», две трети офицерского состава имели высшее и среднее специальное образование²⁷.

В публикациях, традиционно выходивших в областной газете к профессиональному празднику — Дню советской милиции — В.А. Филимоненко не забывал отметить отличников службы, называя десятки фамилий сотрудников уголовного розыска, службы БХСС, следственного аппарата, службы ГАИ, участковых инспекторов. Немало Василий Александрович говорил о мужестве милиционеров, которые останавливали хулиганов, предотвращали пожары, оказывали помощь в трудной ситуации. В 1970 году он писал: «235 наших сотрудников с гордостью носят боевые ордена и медали СССР за активное участие в защите Родины от немецко-фашистских захватчиков»²⁸.

Заслуги нового начальника управления были отмечены присвоением ему 4 ноября 1972 года специального звания

«комиссар милиции 3-го ранга», а в октябре 1973 года В.А. Филимоненко стал генерал-майором милиции. Василий Александрович дважды, в 1971 и 1981 годах, награждался орденом Трудового Красного Знамени.

Под его руководством в 1971 году в УВД были созданы информационный центр, дивизион дорожного надзора ГАИ, питомник служебно-розыскного собаководства, новые подразделения в горрайотделах, установлена прямая селекторная связь с девятью городами и районами, с помощью которой руководство УВД проводило ежедневные оперативные совещания в начале рабочего дня²⁹. В 1981 году в соответствии с приказом МВД СССР в составе отдельной роты патрульно-постовой службы милиции появился взвод оперативного реагирования³⁰.

Значительный вклад в профилактику правонарушений и борьбу с ними вносила общественность. В 1972 году в области насчитывалось более двух тысяч внештатных сотрудников милиции и свыше 16 тысяч дружинников, объединённых в 782 дружины.

По инициативе УВД было широко развёрнуто движение коллективов трудящихся «жить и работать без правонарушений», управление поддерживало движение за населённые пункты без правонарушений. В 1974 году В.А. Филимоненко сообщал, что «в области таких населённых пунктов более двух с половиной тысяч. Здесь в течение ряда лет не совершается каких-либо правонарушений. Это результат большой повседневной работы многих советских граждан, кровно заинтересованных в ох-

Василий Александрович Филимоненко, начальник Управления внутренних дел Новгородского облисполкома. [1978 г.] ГАНИНО. Ф. 8025. Оп. 5. Д. 383. Л. 1.

ране правопорядка и искоренении отживших и позорных явлений»³¹. В том же году он делился с жителями области информацией о новой форме объединения милиции и общественности — опорных пунктах правопорядка — центрах воспитательной и профилактической работы. К 1979 году в Новгородской области было создано 237 общественных пунктов охраны правопорядка по месту жительства, 601 совет профилактики в трудовых коллективах, более тысячи добровольных народных дружин³².

Под особым личным контролем Василия Александровича находилось ведомственное строительство: были

построены областная школа милиции, поликлиника со стационаром, детский сад-ясли, современная пожарная часть, новые здания для отделов внутренних дел, почти 1100 благоустроенных квартир в областном центре, началось строительство Дома физкультуры «Динамо». Всё это позволило пригласить для работы в область высококлассных специалистов из других регионов.

«В Новгородской области в 1970-х — начале 1980-х годов сложилась в целом достаточно благоприятная обстановка, — отмечалось в сборнике документов и воспоминаний. — Люди безбоязненно посещали массовые мероприятия, могли находиться на улицах в любое время дня и ночи. <...> Совершенные опасные преступления рассматривались как ЧП, брались руководством под жёсткий контроль, на их раскрытие направлялись лучшие розыскники и следователи...»³³. Сам Василий Александрович отмечал, что «в 1973 году раскрыто "по горячим следам" в течение суток каждое второе-третье преступление»³⁴.

Оставляя современникам и потомкам свой труд «Записки начальника УВД», Василий Александрович не только осветил в них основные факты своей жизни, но и выступил мудрым наставником. *«А все ли знают, какой в жизни самый сложный экзамен? — спрашивает он. — Испытание временем — вот этот экзамен. Только оно одно — строгий, немолимый судья — выносит окончательное решение: состоялся ли человек? <...> Есть ли такие качества, без которых не может быть хорошего работника органов внутренних дел, тем более руководителя? Прежде всего это зрелость, умение*

сочетать политическую, оперативную и хозяйственную деятельность. Если говорить о чисто человеческих качествах, то это порядочность. <...> У человека порядочного, заметьте, слово никогда не расходится с делом...»³⁵.

В сентябре 1982 года генерал-майор милиции Филимоненко был освобождён от должности начальника УВД облисполкома в связи с достижением предельного для этой должности возраста — шестидесяти лет. Он активно занялся ветеранской деятельностью. По инициативе Василия Александровича организация ветеранов органов внутренних дел взяла шефство над школой-интернатом № 1 для детей-сирот имени Героя Советского Союза Я.Ф. Павлова.

С созданием Новгородского областного совета ветеранов войны и труда Василий Александрович вошёл в президиум организации и возглавил комиссию по увековечению памяти погибших при защите Родины. Болью о судьбе каждого защитника Отечества звучит обращение В.А. Филимоненко к читателям газеты «Ветеран», направленное в редакцию 21 июля 1989 года: *«Комиссия областного Совета по увековечению памяти павших в боях в защиту нашей Родины обращается ко всем фронтовикам, рассказать о боях, которые шли на территории Новгородской области, сообщить названия и номера частей и соединений, фамилии павших однополчан, указать места их захоронения. Мы ставим себе задачу, чтобы на нашей Новгородской земле не было ни одной неизвестной фамилии защитника Родины»³⁶. Когда 14 сентября 1989 года бюро обкома КПСС приняло постановление «Об областной книге*

Памяти», В.А. Филимоненко был включён в состав общественной редколлегии книги³⁷.

Долгие годы Василий Александрович был заместителем председателя областного комитета ветеранов войны и военной службы. Дважды он участвовал в Парадах Победы в Москве: в год 55-летия и 60-летия Победы в Великой Отечественной войне. Причём 9 мая 2000 года именно ему было доверено возглавить новгородскую делегацию из семи человек.

Василий Александрович ушёл из жизни на 95-м году 9 марта 2016 года. Новгородцы не забыли первого генерала. На фасаде здания УМВД России по Новгородской области 28 января 2017 года была установлена мемориальная доска.

Имя В.А. Филимоненко присвоено площади в Западном микрорайоне города, где 27 сентября 2019 года ему открыли памятник. В этом же году при поддержке Российского военно-исторического общества вышла в свет книга «Василий Александрович Филимоненко. Офицер-фронтовик и первый генерал новгородской милиции», президанная в 2021-м.

Василий Александрович напутствовал преемников словами, актуальными и в наши дни: *«Вы живёте и выполняете задачи по защите прав и здоровья граждан России в очень сложное время. Запомните, нет ничего невозможного, и пока мы живы, нет безвыходных положений. Мы никогда не должны опускать руки. Верить, верить, верить в себя — и победа обеспечена»*³⁸.

¹ Матюшкин В.А. Наш первый генерал милиции // Сто лидеров земли Новгородской. Великий Новгород, 1999. С. 267.

² Филимоненко В.А. Жаль прошлого, боль за настоящее: Из записок начальника УВД // Василий Александрович Филимоненко. Офицер-фронтовик и первый генерал новгородской милиции. М., 2021. С. 70.

³ Там же. С. 76–77.

⁴ Центральный архив Министерства обороны (ЦАМО) РФ. Ф. 33. Оп. 682524. Д. 351. Л. 70 // Электронный банк данных (ЭБД) «Подвиг народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.». URL: <http://podvignaroda.ru/?#id=10735238&tab=navDetailDocument> (дата обращения: 16.07.2022).

⁵ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2540. Д. 244. Л. 119 // Государственная информационная система (ГИС) «Интерактивный сервис "Память народа"». URL: <https://pamyat-naroda.ru> (дата обращения: 17.07.2022).

⁶ ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 682524. Д. 351. Л. 70–70 об. // ЭБД «Подвиг народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.». URL: <http://podvignaroda.ru/?#id=10735238&tab=navDetailDocument> (дата обращения: 16.07.2022).

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 682526. Д. 121. Л. 168–168 об. // ЭБД «Подвиг народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.». URL: <http://podvignaroda.ru/?#id=150273456&tab=navDetailDocument> (дата обращения: 17.07.2022).

¹⁰ Филимоненко В.А. Памятные встречи // Солдаты Победы: Сб. воспоминаний ветеранов. Великий Новгород, 2000. С. 128.

¹¹ Там же. С. 129.

¹² Там же.

¹³ Филимоненко В.А. Сердцем написанные строки // Курская дуга: Воспоминания новгородцев — участников Курской битвы. Великий Новгород, 2005. С. 128.

¹⁴ ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 686044. Д. 520. Л. 145 // ЭБД «Подвиг народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.». URL: <http://podvignaroda.ru/?#id=17926296&tab=navDetailDokument> (дата обращения: 17.07.2022).

¹⁵ Филимоненко В.А. Жаль прошлого, боль за настоящее... С. 79.

¹⁶ ЦАМО РФ. Ф. 418. Оп. 10695. Д. 178. Л. 19 // ГИС «Интерактивный сервис "Память народа"». URL: <https://pamyat-naroda.ru> (дата обращения: 17.07.2022).

¹⁷ Филимоненко В.А. Сердцем написанные строки... С. 131.

¹⁸ Там же. С. 132.

¹⁹ Наградной лист с представлением В.А. Филимоненко к ордену Отечественной войны II степени. 20 июля 1943 г.

²⁰ ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 686196. Д. 966. Л. 111 // ЭБД «Подвиг народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.». URL: <http://podvignaroda.ru/?#id=23279694&tab=navDetailDokument> (дата обращения: 17.07.2022).

²¹ ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 687572. Д. 678. Л. 279 // ЭБД «Подвиг народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.». URL: <http://podvignaroda.ru/?#id=39604311&tab=navDetailDokument> (дата обращения: 17.07.2022).

²² Филимоненко В.А. Надёжный страж порядка // Новгородская правда. 1970. 10 нояб. С. 3.

²³ Филимоненко В.А. На страже интересов народа // Новгородская правда. 1973. 8 нояб. С. 4.

²⁴ Там же.

²⁵ Филимоненко В.А. На страже порядка // Новгородская правда. 1971. 10 нояб. С. 2.

²⁶ Там же.

²⁷ Филимоненко В.А. На страже правопорядка // Новгородская правда. 1979. 8 нояб. С. 4.

²⁸ Филимоненко В.А. Надёжный страж порядка // Новгородская правда. 1970. 10 нояб. С. 3.

²⁹ ГАНИНО. Ф. 260. Оп. 30. Д. 59. Л. 46.

³⁰ Новгородские полиция, милиция и органы внутренних дел. 1733—2000 годы: Сборник документов и материалов / Авт.-сост.: А.К. Богданов, М.Н. Петров. Великий Новгород, 2001. С. 420—421.

³¹ Филимоненко В.А. Всегда на посту // Новгородская правда. 1974. 8 нояб. С. 3.

³² Филимоненко В.А. На страже правопорядка // Новгородская правда. 1979. 8 нояб. С. 4.

³³ Новгородские полиция, милиция и органы внутренних дел. 1733—2000 годы... С. 34.

³⁴ Филимоненко В.А. На страже интересов народа // Новгородская правда. 1973. 8 нояб. С. 4.

³⁵ Филимоненко В.А. Жаль прошлого, боль за настоящее... С. 100.

³⁶ ГАНИНО. Ф. 8096. Оп. 1. Д. 45. Л. 49.

³⁷ ГАНИНО. Ф. 264. Оп. 24. Д. 131. Л. 4.

³⁸ Филимоненко В.А. Жаль прошлого, боль за настоящее... С. 103.

Сергей Витушкин

ШКОЛА ДОБРОТЫ И ОТВЕТСТВЕННОСТИ

К 100-летию со дня рождения В.П. Никуличева

Владимиру Петровичу Никуличеву — редактору газеты «Новгородская правда» (1971—1988), члену Союза журналистов, Заслуженному работнику культуры РСФСР, кавалеру почётного знака «За заслуги перед Великим Новгородом» исполнилось 100 лет со дня рождения. До последнего дня Владимир Петрович работал первым заместителем председателя областного Совета ветеранов войны, труда, Вооружённых сил и правоохранительных органов.

Он родился 14 июля 1922 года на станции Веребье Маловишерского района в семье медиков, оба родителя были фельдшерами. Детство его нельзя назвать безоблачным, поскольку отец оставил семью, когда Володя был ещё маленьким, и растила его одна мать — Зинаида Тихоновна, работавшая акушеркой сначала в медучреждениях на станциях Бурга и Веребье Маловишерского района, затем в посёлке Парахино Окуловского района. В Веребье и Парахино и прошла юность Владимира Никуличева. Зинаида Тихоновна, несмотря на довольно стеснённое материальное положение семьи, взяла на воспитание осиротевших племянников.

Володя ощущал постоянную заботу матери, которая всемерно поощряла его тягу к знаниям. Он пошёл в школу в Бурге в 1930 году, затем учился в Парахинской фабрично-заводской школе-се-

милетке — подшефной Окуловского целлюлозно-бумажного комбината, с пятого класса — в Парахинской средней школе № 2, построенной в 1936 году благодаря заботам директора комбината Леонида Павловича Грачёва. В этом новом двухэтажном каменном здании, где повсюду царили чистота и порядок, было много света и воздуха, получать двойки было неловко и стыдно. Учителя в основном давали прочные и хорошие знания. Достаточно сказать, что даже через пять лет после окончания школы благодаря урокам К.А. Ирбе Владимир Никуличев, будучи комендантом в Германии, хорошо говорил по-немецки. Школу в те же годы окончили лётчики морской авиации Краснознамённого Балтийского флота будущий Герой России лётчик штурман Дмитрий Георгиевич Парфёнов и лётчик, бомбивший в 1941 году Берлин, Пётр Николаевич Трычков.

Володя увлекался исследованием космоса, мечтал стать конструктором ракет. Серьёзно занимался шахматами, стал чемпионом Окуловского района, призёром Всесоюзного спортивного общества «Бумажник», а на шахматной олимпиаде школьников Ленинградской области завоевал второе место. В результате ему поручили возглавить шахматную секцию в Парахинском Доме культуры. Володя активно занимался общественной работой, был избран на районную конференцию ВЛКСМ, возглавил ученический комитет, по делам которого обращался в разные учреждения, в том числе к директору ОЦБК, будущему министру целлюлозной и бумажной промышленности СССР Л.П. Грачёву. В эти школьные годы вместе с другом Валентином Гефнером выпускал шуточный рукописный журнал «Земледелие и скотоводство», в который записывались оговорки и смешные фразы, прозвучавшие на уроках. Директор школы, узнав об этом, направил энергию друзей в другое русло, журнал сменил несколько названий, пока не нашлось нейтральное — «Дружба».

Газета ОЦБК им. Ярославского «Рупор ударника» отвела 6 марта 1940 года целую страницу под названием «Прекрасное настоящее, замечательное будущее» сочинениям выпускников Парахинской школы. Было там и сочинение Володи Никуличева — «Испытания ракетоплана». Кстати, газета не первый раз публиковала его фамилию. 12 июня 1935 года она поместила фото с подписью «Отличник Никуличев, ученик 5 класса, сдаёт зачёт по истории». В 1940 году Володя окончил среднюю школу и был призван в РККА.

Уходил призывником, вернулся офицером

Служить пришлось вдали от родного дома — в городе Томске в 421-м стрелковом полку. Другом, которому он доверял свои мысли, секреты и мечты, стал дневник. Позже это поможет Владимиру Петровичу описать достоверно и ярко свою жизнь в книге воспоминаний.

После советско-финляндской войны учёба пехотинцев была нацелена на преодоление физических и моральных трудностей. Постоянно проходили марш-броски, стрельбы, учения. В свободное от занятий время организовали хор, выступали в Новосибирске на окружной олимпиаде самодеятельности. Там же вскоре проходил набор на курсы младших политруков, куда послали и Никуличева. Однако он не прошёл по здоровью — подвело зрение. Эта ситуация в его жизни повторялась несколько раз. Как говорил сам Владимир Петрович — воевать годился, а для военной карьеры — нет. К апрелю 1941 года он — редактор стенгазеты, председатель товарищеского суда, помощник групповода на политзанятиях. Мечтал поступить в институт, думал: скоро придёт 1942 год и мечта сбудется.

Но всё поломала война. В первый же месяц военных действий 166-я дивизия, где служил В.П. Никуличев, убыла на фронт. Исключение составили военнослужащие с высшим и средним образованием, которых направили на переформирование. В их числе был и Владимир Петрович. Он попал в 136-й отдельный лыжный батальон 4-й лыжной бригады

в Бердск, и в звании старшего сержанта стал помощником командира пулемётного взвода. Приходилось учиться самому и учить пополнение. В декабре 1941 года учёба и формирование подразделения завершилось, и в январе 1942 года батальон отправили на фронт.

Уже при выгрузке у Кандалакши попали под бомбардировку, появились раненые. Главная цель действий на фронте состояла в том, чтобы не допустить захвата Кировской железной дороги, по которой шли из Мурманска оружие и материалы, получаемые по ленд-лизу. Батальон размещался в лесу, из-за налётов немецкой авиации запрещали жечь костры, случались перебои с питанием, словом, тяжёлые условия существования, к которым готовились в Томске, были налицо. Молодой командир и бойцы переносили всё стоически. Первая вылазка с участием Никуличева в финский тыл для уничтожения финской школы младших командиров прошла успешно, но были и среди своих убитые и раненые.

Спустя некоторое время Владимира Петровича избрали секретарём бюро комсомольской организации батальона, и снова встал вопрос о присвоении офицерского звания. В августе 1942 года его направили на курсы младших лейтенантов в город Беломорск, по окончании которых назначили замполитом роты учебного батальона 313-й стрелковой дивизии, где готовили сержантов для стрелковых частей.

Вскоре в Красной Армии институт комиссаров был упразднён — заменён на институт замполитов, и большинство из них перешло в строевые командиры. В сентябре 1943 года лейтенант Нику-

Владимир Петрович Никуличев

личев стал командиром взвода 118-го стрелкового полка 54-й стрелковой дивизии Карельского фронта. Взвод 75-мм противотанковых пушек находился на острове озера Среднее Куйто, и только скованное льдом его пространство разделяло наших воинов и финнов.

В начале 1944 года лейтенант Никуличев был назначен помощником начальника штаба полка по шифровально-штабной службе и вскоре зарекомендовал себя на таком ответственном участке работы. К этому времени Финляндия запросила мира и часть стала тыловой, но ненадолго — вскоре была направлена в Восточную Пруссию. На 2-м Белорусском фронте дивизию сразу бросили под Голдап, с 21 по 29 января 1945 года продолжались бои у населённого пункта Гросс Вронкен и высоты 217,6. В эти дни Никуличева нашло пись-

мо от отца Петра Александровича. Он, военный фельдшер, заболел тяжёлой неизлечимой болезнью и был демобилизован. В последнем напутствии отец призывал сына быть стойким защитником Родины и возвращаться только с Победой.

Вскоре В.П. Никуличев получил первую военную награду — орден Отечественной войны 2-й степени. В заслугу ему ставилось то, что, не считаясь со временем и трудностями службы, он разработал переговорные и сигнальные таблицы и обучил офицерский состав правилам их применения. Эти таблицы использовались в период наступления в Восточной Пруссии, и не было ни одного нарушения разговоров по кодированной связи, поэтому противник не смог узнать содержание открытых разговоров и понять планы командира в бою. Никуличев сам находился на передовом наблюдательном пункте, уточнял обстановку и докладывал командиру, принимал самостоятельные решения на поле боя, способствовал выполнению боевых задач. В начале февраля 1945 года в районе Айххорн, когда противник атаковал наши подразделения и вышел в район дислокации штаба полка, Никуличев, проявив исключительные мужество и отвагу, под сильным артиллерийским огнём организовал оборону, связался с командиром и, таким образом, предотвратил нападение противника на штаб. В бою северо-восточнее города Ландсберга под сильным артиллерийским огнём противника он своим примером воодушевлял личный состав, проявлял исключительные мужество и храбрость.

На войне, как и вообще в жизни, большое значение имеет случай: 6 февраля 1945 года в двух километрах юго-восточнее Айххорна Никуличев с сослуживцем, начальником химической службы полка старшим лейтенантом Григорием Артёмовичем Бурдиловым, сидели вдвоём в землянке с двух сторон большого стола и работали с документами. Внезапно при обстреле прямым попаданием снаряд пробил накаты землянки. Бурдилова убило, а на Никуличеве не было даже царапин! Вспоминая об этом, Владимир Петрович всегда переживал сильное волнение, как будто это только что произошло.

Завершилась Восточно-Прусская наступательная операция Красной Армии, был взят Кёнигсберг. 118-й стрелковый Краснознамённый ордена Кутузова 3-й степени полк 54-й стрелковой Мазурской Краснознамённой ордена Кутузова дивизии, в составе которой осталось в живых не более одного сводного батальона, вышел к берегу Балтийского моря. Дивизия, получив пополнение, снова отправилась догонять войну, теперь в район Нижней Силезии, на границу с Чехословакией. Началось наступление на Прагу, где жители подняли вооружённое восстание. И в эти последние дни войны противник продолжал оказывать сильное сопротивление. После одной из перестрелок был ранен первый помощник начальника штаба полка капитан П.С. Федченко, и его обязанности возложили на Никуличева, который к тому же был избран парторгом.

Пришла весть о Победе! Её восприняли с большим ликованием. Солнечным тёплым днём с развёрнутым красным зна-

менем полк вступил в город Торнвальд (Мржовка). Все горожане радостно встречали освободителей, искренне проявляли свои чувства, дарили цветы, угощали напитками. Те, кто прошёл войну, свято верили, что война не повторится.

Комендант деревни

После 9 мая 1945 года полк поставили на постой в крупный населённый пункт в Германии — Нидер-Хильберсхайм. Командир полка стал начальником гарнизона, как и положено по Уставу, а Никуличева он назначил комендантом. С местными жителями сложились очень хорошие отношения, приходилось решать мелкие бытовые вопросы, присутствовать на свадьбах и деревенских праздниках. Затем Владимира Петровича направили в 34-й отдельный полк резерва офицерского состава, который располагался в городе Айзенштадт в Австрии, а в конце 1945 года он получил назначение помощником начальника штаба в 225-й гвардейский стрелковый полк, дислоцировавшийся в Венгрии в городе Комаром. После расформирования дивизии, осенью 1946 года, Никуличеву, сопровождавшему группу демобилизованных, удалось побывать на родине, повидаться после шести лет разлуки с матерью. Затем была Вена, где он получил назначение на должность помощника начальника штаба 284-го гвардейского стрелкового полка 95-й гвардейской стрелковой дивизии в городке Санкт-Пёльтен. Только в ноябре 1947 года старший лейтенант Никуличев был демобилизован. Но, когда явился в штаб округа в Ленинграде

оформлять документы, вышла заминка, и бывшего помощника начальника штаба полка по учёту личного состава «запрягли в работу» — писать бумаги на демобилизованных. Намерения руководства относительно Никуличева менялись так быстро, что осмыслить их он не успевал, планировали послать заместителем военного комиссара на остров Сааремаа, потом в Опочечкий район Псковской области. Однако, на его счастье, всё же последовала демобилизация.

Человек предполагает, а судьба располагает

По возвращении домой он хотел работать в электроотделе бумкомбината, но всё сложилось иначе. Прибыв в Окуловку, Владимир Петрович пошёл вставать на учёт в райком партии, и ему здесь же предложили работу пропагандистом. Он поступил на заочное отделение в пединститут имени А.И. Герцена. Летом 1948 года вспомнил о своей мечте — поступить в авиационный институт, но на работе в райкоме сочли это блажью — учишься уже, и учишь, нечего метаться, работы полно.

Как инструктор райкома Никуличев вёл политзанятия в Мельницком сельсовете. Сначала был подъём в пять утра и пеший переход из Парахино в Окуловку, затем на электричке до станции Торбино, а там пешком 20 километров до деревни Мельница. В эти послевоенные годы на политзанятиях актуальными были вопросы о госзакупках зерна в колхозах и обеспечении свободной торговли хлебом после отмены карточной системы, о лесозаготовках и другие.

Вскоре Никуличев стал заведующим отделом пропаганды, ему поручили курировать комсомол, избрали членом бюро райкома ВЛКСМ, а затем и членом бюро райкома партии. В 1950 году выбрали делегатом на областную партконференцию, после чего по рекомендации первого секретаря обкома партии М.Н. Тупицына предложили место помощника первого секретаря обкома, и уже 21 марта 1950 года состоялось утверждение в должности. Владимир Петрович работал под началом М.Н. Тупицына, выполнял его поручения, готовил тексты докладов и других документов. Новая должность много дала ему для расширения кругозора, понимания аппаратных дел, представления о партийной работе. Затем Владимира Петровича назначили заведующим отделом пропаганды Новгородского горкома партии, спустя четыре месяца он стал секретарём горкома, а затем с 1952 года — вторым секретарём. Это было время послевоенного восстановления и строительства Новгорода, организации трестов «Новгородстрой», «Ремстройтрест», а профессия строителя стала самой важной и почётной. Он знал многих из них — штукатуров Антонину Михайловну Павлову и Зою Яковлевну Шарову, Михаила Васильевича Трофимова, каменщика Михаила Петровича Терентьева. Кадры для промышленности, сельского хозяйства, транспорта, связи готовили средние и профессионально-технические училища, учителей — в Новгородском пединституте, созданном на базе учительского. В городе трудились замечательные педагоги: А.Н. Гореликова, С.П. Серге-

ева, А.И. Дударев, И.А. Жукова и другие. Довоенного уровня промышленность Новгорода достигла в 1953 году. Зарождалась радиоэлектронная промышленность. Кузницей кадров для её предприятий стал завод «Волна». По инициативе первого секретаря обкома партии Т.Ф. Штыкова было принято постановление союзного правительства о строительстве в городе крупных заводов — «Квант», «Старт», «Планета» и других. В начале 1960-х годов началось сооружение химкомбината, введённого в строй в 1967 году. В этом же году область была награждена орденом Ленина за активное участие и мужество, проявленное трудящимися в партизанском движении в годы Великой Отечественной войны и успехи, достигнутые в развитии народного хозяйства.

Идеологическая работа, которой и занимался Владимир Петрович, требовала всё время находиться в гуще событий, выступать с докладами, беседами, информировать людей о политике партии, получая от них отклик. Готовился Владимир Петрович к выступлениям предельно ответственно: писал, правил, читал, хронометрируя, сокращая доклад до нужного отрезка времени. Так же он собирался на мероприятия: с вечера приводил в порядок костюм, отпаривал, подбирал галстук, чистил обувь. За время работы в Новгороде он побывал практически во всех организациях, знал, какие трудности они испытывают и на какие перспективы рассчитывают.

В 1951 году Никуличев окончил заочно исторический факультет Ленинградского пединститута им. А.И. Герцена,

получил диплом с отличием. Ему было только 29 лет. Счастливо складывалась личная жизнь — свою судьбу он связал с А.Н. Новосёловой. В 1952 году в Новгороде у них родилась дочь Нина, а в 1956 — в Опеченском Посаде — сын Сергей. Период работы в горкоме Новгорода был интересным, сложным, требовавшим принятия самостоятельных решений.

В начале 1954 года в стране началась кампания «по подъёму сельского хозяйства», для чего в сельскохозяйственные районы отправляли активистов, представителей партийной номенклатуры и специалистов, порой далёких от этой отрасли. Именно Владимиру Петровичу пришлось заниматься подбором кадров. Однако эта участь не обошла стороной и его самого: 16 марта 1954 года первый секретарь обкома партии Т.Ф. Штыков предложил ему стать председателем райисполкома Опеченского района. Первой реакцией было: *«Мне не приходилось работать в сельском хозяйстве. Не сделает ли обком ошибки, предложив мне такую должность?»*. Больше часа беседовал первый секретарь с Никуличевым, тактично и терпеливо убеждая его, что это решение правильное.

В Опеченском и Валдайском районах

Новый назначенец оказался в Опеченском Посаде десятым с 1944 года председателем райисполкома. Хотя Никуличев и выпускал в школе юмористический журнал «Земледелие и скотоводство», но ничего не знал ни о земледелии, ни о животноводстве. Он это прекрасно

сознавал и обращался за консультациями и помощью к специалистам, поскольку заботы по подготовке к весеннему севу и завершению зимовки скота обрушились, не давая передышки и раздумий. Пришлось много ездить по бездорожью, а добираться до колхозов Опеченского района приходилось через Боровичи или Мошенской район.

Никуличев быстро вошёл в курс дела, отношения с сослуживцами и подчинёнными установились нормальные. Людям нравилось, что он относится к ним по-товарищески, никому не мстил за критику и ко всем делам относится творчески.

Вопрос с жильём в районах, не только в Опеченском, всегда решался трудно. Некоторое время семья первого секретаря жила у старой учительницы, затем выделили дом из трёх комнат и кухни.

Вскоре Никуличева избрали первым секретарём Опеченского райкома партии. В 1955 году район первым в области завершил весенний сев. Добрые деловые отношения сложились у Владимира Петровича с Т.Ф. Штыковым, вместе они были на Пленуме ЦК КПСС в Большом Кремлёвском дворце. Осенью 1956 года В.П. Никуличеву предложили место первого секретаря Валдайского райкома партии и 12 декабря избрали на эту должность.

Руководители области считали Валдай своеобразным «лицом области», поэтому их всегда волновало положение дел в районе. Сельское хозяйство здесь оказалось не на высоте, и мобилизованный на эту работу районный актив, возглавляемый Никуличевым, трудился с утра до поздней ночи.

Управление культуры облисполкома

Назначение В.П. Никуличева на должность начальника управления культуры Новгородского облисполкома состоялось 5 августа 1959 года. В ведении его находились дома культуры, типографии, памятники архитектуры и истории, реставрационная мастерская, театр драмы, филармония, музей-заповедник, Дом народного творчества, областная библиотека, музыкальное училище. Приходилось вникать во всё и решать вопросы, которых в городе, разрушенном войной, было немало. Помощь оказывал председатель облисполкома — бывший партизан Григорий Александрович Рябков, по оценке Никуличева — простой, демократичный в общении, популярный и уважаемый человек. За счёт федеральных средств в области финансировалось строительство многих объектов культуры: областной типографии, кинотеатра «Россия», домов культуры в Шимске и Волоте. Успехом, достигнутым в первую очередь председателем обкома профсоюза работников культуры Н.А. Гипповой, стало представление в Москве плана благоустройства и строительства культурно-просветительских учреждений на селе. В Новгороде работали известные реставраторы Г.М. Штендер, Л.Е. Красноречьев, Н.Н. Кузьмина.

Высшая партийная школа при ЦК КПСС

Вскоре Владимир Петрович поступил в Высшую партийную школу при ЦК КПСС, которая очень много дала

ему: значительно расширила кругозор, представление о международной политике, отношениях с братскими странами. Его избрали в партбюро курса, он курировал работу пропагандистов из числа слушателей в Тимирязевском районе Москвы. Было намерение писать кандидатскую диссертацию. С этим он и пришёл на приём к первому секретарю обкома партии Владимиру Николаевичу Базовскому. Но у него были на Никуличева другие виды: сначала хотели назначить начальником управления кинофикации, но вдруг срочно потребовался секретарь в Старорусский район. Отказ от направления на работу в район всегда и для всех заканчивался печально. Вот и Никуличев, ссылавшийся на болезнь жены, вмиг оказался... консультантом Дома политпросвещения. Поскольку зарплата была небольшой, устроился ещё почасовиком в пединститут. Вновь появились мысли о кандидатской, но передышка была недолгой: председатель облисполкома С.К. Александров убедил В.Н. Базовского, что такими кадрами, как Никуличев, разбрасываться нельзя, и в конце ноября 1963 года Владимиру Петровичу предложили возглавить Новгородский партком колхозно-совхозного производственного управления.

Новгородский партком колхозно-совхозного производственного управления

Это было время хрущёвских реформ. Тогда в Новгородский район входили Батецкий, Чудовский, Мстинский, Новгородский и часть Крестецкого района. За год и 2 месяца работы Никуличев даже

не везде успел побывать. Его коллеги по Управлению были разными по опыту и складу характера людьми, но настроенными на достижение положительных результатов, и это помогало в общем деле. Так председатель райисполкома Пётр Агафонович Горячев — спокойный, рассудительный, деловой — успешно решал социальные вопросы, за что его очень уважали председатели сельсоветов, руководители хозяйств, начальник колхозно-совхозного управления Юрий Николаевич Петличенко хорошо знал сельское хозяйство, был упорен и настойчив в достижении цели.

Отдел пропаганды и агитации обкома

В январе 1965 года в обкоме восстановили отдел пропаганды и агитации — В.П. Никуличева назначили заведующим. Ротация кадров, перемещение их с партийной на хозяйственную работу для того периода была вещь обычная. В новом качестве Владимир Петрович участвовал во всероссийских съездах общества «Знание», Общества охраны памятников истории и культуры, Всероссийской конференции работников культуры и многих других значительных мероприятиях. Летом 1967 года он подготовил встречу и общался с членом Политбюро партии, секретарём ЦК КПСС М.А. Сусловым, прибывшим в Новгород для вручения городу ордена Ленина, слушал яркие выступления художника Павла Корина, певицы Людмилы Зыкиной, общался со скульптором Николаем Томским и другими выдающимися деятелями искусства и культуры.

Нина Васильевна Архипова, работавшая в то время в отделе у Владимира Петровича, а затем была секретарём обкома партии, вспоминала: *«Все говорили "строгий". А я ему благодарна за выучку. У нас порой поджилки тряслись, а он ни на кого не кричал. Оберегал своих сотрудников. Шёл 1965 год. Машин не было. Как добираться? Однажды шли через озеро 3 километра. Каким бы трудным ни было задание, всегда ободрял: "Не боги горшки обжигают". Читал материалы всегда в рукописи. Это проявление личной культуры. Владимир Петрович подержал мое желание учиться. И сказал: "Только в Академии общественных наук"»*. Александр Петрович Яшин, который сам руководил районами, возглавлял управление сельского хозяйства Новгородского района, отмечал, что В.П. Никуличев *«резко выделялся на общем фоне руководителей своей интеллигентностью. Общение с людьми у него всегда было очень уважительным. Он старался понять людей, их мотивы, намерения»*.

Областная газета

Весной 1971 года произошло ЧП, круги от которого, подобно брошенному в воду камню, «всколыхнули» областную власть. Редактор «Новгородской правды» и опытный журналист Михаил Андреевич Колодин в соавторстве с собкором Василием Ивановичем Олисовым выступил в газете «Правда» с материалом о плохой работе Старорусского горкома КПСС и лично первого секретаря Михаила Степановича Щербакова. Проблемы были подняты мелкие, но подпись стояла «Коллективный корреспондент

"Правды" — редакция газеты "Новгородская правда". В обкоме создали комиссию для проверки фактов, изложенных в статье. Колодин отстаивал своё мнение, но в публикации нашли неточности и недостоверные сведения, а главное — он собой подменил весь коллектив газеты. Публикацию признали ошибочной. Колодин уехал из Новгорода в Ульяновскую область, а Никуличеву поручили подобрать кандидатов на должность редактора. Никто из них не подошёл, и тогда Владимиру Петровичу предложили самому стать редактором «Новгородской правды».

Он руководил газетой на протяжении 17 лет — с 1 июля 1971 по 19 декабря 1988 года. В архиве Никуличева сохранился первый, подписанный им номер газеты. Следуя строгому правилу — знать досконально всё, чем занимаешься — он обложился справочниками, консультировался со специалистами, легко усваивал всё новое, впитывал информацию, вникал в типографские тонкости. Но важнее оказалась организаторская сторона дела.

Областная газета советского периода — это, прежде всего, огромная ответственность. Номер в печать подписывался не ранее девяти часов вечера, поскольку могла поступить срочная информация из Москвы, присылались материалы, на которые имелся запрет на публикацию до особого разрешения. Всё это вносило в работу нервность, а в жизнь — нелимитированный рабочий день. Курьер из редакции с сигнальным экземпляром газеты появлялся дома у редактора поздно вечером. И Владимир Петрович снова читал, звонил

выпускающему номеру, что-то объяснял, требовал, добивался. А случаи были разные. Однажды недоброжелатели пытались напечатать в газете некролог о живом руководителе предприятия, и только благодаря бдительности редактора он был убран из печати.

Оценка журналистских материалов у Владимира Петровича была простой: всё должно быть достоверно и соответствовать партийному подходу к публикациям. В демократические времена некоторые редакторы подписывали газеты, не читая, что приводило к казусам. Для Никуличева это была невозможная ситуация, а любая ошибка приводила к ЧП.

В газете почти каждый считал себя корифеем, лучшим журналистом. На этот счёт у редактора было своё представление — *«человек без амбиций — плохой работник»*. Но к каждому он имел свой подход: кого-то приободрить, кого-то притормозить. Областная газета — это не только журналисты и рабочие летучки, но и внештатные корреспонденты, рабкоры, посты на стройках, тематические страницы — «Народный контроль», «Патриот», «Литературная страница» и другие. Вся ответственность лежала на плечах главного редактора, в том числе празднование Дня печати 5 мая в Лектории кремля, встречи с именитыми писателями, деятелями культуры, героями Советского Союза. Работа тесно переплеталась с общественными делами. В ведении Никуличева — председателя областной организации Союза журналистов СССР — была забота о благоприятном климате для работы районных журналистов, корреспондентов заводских многотиражек. Как член

бюро обкома КПСС он выезжал в районы, где проводились единые дни политической информации, Ленинские дни, встречался с представителями Новгородского землячества в Москве. Он был членом общества «Знание» и десятка других общественных организаций.

Главный редактор всегда стремился усилить интерес новгородцев к газете, тираж которой доходил до 60–80 тысяч экземпляров в области с населением в 750 тысяч человек. В эти годы обращение в газету по действенности было выше прямого обращения к власти. Журналисты поощрялись за хорошие материалы премиями, грамотами, лучшие газетные публикации вывешивались на так называемый «красный гвоздь». В редакции при нём всё было организовано для творческой работы: по возвращении из командировки журналист мог «отписаться» в специально отведённой комнате, здесь была хорошая библиотека, буквально расцвёл отдел фельетонов — «Клуб Ильи Перчихина», а «свежие головы» читали сигнальный номер газеты, чтобы найти возможные промахи в статьях и покритиковать автора.

На посту редактора ему приходилось встречаться с интересными людьми. В 1986 году на конференцию журналистов приехал Александр Евгеньевич Бовин. Забавно было видеть, как гостивший дома у Никуличева Бовин вдруг взглянул на часы и попросил включить телевизор, где «Международную панораму» он же сам и вёл. Приезжали писатели: Валентин Распутин, Василий Белов, поэт Расул Гамзатов, другие знаменитости.

В тот период устанавливались и активно развивались международные побратимские связи. Хорошие контакты были у редакции с болгарской газетой «Сливенско дело». Принимали гостей из уезда Харгита в Румынии, из Чехословакии, Венгрии, Польши, ГДР. Во время поездки в Болгарию в 1972 году Никуличев навестил посла СССР в Болгарии В.Н. Базовского. Тот встретил сослуживца доброжелательно, предложил пост атташе по культуре. Но пришлось отказаться — климат явно не подходил жене.

На критические замечания, опубликованные в газете, обязательно давался ответ, как исправлено положение. Вот как образно Владимир Петрович высказался о работе редактора: *«Редакторское кресло — не кресло вовсе, а шаткая табуретка на одной-единственной опоре, и опора эта — люди: коллеги, читатели. Мне повезло, что в "Новгородской правде" работали настоящие профессионалы»*. Никуличев публиковался на страницах таких периодических изданий, как «Советская Россия», «Культпросветработа», «Журналист», был ответственным секретарём журналов «Информационный вестник» и «Ориентир». Но главным его жанром, конечно, были передовицы в областной газете, которые он делал мастерски, со знанием предмета, о котором писал, будь то зимовка скота или предвыборная кампания. О пресловутой цензуре у него было такое суждение: *«Это были определённые правила игры. Мы имели перечень объектов, составляющих военную и государственную тайну. Этим документом и руководствовались»*. Говорил: *«Я счастливый человек. Никогда ни разу не пожалел, что судьба связала меня*

2005 г. Участник Парада Победы:
В.Д. Тимонин, В.П. Никуличев и В.А. Филимоненко

Областной совет ветеранов

Следующим большим этапом жизни В.П. Никуличева стала работа в Областном совете ветеранов, где с 1992 по 2006 год он был первым заместителем председателя.

Он гордился тем, что в числе семи новгородцев участвовал в Параде Победы в 2000 году, а с В.А. Филимоненко и В.Д. Тимониным — в 2005-м.

Родственники и друзья говорили, что ему надо написать воспоминания. Сначала он отказывался, но со временем согласился. Эпиграфом к книге воспоминаний он выбрал строки стихотворения поэта-фронтовика Николая Рыбалко «Год рождения — двадцать второй», в котором есть строки:

Сколько первых и сколько вторых
Не вернулось с дорог фронтовых...
И живые становятся в строй —
Я и первый теперь, и второй...

Это поколение, в котором из каждых ста призывников уцелело только пятеро. Владимир Петрович остро чувствовал это и жил, как будто за каждого из этих ста.

4 апреля 2011 года он умер внезапно, на ходу.

с журналистикой. Это были, пожалуй, самые счастливые годы моей жизни».

Коллеги отмечали компетентность Владимира Петровича, его умение организовать живое дело, держать аудиторию. Сам он оценивал работу в газете так: «Высокопрофессиональным журналистом я, конечно, не стал, но, как говорят многие мои бывшие сотрудники, руководителем был неплохим». У него было 3 золотых и 5 серебряных медалей ВДНХ. Таким количеством наград мог похвалиться редкий редактор областной газеты. Особенно он гордился Почётным званием Заслуженного работника культуры, присвоенным в 1976 году. При деятельном участии В.П. Никуличева у «Новгородской правды» появился свой Дом печати.

Ирина Савинова

«КАК СКАЗАТЬ ТЕБЕ, ДРУГ МОЙ, О НАСТОЯЩЕМ ПОЛОЖЕНИИ СВОЁМ?»

Давно ли вы писали письма? Брату или сестре? Близкому другу? Писание писем требует не только времени, но и сосредоточенности ума и сердца. Казалось бы, в век поголовной грамотности письма должны стать повседневностью. Но, к сожалению, наблюдается явление обратное — письма практически исчезли из обихода: их заменили телефоны, SMS-сообщения и видеозвонки. А мы, в результате, потеряли эпистолярную культуру — культуру общения посредством переписки. Кроме того, письма — клад для историков. Как бы ни освещали нашу жизнь современные средства массовой информации, для полной картины эпохи всегда будет необходимо восприятие действительности отдельными людьми.

В Государственном архиве Новгородской области хранятся документы семьи новгородских дворян Храповицких, в том числе письма второй половины XIX века. Их адресаты и авторы — брат и сёстры Храповицкие, внуки известного екатерининского вельможи, статс-секретаря, а затем сенатора Александра Васильевича Храповицкого. Его сын — Павел Александрович, надворный советник и кавалер, имел земли в Крестецком уезде Новгородской губернии, здесь же находились и родовые

имения Архангельское (Новинки) и Вагаино. У Павла Александровича родились дочери Евгенийя, Екатерина, Елена и сын Павел.

Павел Павлович Храповицкий закончил естественный факультет Петербургского университета, получил должность мирового посредника, затем активно участвовал в подготовке крестьянской реформы и отмене крепостного права, был членом Новгородской губернской земской управы, а в последние годы работал в Петербургском Поземельном

ГЕРБЪ РОДА ХРАПОВИЦКИХЪ.

Въ щитѣ раздѣленномъ крестообразно на четверо красными по серебряному полю, изображены двѣ Лиліи соединенныя стѣблами такъ, что ихъ цвѣтъ происходитъ одной въ верхъ, а другой въ низъ перемѣнныхъ съ полями цвѣтовъ. Щитъ увѣнчанъ обыкновеннымъ дворянскимъ шлемомъ съ дворянскою на немъ Короною и павлиньими перьями, на срединѣ которыхъ видна серебряная Лилія. Наметь на щитѣ красной, подложенный серебромъ.

Общий гербовник дворянских родов
Всероссийская империи, начатый в 1797 году.
[СПб., 1799—1840]. Ч. 2. С. 126

Банке, обеспечивающем проведение реформы. Скончался в 1888 году.

**Павел Павлович Храповицкий —
сестре Евгении Павловне**

12 мая 1857 года

<...> Теперь опишу тебе, как нечаянно устроилась моя будущность. Слышала ли ты когда-нибудь об одной г[оспо]же Сухановой? Она познакомилась тому два с половиной года с Зубовыми¹. Эта

особа — вдова, имеет троих детей и несметное богатство. У ней в доме жила её двоюродная сестра мадемуазель. Обе они племянницы м[адам]м Екатерины Владимировны Родзянко². <...> Я часто видел м[адмуазель] у тётушки и всегда восхищался её любезностью и приятным светским умом, но так как я всегда бываю бука в обществе, то и мало сблизился с ней. Впрочем, я ясно замечал, как эта девушка выдаётся между всеми другими светскими барышнями. Она подружилась с Натали³ и была с ней очень откровенна. Часто жаловалась она, что ей тяжело вести светскую жизнь и быть постоянно окружённою в доме своей кузины пустейшими молодыми людьми.

Надо тебе заметить, что под конец оказалось, что Суханова вообще пользуется плохую репутацией и что дом её наполнен самыми безнравственными или отвратительными господами, которые ухаживают за ней, несмотря на то, что она <...> Бахметьеву, который есть полный хозяин в доме. Вот для того, чтобы прикрыть свою жизнь приличием, г[оспо]жа Суханова и уговорила обманом свою кузину жить с ней. Можешь себе представить, каково было житьё этой бедной девушки!

У ней нет родителей, из родных только две сестры, обе замужем за помещиками в Харьковской губернии. Ты спросишь, почему же она не уехала к сёстрам.

¹ Дворяне Зубовы; Павел Алексеевич Зубов (1820—1901) — вологодский дворянин, муж Елены Павловны Храповицкой.

² Екатерина Владимировна Родзянко, урождённая Квашнина-Самарина (1794—1877) — фрейлина двора, начальница Петербургского училища ордена Святой Екатерины в Санкт-Петербурге.

³ Наталья Петровна Веригина (1834—1888), в замужестве Храповицкая, дочь помещика Харьковской губернии.

Но, с одной стороны, мужья её сестёр сами по себе чрезвычайно неделикатные люди, а с другой стороны, все они в такой степени боятся не повиноваться воле Сухановой, что ни за что не хотели бы позволить м[адмуазе]ль оставить дом её кузины без её согласия и не дали бы пристанища. Таким образом, она должна была молчать и переносить жизнь несносную и тяжёлую. Но мало того: нынешнюю весну Суханова вздумала отправиться с Бахметьевым в чужие края и требовала непременно, чтобы м[адмуазе]ль поехала с нею. Но та, испытывая уже один раз совместную поездку, прямо восстала против её намерения.

Тогда это так взбесило Суханову, что она решила, во что бы то ни стало, погубить бедную девушку, и тут уже тиранство её вышло из границ: ты не можешь себе представить, Женя, какие вещи творятся в наш век в доме светской дамы, которую принимает здесь лучшее общество. До сих пор м[адмуазе]ль ни разу никому не жаловалась на своё положение, и только тогда, когда уже действительно положение её сделалось серьёзно опасным, она сказала об этом Зубовым и, не видя другого исхода из всего этого, она обратилась к начальнице общества сестёр милосердия и просила её принять в число сестёр.

Когда Суханова узнала об этом, то решила уничтожить и этот путь спасения для своей жертвы: заперла её в комнатах и послала к ней доктора, который сказал ей, что при малейшем покушении не повиноваться воле Сухановой он свидетельствует её сумасшествие и отправляет в сумасшедший дом. К счастью, Зубовы узнали об этом и уведомили Ека-

терину Владимировну, которая преподавала хороший урок Сухановой и заставила её выпустить м[адмуазе]ль. Тогда-то она стала часто ездить к Зубовым, я виделся с ней и близко сошёлся с ней.

Признаюсь, меня не могла не тронуть несчастная жизнь этой девушки, тем более, когда я видел, с каким терпением она переносит всё и с каким мужеством борется со своим несчастьем. Не желая сделать какого-нибудь вреда репутации своей кузины, она не хотела даже сказать Родзянкам ничего о своём положении, потому что знала, что если Родзянки не будут принимать Суханову, то никто больше не примет её в свете. Она согласилась на просьбы своей кузины отложить своё намерение идти в сёстры милосердия также для того, чтобы заставить умолкнуть все слухи, и, наконец, согласилась, впрочем, отчасти по необходимости проводить Суханову до Харькова, где поселится пока у сестёр. Я говорю «по необходимости», потому что ей не у кого остаться здесь. <...>

Тогда, Женя, я решился предложить ей помощь свою. Описывать тебе, как трудно мне было высказать своё предложение, чтобы оно, с одной стороны, не обидело её, а с другой, чтобы она была уверена, что это не простая вспышка — я считаю, жизнь петербуржца — дело решённое. Моё предложение было принято с одним только условием: чтобы я не обязывался ничем и, если найду препятствия к исполнению своего намерения, то тотчас же отказался бы от него, не увлекаясь понятием о чести.

Я знаю, каких трудов мне будет достигнуть как позволения папеньки, так и устроить свои дела. Но всё пошло лучше,

И. В. Финчкова.

**ОБЗОРЪ
ПОМѢЩИЧЬИХЪ УСАДЕБЪ
Новгородской губернии.**

НОВГОРОДСКАЯ
УПРАВЛЕНЧЕСКАЯ
ЗАДАЧА
г. Новгород

НОВГОРОД
ГУБЕРНИЙСКИЙ ТИПОГРАФ
1905

19

10. *Вагагино*—имѣние находится въ Крестецкомъ уѣздѣ, Клясской волости, прежде Язвицкаго, а нынѣ Козловскаго (Ново-Покровскаго погоста, собственно сельцо Петропавловское) принадлежить съ 1888 года коллежскому советнику Александру Павловичу Храповицкому, которому досталась отъ отца его П. П. Храповицкаго; имѣние основано въ 1800 году,—Сибирскими генералъ-губернаторомъ, генераломъ-отъ-инфантерій В. В. Ленцано, родившимся въ 1740 г. въ Италіи, и умершимъ въ СПБ. въ 1827 г. (похороненъ на кладбищѣ Фарфорова замка); Императоромъ Павломъ I-мъ было ему пожаловано 400 душъ въ деревняхъ Вагагинѣ, Крутицѣ, Коркичѣ и другихъ. Въ 1827 г. имѣние досталось его внучкѣ Софій, дочери П. Г. Дикова, д. ст. сов. и кавалера, воспитателя великихъ князей Николая и Михаила Павловичей; послѣдній владѣла Вагагинимъ съ 1827 г. до своей смерти въ 1837 г. и потребна въ Язвицкѣ; она была замужемъ за Павломъ Алексѣевичемъ Храповицкимъ, помѣщикомъ соседняго села Архангельскаго (1779—1864); послѣ этого брака имѣние находится въ роду Храповицкихъ; и въ 1864 г. послѣ смерти П. А. Храповицкаго сельцо Вагагино съ 1500 десятинами (теперь въ немъ только 300) досталось Павлу Павловичу Храповицкому (р. 1834 † 1888 г., который былъ мировымъ посредникомъ перваго призыва, членомъ губ. земской управы и членомъ Крест. Подем. Банка); онъ былъ женатъ на Наталіи Петровнѣ Веригиной (1832—1904 г.), погребенной въ Козловкѣ; у нихъ было трое дѣтей: Владимиръ, магистръ ботаники,—умершій бездѣтнымъ въ 1909 году; Варягъ, инженеру путей сообщенія, имѣетъ двухъ дочерей: Алексѣю, въ иночествѣ Антоній, избитый іерархъ, архіепископъ Володыскій и высшій владѣлецъ Вагагина—Александръ Павловичъ, земскій дѣятель Новгородскаго Земства, бывший нѣсколько трѣхлѣтній предсѣдатель земской управы, одно трѣхлѣтній членомъ губ. земск. управы, состоятъ въ настоящее время преставленны уѣзднымъ и губернианымъ гласнымъ, почетнымъ мировымъ судьей Крестецкаго уѣзда и служилъ податнымъ инспекторомъ въ Вороничскомъ уѣздѣ; онъ имѣлъ единственнаго, умершаго въ 1911 г. въ Швейцаріи, 17-лѣтняго сына Павла, съ преждевременной кончиной котораго преслѣзуется мужская линия новгородской ветви рода Храповицкихъ. По преданію мѣстность около Вагагина, пожалованная въ

14 июня 1857 года

<...> Как сказать тебе, друг мой, о настоящем положении своём? Хотелось бы разделить своё счастье, но ведь ты не одобряешь его, тебе, может быть, даже неприятно будет читать это письмо. Впрочем, если ты потому только не согласишься с моим намерением, что думаешь, что я испорчу свою карьеру, то

позволь успокоить тебя на этом: очень надо тебе сказать, что я получил от папа позволение жениться и нужные средства для этого, т.е. деньги. Часть их будет употреблена на то, исправить в Вагагине флигель так, чтобы можно было прожить в нём осень и часть зимы. Для этого нужно будет переделать полы, печи, крышу и окна, потом купить несколько мебели, обои, нуж-

чем я ожидал. Наталья Петровна поехала со своей кузиной в Харьков и по отъезде её за границу поселится пока у своих сестёр. Мы часто пишем друг другу. Я много говорил ей о тебе, Женья.

Между тем я написал обо всём Кате, и она была так счастлива, что уехала склонить на свою сторону Дрейер⁴, которая говорила обо всём папеньке, и судя по тому, как папа это выслушал, ни мало не сомневается, что успеет во всём. Она скоро приедет в Петербург и обещала мне даже снабдить капиталом, нужным для исполнения планов.

ное бельё и посуду.

Другая часть денег назначена для моей поездки к тебе и от тебя в Харьковскую губернию, для подарков, для свадьбы, которая будет у сестры моей невесты в конце августа, и, наконец, обратной поездки в Вагагино в начале сентября. <...>

⁴ Дрейер Аделаида Густавовна, гувернантка и экономка в доме Храповицких.

Теперь я приехал сюда в Петербург для получения своих бумаг и для того, чтобы вместе с Дрейер купить здесь всё, что нужно. Что заставляет тебя, друг мой, не соглашаться с моим намерением? Мне кажется, что главное происходит оттого, что ты не поняла хорошенько моего письма, и именно оттого, что оно было бестолково написано. Я вовсе не имел намерения закабалиться навеки в деревню и ещё под власть Дрейер. Ты знаешь мой прежний план, и, кажется, одобряла его: по выходе из университета не служить нигде год или полгода, а приготовиться на магистра и потом уже искать себе место профессора или вообще какой службы. Я вовсе не изменял этому плану, но только вместо того, чтобы прожить этот год без службы в Петербурге, я теперь уже ищу себе места на каком-нибудь заводе, где бы мне дали небольшое жалование и казённую квартиру, и надеюсь, что получу такое место. <...> Если же теперь я хлопочу об устройстве флигеля в Ватагине, то это потому, что я не уверен прямо к осени получить место, и может быть, мне придётся несколько выждать, и для этого нужно иметь уголок, где бы жить.

Обстоятельства не позволяют мне откладывать свою женитьбу, и потому все распоряжения, о которых я писал тебе, необходимы, хотя и сопряжены с издержками. Я часто говорил тебе, Женя, что я решительно не создан жить одному, что непременно рано женюсь. И ты, как мне помнится, никогда не желала, чтобы жена моя была очень богата и знатного рода. И мне кажется, что ты не потому теперь так восстаёшь против моей женитьбы, что Натали бедна и, хотя из

хорошей фамилии, но всё же не знатная. Что касается до внутренних качеств её, то вовсе не знаешь её, и я уверен, что когда познакомишься с ней, то будешь рада за меня, что судьба свела меня с такою женщиною. И тогда, Женя, поверь мне, что тебе досадно будет, что ты так жестоко нападала на моё настоящее намерение.

До свидания, друг мой, пиши мне в деревню: я успею ещё там получить ответ на это письмо.

Твой брат П. Храповицкий.

От автора

Жизнь П.П. Храповицкого сложится счастливо. В семье родится четверо сыновей. Третий сын, родившийся в Ватагине 17 (29) марта 1863 года и наречённый Алексеем, со временем станет известным иерархом Русской Православной Церкви — митрополитом Антонием, одним

из кандидатов на патриарший престол во время восстановления Патриаршества в ноябре 1917 года. Эмигрировав в мае 1918 года в Европу, он создаст там Русскую Православную Церковь за границей и возглавит её архиерейский Синод. Скончался 10 августа 1936 года, в Югославии. Герой истории Павел Петрович войдёт в комитет по подготовке отмены крепостного права, а затем примет активное участие в работе новгородского земства.

А вот что писала несколькими годами ранее Екатерина Павловна Храповицкая отцу Павлу Александровичу. Эти письма привлекают живым слогом, наблюдательностью и не уступают журналистским репортажам.

Екатерина Павловна Храповицкая — отцу Павлу Александровичу

Воскресенье, 5 марта 1850 года

Не спрашиваю у вас, милый папенька, как Вы провели масленицу. Верно, не иначе, как и в прошлые года: утром сняли цветы в теплицах, за обедом умеренно кушали блины с икрой, вечером приготавливали семена или беседовали с нашими добрыми соседями.

Расскажу Вам, как праздновали масленицу жители Москвы. С понедельника начались утренние и вечерние спектакли, во вторник был маскарад в собрании и в четверг — тоже, не для одних членов, но для всех желающих, в субботу дневной бал, всегда великолепный. В этот день вся Москва обедала в Новотроицком трактире. Сегодня по подписке

большое гуляние. Все соберутся сначала на Пресненских прудах кататься с гор, потом поедут кататься и кутить под Новинское, где построены балаганы, качели. И всю неделю было большое гуляние. Вечером в собрании детский бал, в театре — маскарад. Тем и кончаются все увеселения.

Теперь следует сказать нечто и про нас. В понедельник у нас обедали Дмитриев и Межаков⁵, вечером мы были у Степановых. Во вторник пригласили нас Дмитриевы ехать с ними в театр. Играли драму «Материнское благословение», но я предпочла провести вечер у Межаковых.

В среду весь день мы пробыли дома. Вечер провели у Степановых. Собрались ехать в последний раз в маскарад, но отдумали. В пятницу я весь день оставалась дома. Павел Алексеевич с Леной⁶ пробыли весь вечер у Прудниковых. Вчера мы завтракали у Дмитриевых

«Русская разгульная масленица». Лубок. ГИМ. ГК 40656883

⁵ Межаковы — вологодские дворяне.

⁶ Зубовы — Павел Алексеевич и Елена Павловна (Храповицкая).

блинами. Походили по бульвару в толпе гуляющих зевак, послушали разговоров до крайности смешных и, чтобы вполне насладиться, вошли в один из балаганов, что-то вроде цирка. Не знаю, как описать Вам удивившее нас зрелище. Лучше перескажу слова Павла Алексеевича: если на лошадях было не очень хорошо, зато пантомима была прескверная, одни надписи на балаганах стоит запомнить — так они хороши. <...>

Сегодня утром я пойду к Ухтомским⁷, обедать будем дома, а вечером будем в театре, дают балет «Катерина», и в нём танцевать будет Сенковская⁸. Павел Алексеевич просит кланяться Вам от него. Он теперь очень занят, поэтому и не пишет Вам. Утром он работает. По отсутствию обер-секретаря он исправляет его должность, также и свою. Всякое утро он отправляет в вечность по четырнадцати и более блинов, после такого труда заняться письмами неудобно, он очухивается сельтерской водой. Вечером он никогда не свободен.

Прощайте, милый папенька!

Потом я пойду смотреть картинную галерею Ростопчиной⁹ и знакомиться с оранжереей.

Преданная Вам дочь Катя.

Воскресенье, 9 апреля 1850 года

Мой милый Папенька!

Прощается с нами зима, снегу на улицах совсем уже нету, всю неделю стояла ясная, тёплая погода, со вчерашнего утра идёт дождь. Не далее прошлого воскресенья мы ездили в сани в очаровательное Архангельское, и дорога была очень порядочная. Теперь весь снег сошёл, кроме некоторых вечно грязных переулков. Везде можно ходить пешком.

В понедельник Лена и я провели вечер у Ухтомских. В первый раз только тётушка Мария Дмитриевна увидела Лену, которую ей очень хотелось видеть, но никогда не случилось ей быть дома, когда Лена к ней приезжала, а когда она приезжала к Лене, то не находила её дома. Они пролюбезничали весь вечер и очень друг другу понравились.

Этот год несчастлив для Ухтомских: не очень давно скончался князь Голицын, муж сестры Марии Дмитриевны¹⁰, весьма любимый и уважаемый старичок. Его сын был женихом, несмотря на его 19 лет, и по желанию покойного отца через шесть недель после его кончины женился на очень милой девице, гораздо его старше — 23 лет. Тотчас после всего

⁷ Ухтомские — родственники Храповицких. Александр Иванович Ухтомский — брат Маргариты Ивановны Ухтомской, в замужестве Храповицкой (1796—1831), матери автора письма. Его жена — Мария Дмитриевна, урождённая Голицына (1801 — после 1854).

⁸ Речь идёт о Екатерине Александровне Санковской (1816—1878) — русской артистке балета.

⁹ Ростопчина Евдокия Петровна, урождённая Сушкова (1811—1858) — русская поэтесса, переводчик, драматург, хозяйка литературного салона. Была замужем за Андреем Фёдоровичем Ростопчиным, сыном московского генерал-губернатора.

¹⁰ Николай Яковлевич Голицын (1788—1850), генерал, участник Отечественной войны 1812 года; сестра Марии Дмитриевны Ухтомской — Вера Дмитриевна, в замужестве Голицына (1807—1850).

этого в их семействе была пренеприятная история, наделавшая шуму по всей Москве. Всякий её только вёл по-своему: уверяли вообще, что княгиня Голицына не только хотела лишить единственного сына всего её имения, но оспаривала у него его собственное — всё по убеждению одного монаха Зыкова¹¹, с которым она была дружна. Этот Зыков был прежде первый франт в Москве и, вероятно, чтобы им больше занимались, пошёл в монахи и сделался модным монахом в Донском монастыре.

Не знаю, много ли он мог иметь влияния на княгиню Голицыну, но его обвиняют в том, что она притесняла сына, с которым, впрочем, жила вместе и с виду — в согласии.

Зыкова однажды схватили вечером на улице и порядочно поколотили. Кто заступался за Зыкова, кто — за обер-полицмейстера, и ещё это дело не кончилось, когда Зыков, не очень известно по какой причине, зарезал княгиню Голицыну. Это происшествие, случившееся третьего дня, занимает теперь всю Москву, и вряд ли кто разберёт эту запутанную историю.

Мне жаль тётушку Ухтомскую. Она очень любила сестру, и они виделись почти каждый день. Все жалеют молодую княгиню Голицыну, вступившую в новое семейство, поражённое столькими горестными ударами.

В среду мы навестили добрейших Лукьяновых, провели у них приятный вечер. Они нас принимают со всевозможным радушием, как лучших друзей, и со всем тем — без приторных угожде-

ний и приветствий. Лукьянов предлагает нам поехать на несколько дней летом в Архангельское. Лена не хочет там пробыть более одного дня. Но её не занимают ни цветы, ни сад, ни чудный вид, а чтобы всё это рассмотреть хорошо, надо для любителя больше одного дня, потому я непременно проживу там одна с семейством Лукьяновых неделю летом — не лишу себя величайшего для меня наслаждения, постараюсь устроить для себя это. Там забуду Москву и все тревожения моей жизни в сём почтенном граде, и в сём Архангельском буду мечтать о прошедшей его славе и о милейшем для моего сердца сём Архангельском, о том, где и в эту минуту все мысли искренне Вас любящей и почитающей дочери Вашей Кати Храповицкой.

Понедельник, 7 января 1852 года
Милый Папа!

<...> мы не смели и думать жаловаться на неудобства этой кареты, так мы были рады, что попали сюда по милости добрых людей. Вскоре нашлись и протекторы: Ухтомский, который сидел позади нас. Он положил нам свой чемодан под ноги, чтобы теплее было, и усердно предлагал мне подушку, уверяя, что она лишняя, но я отказалась решительно.

Другой сосед наш с левой скамейки просил убедительно поменяться с ним местом, чтобы мне не сидеть у самой двери, которую поминутно отворяли, у него же была тоже подушка. Третий наблюдал, чтобы не капало на нас с потолка, и часто приказывал вытирать. Кондуктор, которого место мы заняли,

¹¹ Речь идёт о трагической смерти В.Д. Голицыной, в убийстве которой в 1850 году обвинён Николай Семёнович Зыков и приговорён к 20 годам каторги.

был во всю дорогу как нельзя более внимателен. Он простоял всё время у наших дверей снаружи, иногда приходил в вагон погреться, но так как кто-то сломал у двери замок, то обер-кондуктор обслуживал её, чтобы она не отворялась. Выходил из вагона каждый раз, чтобы покурить.

Однажды он воротился с Садовским, <...> ему место досталось где-то между вагонами. Он пришёл к нам и одну станцию проехал с нами. Мы сидели тогда рядом на скамейке, а Поль в уголке у наших ног на чемодане. Добрейший Ухтомский, видя, что он нам знакомый, хотел было уступить своё место, а сам проехать станцию стоя, но мы не захотели употребить во зло услужливость, и Поль поместился на чемодане.

Приехав в вокзал, протектор № 2 взял наш чемодан и отнёс на улицу, потому что на дворе у них извозчики очень дороги, там нанял для нас и чемодана широкие сани с полостью за двугривенный и, когда Поль ему самому дал за труды двугривенный, потому что мелких денег других не было у него, то он был очень благодарен, как будто никак не ожидал вознаграждения за свои о нас заботы.

Мы приехали в Петербург в час. Ехали очень скоро, особенно приближаясь к Петербургу. До сих пор плохой порядок в вагонах. Машина часто немного портится, и тогда останавливаются на несколько часов посреди дороги, покуда пошлют на станцию за другой машиной. По этому случаю поезд и опоздал так в Окуловку.

У нас большую роль играл сальный огарок, когда он стал приближаться к концу, в пассажирах начало сказываться великое беспокойство, как достать другой. Кондуктор говорил, что свою свечу зажёт бы, да нет и неоткуда взять и за деньги. Однако огарок, наконец, догорел и потух, и мы остались в совершенной темноте. Кто ворчит, кто храпит, кто бредит. Отыскалась где-то целая свеча! То-то роскошь! Её зажгли, но не думайте, чтобы вставить в шандал¹². Его у нас не было, её держали всё время в руках.

Ещё довольно забавная была перебранка кондуктора с каким-то чиновником за сломанный замок. В первом и втором вагонах есть лампы, но они очень худо устроены: вставляются и зажигаются сверху. Масло стынет и худо горит. Ламповщика нет, а их дело исправляют кондукторы кое-как, на авось, да им и нельзя, и некогда пачкаться маслом. Лампы невычищенные, наконец, отказываются служить, и одной даме весь салоп облит был маслом, которого там очень накопилось.

Я приехала прямо к Зубовым, нашла всех в добром здравии, видела Сергея Алексеевича, Прасковью Васильевну¹³. Вечером Зубовы собирались на вечер к Мамонтовой и меня уговаривали ехать. Заметив, что во всю прошедшую ночь я не смыкала глаз, однако не отказалась... <...>

Сегодня Зубовы зовут меня в театр на бенефис Максимова, но я не пойду, и без меня их будет много в ложе.

Прощайте, милый папа.

Ваша Катя.

¹² Вид подсвечника.

¹³ Зубовы: Сергей Алексеевич (1815—1881) и Прасковья Васильевна, урождённая Погоржанская (1821—1860), жена Петра Алексеевича Зубова.

Суббота, 10 мая 1852 года

Милый Папенька!

В один прекрасный (т.е. жаркий), день пришла к тётушке и мне охота идти на богомолье в Сергиевский монастырь¹⁴. Мы оделись в летние платья и отправились — начало хорошее. Дойдя до конца Караванной, нам показалось жарко и утомительно идти до городской заставы, и мы нашли дрожки, чтобы проехать эти четыре версты и потом уже продолжить путь пешком. Но, доехав до заставы, нам так стало прискорбно расстаться с покойными дрожками, мы неприязненно посмотрели на пыльную дорогу, на солнце и жалостно на свои ноги и решили после краткого совещания не слезать с дрожек, так как было только намерение, а не обещание идти пешком.

Приехали мы в монастырь, помолвились чудотворному образу, сделали визит красавцу-настоятелю и поехали дальше, в Петергоф. Милая Соня Ликардова очень обрадовалась нашему посещению. Она так мило хозяйничала, угощала нас, и сама так была счастлива в тот день, что он останется в моей памяти в числе приятнейших, проведённых мною в Петербурге.

Мы осмотрели дворец, побывали в оранжереях, и там я достала для Вас цветок, какого у Вас нет, и даже два: один из них род турецких бобов — огромный, пунцовый, с очень красивым цветом. Другое растение — мак, очень краси-

вый. Моего розана я всё ищу, мне уже обещали достать его. Возвращались мы из Петергофа всё в тех же дрожках, поздно вечером. Ночь была чудесная. Мы везли букеты цветов, а извозчик наш, честнейших правил мужик, всю дорогу рассказывал нам о разных случаях, виденных и испытанных им в жизни. Он изъяснялся так мило, завлекательно и чуть смешно, что мы, не заметив того, приехали в город.

В день именин Николая Алексеевича Перендского я провела у него вечер и познакомилась с сёстрами его жены. Они очень милые особы. Агин¹⁵ тоже там был душою общества. Все, кто его знает, не могут не любить этого весёлого, добродушного прекраснейшего человека. Он очень внимательный учитель и так любезен, что остаётся три-четыре часа для урока. Я очень желаю, чтобы он провёл у нас несколько дней этим летом. Он сам этого желает, но обещать не смеет.

Мои друзья Поливановы¹⁶ часто посещают нас. Вася хочет ехать вместе с нами в деревню, я стараюсь поддерживать его в этом добром намерении. Вчера он весь день пробыл с нами, помогая Адели переписывать её новые сочинения — пять дней в уездном городе. Сегодня он снова для этого приедет, и Агин тоже скоро будет для урока. То-то будет весёлая компания!

Уж до чего мне хочется в деревню — так этого и сказать нельзя. Наташа и я только об этом и бредим. <...>

¹⁴ Троице-Сергиева пустынь в Стрельне.

¹⁵ Речь идёт об Александре Алексеевиче Агине (1817—1875) — русском художнике, создателе жанровой иллюстрации, получившем по окончании Петербургской академии художеств звание учителя рисования.

¹⁶ Костромские помещики, родственники Зубовых.

Прощай же, любимый Папа. Вот ещё мои родственники Григоровичи мне сказали вчера, что очень меня полюбили. Я этого желала, потому что сама их обожаю, и Агина, и Васеньку тоже. Все они равномерно меня любят, весьма приятно.

Ваша Катюшь.

**Павел Павлович Храповицкий —
сестре Екатерине Павловне**

Ватагино, 6 ноября 1860 года

Милая моя и высокопоставленная почтением нашим особа Катерина Павловна! Просыпаюсь сегодня поутру в Ватагине, смотрю: темно, невесело. Я один, семья ещё в Архангельском по случаю переделки печей... <...> Является Никанор, вносит большую корзину и подаёт письмо. Читаю. Выходит, я именинник — письмо от твоей милости и с поздравлением. Из корзины, прибывшей из Питера, вынимаются подарки от жены и генеральши Дёминой. Опять выходит, я именинник. Вот и возрадовался я, захотелось поскорее благодарить за внимание и память столь близких и крепко любимых людей. Сейчас бы полетел в Архангельское к жене, да нельзя: надо подождать посланного в Боровичи — он должен привезти денег. Затем, отложив порыв своей благодарности относительно супруги на два часа, хочу воспользоваться этим временем и удовлетворить порывы такой же благодарности сестре своей милейшей,

которая так великодушно простила мне долгое молчание.

Ты описываешь, хотя кратко, но отчётливо, как вы проводите время в Богоспасаемом граде Валдае. Душевно радуюсь за вас, что всё совершается по желанию вашему. Одно только обстоятельство печалит меня: это не вполне удовлетворительное состояние твоего здоровья. Но я всё надеюсь, что постоянное наблюдение доктора, вероятно, искусного, мало-помалу поправит твоё здоровье. По твоему описанию, доктор ваш — человек просвещённый и, следовательно, не может смотреть на свою деятельность как на ремесло, а, вероятно, серьёзно занимается избранной частью. А уже из этого я вывожу заключение, что доктор он искусный.

Я не теряю надежды скоро повидаться с вами и поэтому не пускаю в описание пребывания своего в Петербурге и впечатлений, оттуда вывезенных. Скажу коротенько, что прожил там 12 дней, был на выставке 10 раз, два дня читал окончательную работу редакционных комиссий по крестьянскому делу, представленную ими в Главный Комитет по этому делу, именно: 1) общее положение

вместе с ней горячо следим за политикой. Часа два всякий день живём душой в Италии, браним подлое направление, принятое в делах России, восхищаемся речами Джона Рассела¹⁷, потом ходим до невероятности, спим много, с папа проводим вечера. Он здоров и в духе, раскладывает пасьянсы. <...>

о крестьянах, 2) частное положение для отдельных местностей, 3) положение о дворовых людях и 4) правила о введении этих положений в губерниях. Из сего ты можешь заключить, что впечатления петербургские главным образом относятся к сельскому хозяйству, которым делом я теперь занимаюсь так усердно, что Натали моя находит, что я чуть не помешался на этом.

Подробно расскажу обо всём при свидании, а теперь узнай, как мы прожили три недели у папа. Я всё возился со своими проектами хозяйства, Натали прихварывала от времени до времени, читала мне газеты и «Русский вестник». Мы

Но вот во вторник кончается наше странствование по чужим углам, засядем на зимовке, да не очень прочно. Натали собирается ещё раз съездить в Питер. Мне придётся поехать в Крестцы. И я постараюсь тогда украсть несколько дней, чтобы съездить к вам, а именно, когда Натали будет в городе, а то много мы с ней и без того разлучаемся.

Однако посыльный из Боровичей приехал.

До свидания. Целую тебя и мужа сердечно, и прошу передать Натали, если она ещё у вас, мой душевный поклон. Тётушка уехала отсюда в среду. Деток поцелуй.

Твой брат Павел.

¹⁷ Британский государственный деятель, премьер-министр Великобритании в 1846—1852 и в 1865—1866 годах.

Наталья Хвоцинская

«ОТКУДА ЕСТЬ ПОШЛА РУССКАЯ ЗЕМЛЯ»

Книга Владимира Яковлевича Конецкого «Русь Новгородская: первые века» посвящена чрезвычайно важной и вместе с тем сложной теме отечественной истории — сложения древнерусского государства. Не одно поколение исследователей волновал вопрос, обозначенный летописцем в «Повести временных лет», — «Откуда есть пошла Русская земля». К сожалению, как правильно отмечает сам автор во Введении к своей работе, в истории нашей страны тема возникновения древнерусского государства часто становилась заложником идеологических установок или псевдонаучных теорий, полностью игнорирующих исторические реалии. В настоящее время подобная литература, призванная заменить исторические знания примитивными мифами, черпающими идеи из давно забытых преданий, строго разработанную научную хронологию некой искусственно созданной «новой хронологией» и т.д. широко тиражируется и дезориентирует современного неискущённого читателя. В связи с этим

публикация книги талантливого новгородского историка, высказывающего свой взвешенный взгляд на события, связанные с ранней историей столицы Северной Руси, весьма актуальна и своевременна.

Книга отличается современным научным подходом, подкупает глубиной и широтой охвата материала. В своих выводах автор опирается на обширный круг различных источников, как письменных (от летописи до публицистических произведений допетровской эпохи), так и данных смежных исторических дисциплин (исторической географии, антропологии, языкознания, нумизматики). Особая роль в его исследовании принадлежит археологии как единственной науке, дающей объективные материалы для реконструкции экономических, демографических, социальных и этнокультурных процессов на Северо-Западе в VII—X веках н.э. Подход автора отличается оригинальностью в изложении материала. Различные события, судьбы учёных и их идей он рассматривает на фоне исторической ситуации того времени.

В девятнадцати главах книги отражены различные аспекты, связанные со становлением Новгорода — северного центра древнерусского государства. В историографической части особый интерес вызывает очерк, касающийся первых историков XVIII—XIX веков, пытающихся на очень ограниченном корпусе источников проникнуть в начальную историю русского государства и происхождения народа. С увлекательными подробностями даётся историографический обзор «спора о варягах» с характеристикой учёных, участвующих в нём, в условиях внутривосточной и социальной ситуации в России. В последующих частях работы рассматриваются вопросы этнокультурных про-

цессов, происходящих в Приильменье до прихода сюда славянского населения, обосновывается собственный взгляд на трактовку культуры длинных курганов, высказывается точка зрения о консолидации славян на территории Европы, которая, по мнению автора, происходит, с одной стороны, под влиянием кочевнического мира, а с другой — в результате контактов с местным населением, являвшихся носителями позднеантичных культурных традиций.

Дальнейшие главы напрямую посвящены страницам истории Приильменских словен от первоначального их расселения в конце I тыс. до н.э. до XI века — времени расцвета Новгорода. Автор не обошёл своим вниманием основную канву событий, вызывающих до сих пор дискуссионность в научном мире, чётко обозначив свою позицию. В книге доходчиво рассказывается о деятельности первых русских князей, о быте и сельскохозяйственном укладе жизни славян, о роли торговли и ремесла, рассматриваются сложные социально-экономические, политические и этнокультурные процессы, происходившие на раннем этапе истории новгородского средневекового общества, приведшие к укреплению власти бояр и формированию городской структуры.

Книга читается с большим интересом. Автор отмечает, что его произведение не учебное пособие и не строгое научное исследование, но я думаю, оно будет очень полезно для студентов, привлечёт внимание широкого круга читателей, а также взбудоражит умы маститых учёных.

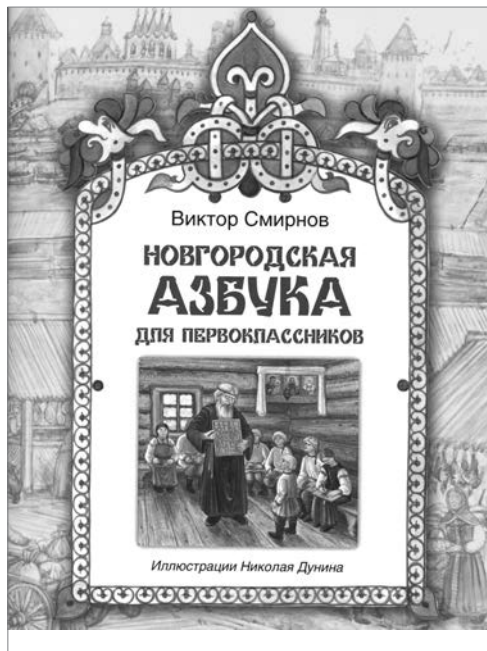
Сергей Козлов

АЗБУКА ГОРОДА МАЛЬЧИКА ОНФИМА

Книжный мир знает немало примеров азбук. Одним из самых известных, пожалуй, можно считать сочинение

Л.Н. Толстого, оставившего неповторимый памятник просветительской литературы. Свои азбуки создавали художники и поэты — А. Бенуа, С.Я. Маршак (его версия азбуки в картинках, которую иллюстрировали лучшие художники, стала обязательным символом советского детства). Кроме общей функции познакомить маленьких читателей с буквами, азбуки стали посвящать отдельным сторонам жизни или искусства — «Рабочая азбука» И. Бродского, «Цирковая азбука» М. Яснова. А теперь у новгородцев появилась своя азбука, написанная известным писателем историком Виктором Смирновым. Автор историко-культурной концепции «Новгородская цивилизация» подобрал к буквам современного русского алфавита понятия из богатейшего наследия Великого Новгорода.

Книга адресована первоклассникам, поэтому особая ответственность возлагается на лапидарность текстов. Уместить в несколько строк историческое значение личности и деятельности Александра Невского, рассказать о памятнике «Тысячелетие России» или грамотности — особенное мастерство.

Юные путешественники в историю имеют уникальную возможность воспитываться на программах Новгородского музея-заповедника и его Детского музейного центра, находясь в непосредственном контакте со средневековым наследием. «Новгородская азбука» станет путеводителем по этому миру для самостоятельного изучения, с друзьями и педагогами в школе.

Можно двигаться от буквы к букве, собирая мир подлинных фактов, вдохновляющих легенд, созданных новгородцами

в древности. А можно открыть книгу на любой странице, поиграть или проверить себя. Как научная археология складывает из разрозненных кусочков, осколков, фрагментов целое представление об истории, так и азбука собирает на своих страницах самое важное, чтобы маленькие читатели получили объёмное представление о мире, в котором они живут, о связи поколений и ценности знания.

Ярко и празднично знание обращается к ребёнку в том числе и благодаря рисункам Николая Ивановича Дунина. Музейным посетителям они хорошо известны. Подлинники долгое время являлись частью выставки «Город мальчика Онфима» в кремле, а теперь «ожили» благодаря медиахудожникам в обновлённой экспозиции. Опубликованные на страницах книги, они стали ещё ближе.

Николай Дунин, обладая фантазией художника и скрупулёзностью исследователя, создал множество сценок из жизни средневековых новгородцев. Шумные улицы, усадебные дворы, берег Ильменя, будни и праздники, школьные занятия, детские игры... Пожалуй, художник успел воссоздать почти все случаи жизни. Он оставил портреты купцов и скоморохов, гусяров и бояр, даже знаменитый мальчик Онфим во многом ассоциируется с тем образом, который появился в работах Дунина. И вот что важно — фантазируя над сюжетами, мастер правдиво изображал среду, известную нам по источникам и научным реконструкциям. Одежда новгородцев, зодчество и убранство домов — всё это

согласовано с академическими представлениями.

Одной из самых заметных работ художника можно назвать картину с изображением Великого моста. Выйдя из кремля к берегу Волхова, каждый может мысленно убрать современный мост и вообразить, что примерно на этом месте возвышалось удивительное сооружение, на котором днём и ночью кипела деловая жизнь. Десятки персонажей, просто глазеющих по сторонам, занятых разгрузкой товаров из причаливающих лодок... А вот там уже идёт пляска, может, в честь удачной сделки... Через мост же мчится всадник со свитой — не сам ли князь новгородский?

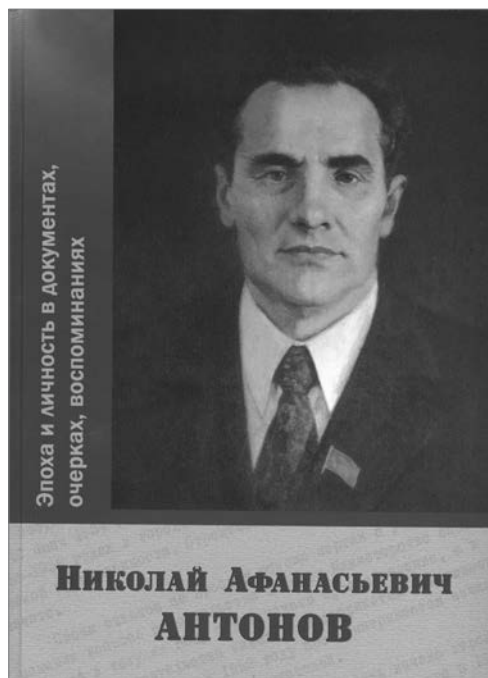
В рисунках Николая Дунина есть своя поэтичность, которая заставляет зрителя сразу же поверить художнику. Кто-то может сказать, что эта жизнь несколько идиллична, приукрашена. Но вот в чём ценность — это взгляд не только зрелого мастера, но и ребёнка. Ведь рисунки адресованы в первую очередь детям, для которых даже повседневные обязанности могли превратиться в игру.

Художника с нами уже нет, что накладывает интонацию грусти для взрослого читателя «Новгородской азбуки». И тем важнее, что книга, выпущенная при поддержке Правительства и Министерства образования Новгородской области, стала замечательной памятью о Николае Ивановиче, подарившем юным новгородцам XXI века Город мальчика Онфима.

Валерий Колотушкин
ЭПОХА И ЛИЧНОСТЬ

Архивы нечасто выпускают издания, посвящённые одному герою. Такова архивная специфика, предполагающая работу с огромными массивами документальной информации, в которых находит отражение множество человеческих судеб. Но личность Николая Афанасьевича Антонова (1921—1996) неразрывно связана с очень важным периодом истории Новгородской области: периодом послевоенного восстановления, стремительного развития и роста, коренного изменения облика нашего региона. Четырнадцать лет — с 1972 по 1986 год — Н.А. Антонов возглавлял область, будучи первым секретарём областного комитета КПСС, а всего на различных постах в новгородском Доме Советов он провёл три десятилетия.

Книга состоит из трёх разделов: «Документы», «Очерки» и «Воспоминания». В первом разделе — «Документы», выстроенном по хронологическому принципу, представлены 88 документов из фондов Государственного архива новейшей истории Новгородской области (ГАНИНО) и архива семьи Н.А. Антонова. Открывает эту часть издания статья Н.А. Антонова «Последние бои». Участник Великой Отечественной войны, Николай Афанасьевич поделился в этой небольшой газетной публикации воспоминаниями о боях января—фев-

раля 1944 года. Они были особенно памяты фронтовику, поскольку проходили на родной для него Новгородской земле. 285-я стрелковая дивизия, в рядах которой сражался Н.А. Антонов, после начала Новгородско-Лужской наступательной операции была переброшена с любанского на шимское направление. Здесь 18 февраля 1944 года Николай Афанасьевич получил первое ранение: *«Меня ранило пулей немецкого стрелка в область левой ключицы. Ранение, к счастью, оказалось*

лёгким, без повреждения костей, но пришлось всё-таки отправиться на перевязку, рука сильно болела. Ночью вернулся в батальон»¹.

В сборник вошли два письма военного времени — ценная реликвия семейного архива Н.А. Антонова. Первое датировано 21 сентября 1944 года и было написано медсестрой госпиталя, в который капитана Антонова доставили после тяжёлого ранения в живот. Это ранение Николай Афанасьевич получил 19 августа 1944 года на латвийской земле. Жизнь будущего руководителя области спасли опытные медработники и счастливое стечение обстоятельств: винтовочная пуля, выпущенная немецким снайпером, была на излёте, раненому быстро оказали квалифицированную помощь. Помогло и двухдневное голодание: батальон вёл наступление, люди практически не спали и ничего не ели, и голодание существенно снизило вероятность возникновения перитонита у раненого. Затем была эвакуация в Иркутск, где Николай Афанасьевич лечился более полугода.

Второе из опубликованных писем перед новым 1945 годом ему написал сослуживец, командир полка майор Владимир Иванович Иванин. В письме сообщались краткие новости из жизни дивизии: *«Садахина Вы наверно помните, он пришёл на Ваше место. Погиб. Иванов — миномётчик <...> — тяжело ранен. Васин работает на месте Рогожина»*. Автор поздравил Николая Афанасьевича с вы-

сокой наградой — орденом Александра Невского, которой командир батальона Н.А. Антонов был удостоен за умело проведённую в конце июля 1944 года операцию по захвату опорного пункта Демшас. Но в связи с ранением орден был вручён ему только в 1945 году, уже после увольнения из Вооружённых сил.

С 1945 по 1956 год Николай Афанасьевич жил и работал в городе Боровичи Новгородской области. Когда гитлеровцы разрушили родовой дом Антоновых в Старой Руссе, родители — Афанасий Ефимович и Екатерина Александровна — успели выбраться из города незадолго до его захвата немцами и осели в Боровичах. Все их шестеро детей пережили войну. На фронтах, кроме Николая, воевали его старшие братья: Георгий, Владимир и Александр, а сестра Людмила попала в оккупацию.

В книге опубликовано три архивных документа из фонда ГАНИНО № 29 «Боровичский городской комитет Коммунистической партии РСФСР», которые связаны с историей Боровичского механического завода, где Н.А. Антонов трудился в течение десяти лет. В цехах предприятия по изготовлению деревообрабатывающих станков молодой фронтовик, получивший инвалидность при выписке из госпиталя, прошёл путь от контрольного мастера до главного инженера и директора. За время работы Николай Афанасьевич окончил Ленинградский заочный индустриальный ин-

¹ К сожалению, Н.А. Антонов не оставил других мемуаров о войне. Этот пробел в некоторой степени восполнил его сын, Иван Николаевич Антонов: в 2020 году он выпустил книгу «Война. Воспоминания отца и боевые документы». Основу издания составили переданные сыном устные рассказы Николая Афанасьевича, дополненные архивными документами о боевом пути дивизии.

ститут, так как до войны не успел завершить обучение в военмехе.

С высокой степенью ответственности Н.А. Антонов относился к порученному делу и того же требовал от других. В 1955 году он был избран председателем Боровичского горисполкома, и при этом некоторое время оставался директором завода, совмещая таким образом две должности. В опубликованном письме первый секретарь горкома КПСС А.П. Лучин просил *«высвободить т. Антонова и дать ему возможность работать председателем горисполкома, ибо такое двойное положение у тов. Антонова вредит работе как на заводе, так и в городском исполкоме»*. Спустя ровно год, в марте 1956 года, Николай Афанасьевич получил новую должность заведующего промышленно-транспортным отделом Новгородского обкома КПСС. Так состоялся переезд Н.А. Антонова и его семьи в областной центр.

Представленные в сборнике документы из фонда ГАНИНО № 260 «Новгородский областной комитет Коммунистической партии РСФСР» рассказывают о том, какие задачи приходилось выполнять Николаю Афанасьевичу на руководящих должностях в регионе. Это постановления бюро обкома КПСС, принятые с участием Антонова, а также справки, информации и записки, которые он подписывал как заведующий отделом, а с 1960 года — как секретарь обкома партии по промышленности.

В конце 1950-х годов Н.А. Антонов курировал строительство новых заводов радиотехнического профиля. Его вклад от-

метил в своих воспоминаниях Владимир Николаевич Новиков, уроженец города Крестцы, Герой Социалистического Труда, который в 1957 году, как председатель Ленсовнархоза, предложил разместить в Новгороде новые предприятия: *«Большим энтузиастом в приёме этих предложений был, как помню, заведующий промышленно-транспортным отделом Обкома, совсем молодой Н. Антонов»* (ГАНИНО. Ф. 1667. Оп. 2. Д. 538. Л. 21). В 1960-е годы Николай Афанасьевич занимался строительством химического комбината, заводов электронно-лучевых трубок, стекловолокна и других. В 1966-м он был избран председателем облисполкома.

Н.А. Антонов умел проявлять упорство в достижении целей, о чём, в частности, свидетельствует история строительства в Новгороде молочного завода. Обоснование этого содержится в опубликованной записке первого секретаря обкома КПСС В.Н. Базовского и председателя облисполкома Н.А. Антонова от 27 мая 1971 года. Однако в связи с резким сокращением капитальных вложений Министерство мясной и молочной промышленности СССР исключило строительство этого предприятия из проекта плана на 1973 год. Возглавив обком КПСС в 1972 году, Николай Афанасьевич продолжил отстаивать свою точку зрения. В ответе на следующее его письмо замминистра сообщил, что просьба о выделении дополнительных средств направлена в Совет Министров СССР... На входящем документе Антонов написал: *«Был у т. Байбакова Н.К. 22/XI [1972 года]², который поручил*

² Н.К. Байбаков тогда занимал должности заместителя председателя союзного Совмина и председателя Госплана СССР.

своим замам т. Шаеву и Миротворцеву найти возможность положит[ельного] решения вопроса. Министру Антонову С.Ф. сообщено об этом». Помета, поставленная рядом, свидетельствует, что летом 1973 года началось строительство молокозавода.

4 мая 1972 года пленум обкома КПСС освободил от обязанностей первого секретаря обкома Владимира Николаевича Базовского в связи с назначением послом СССР в Болгарии. Его преемником стал Николай Афанасьевич Антонов.

В сборнике представлены документы по широкому спектру вопросов, которые в течение четырнадцати лет приходилось решать первому секретарю обкома партии. Это и записки о строительстве линий электропередачи Чудово — Новгород и Устюжна — Пестово, о реконструкции и эксплуатации автодороги Москва — Ленинград и фарфоровых предприятий, состоянии мебельных фабрик, строительстве зданий и помещений социально-культурного назначения производственного объединения «Азот» и объектов текстильной промышленности, ходатайства о поощрении и награждении заводов: «Волна», имени XXIV партсъезда, имени Ленинградского комсомола, Чудовской спичечной фабрики «Пролетарское знамя», Мало-вишерского стекольного завода. Среди документов — выписка из протокола бюро обкома об организации филиала Ленинградского финансово-экономического института имени Н.А. Вознесенского, записки о награждении города Холма Почётной грамотой Президиума Верховного Совета РСФСР, Новгородской областной библиотеки — орденом

«Знак Почёта», о разрешении отметить 1125-летие Новгорода, выступление Н.А. Антонова на торжественном митинге трудящихся, посвящённом награждению Новгорода орденом Трудового Красного Знамени.

Бурное развитие промышленности сопровождалось ростом угрозы загрязнения окружающей среды. В 1978 году Н.А. Антонов сообщал в Центральный Комитет партии, что за девятую пятилетку (1971—1975) в области было *«закончено строительство и введено в эксплуатацию 16 очистных сооружений общей мощностью 41,7 тысячи кубометров сточных вод в сутки. За истёкший период десятой пятилетки введено канализационных очистных сооружений мощностью свыше 42 тысячи кубометров сточных вод в сутки»*. Особое внимание в информации первого секретаря обращено на меры охраны водных и лесных ресурсов Валдайского природного комплекса.

Читатели сборника могут ознакомиться с документами об административно-территориальных изменениях 1970-х годов: записками в ЦК КПСС о создании Шимского района Новгородской области (от 4 октября 1972 года) и Ленинского и Октябрьского районов Новгорода (от 9 сентября 1975 года). Опубликованные документы характеризуют и преобразования в сельском хозяйстве, когда обком партии информировал 23 февраля 1978 года о ходе выполнения постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 20 марта 1974 года «О мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства Нечерноземной зоны РСФСР».

Сложно переоценить роль Н.А. Антонова в появлении нового театра драмы в Новгороде. В сборник вошла записка первого секретаря о продолжении строительства театра драмы в Новгороде, датированная 27 февраля 1981 года. Как свидетельствуют отмеченные в комментарии документы, финансирование строительства неоднократно прекращалось. Не меньшую настойчивость Николай Афанасьевич проявил в решении вопроса о создании сельхозинститута, о чём свидетельствует его записка от 25 мая 1982 года.

Документы свидетельствуют об особом внимательном отношении Н.А. Антонова к истории древнего Новгорода. Один из них непосредственно связан с новгородской археологией. Руководителей области беспокоило отставание археологических работ от проектирования и строительства в городе, что вело *«к утратам исторических памятников или замедлению строительных работ»*. Именно поэтому 14 октября 1969 года В.Н. Базовский и Н.А. Антонов обратились в Академию наук СССР и Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова с письмом об упорядочении сроков и организации археологического исследования культурного слоя Новгорода. В своём ответе Академия настаивала, что *«ценность и уникальность культурного слоя Новгорода должна в первую очередь определять направление планирования и сроки застройки»*.

Антонову удалось успешно решить вопрос о воссоздании в Новгороде сектора Ленинградского отделения Института истории СССР Академии наук СССР, о чём свидетельствует его письмо академику Б.А. Рыбакову — секретарю

отделения истории Академии, датированное 1974 годом. Также во второй половине 1970-х годов состоялась передача корпусов бывшего Десятинного монастыря, ранее использовались под жильё, на баланс Новгородских художественно-производственных мастерских Художественного фонда РСФСР. С просьбой об этом 2 июня 1975 года к Николаю Афанасьевичу обратился секретарь Правления Союза художников РСФСР М.Н. Смирнов.

В сборнике можно прочитать документы, содержащие детали повседневной жизни новгородцев в 1970—80-е годы. Это записка о помощи, оказанной жителю деревни Погорелово Пестовского района, разрушенной смерчем в 1975 году, коллективные обращения жителей Новгорода о недостатках в организации продажи молочных продуктов, о разрешении крестного хода вокруг церкви святого апостола Филиппа, обращение фронтовика И.А. Ипатово о снабжении продуктами жителей деревни Ерзовка Хвойнинского района и другие.

Текстовые документы, которые охватывают период 1944—1986 годов, дополняют 34 фотографии. Они извлечены как из фонда ГАНИНО № 8025 «Коллекция фотодокументов», так и из личных архивов Екатерины Николаевны Фёдоровой, дочери Н.А. Антонова, и его соратников — Е.С. Быстрова, В.Я. Кацубы, В.А. Кондратьева, Ф.Р. Кудрина, Ю.М. Левкова. Самая ранняя фотография относится к 1930-м годам — это портрет семьи Н.А. Антонова, сделанный в Старой Руссе. В 1960-е годы родители Н.А. Антонова повторно снялись со всеми своими детьми в Новгороде.

Благодаря помощи членов семьи, коллег Николая Афанасьевича и их родственников удалось существенно дополнить аннотации некоторых фотографий. Так, дочь первого секретаря Солецкого райкома КПСС М.В. Капитанова Татьяна Михайловна предоставила аннотацию к фотографии участников встречи с председателем Комитета партийного контроля при ЦК КПСС А.Я. Пельше в декабре 1971 года. Светлана Александровна Коварская, работавшая в обкоме КПСС, помогла установить фамилии и должности неизвестных лиц на фотографии встречи руководителей области с Героями Социалистического Труда. Бывший заведующий сельскохозяйственным отделом обкома КПСС В.Я. Кацуба передал для публикации копию редкой фотографии, связанную с визитом новгородской делегации в Белорусскую ССР в 1979 году. При содействии Е.Н. Фёдоровой в книгу вошли личные фотоснимки Н.А. Антонова: с женой, внуками, а также общее фото тех, кто вместе с Николаем Афанасьевичем отмечал его 60-летний юбилей 9 сентября 1981 года. На этой фотографии запечатлено 60 человек — имена всех удалось установить благодаря Екатерине Николаевне.

Второй раздел сборника — «Очерки» включает публикации биографов Н.А. Антонова — члена Союза журналистов России Ирины Дмитриевны Савиновой и члена Союза писателей России,

кандидата исторических наук Виктора Григорьевича Смирнова³.

В разделе «Воспоминания» представлены мемуары тринадцати человек, лично знавших Н.А. Антонова. Они были написаны авторами или расшифрованы составителем с аудиозаписи с последующим согласованием. Открывают раздел воспоминания сына Ивана⁴ и дочери Екатерины. В сборник также вошли ещё 11 очерков воспоминаний товарищей, соратников и друзей Николая Афанасьевича.

Воспоминания существенно дополняют тексты архивных документов, создают подлинный портрет Николая Афанасьевича Антонова, наполненный характерными человеческими чертами. В мемуарах сына и дочери читатель может увидеть, каким он был дома: внимательным в жене и детям, а затем — внукам, справедливым, обязательным, трудолюбивым. *«Возвратившись с работы, никогда не сидели у телевизора, а занимались каждый своим делом. Папа любил что-нибудь делать в своём рабочем уголке»*, — пишет дочь.

Николай Афанасьевич много читал, имел обширную библиотеку художественной литературы и военных воспоминаний. Е.Н. Фёдорова вспоминает: *«В последние годы папа любил читать произведения Салтыкова-Щедрина, считал, что в них отражена жизнь современного нам общества. Из своего большого собрания книг о войне он выделял*

³ Очерк И.Д. Савиновой «Этапы большой судьбы» с разрешения автора был заимствован из коллективного издания «Сто лидеров земли Новгородской» (1999), а В.Г. Смирнов представил свой очерк, ранее опубликованный в его книге «Русская Атлантида. Великий Новгород в отечественной истории» (2021).

⁴ Сын Николая Афанасьевича ныне проживает в Санкт-Петербурге. Текст его размышлений об отце был ранее опубликован в книге Людмилы Михайловны Гаричевой «Свет слова» (2007).

произведения Василя Быкова, называл их самыми честными книгами о войне». Прекрасно разбирался Николай Афанасьевич в живописи, проводил домашние викторины на знание картин русских художников, настоял, чтобы дети окончили музыкальную школу.

С юных лет он сохранил любовь к морю, мечтал служить на флоте, но не прошёл медкомиссию. Николай Афанасьевич хорошо знал историю мореплавания, коллекционировал модели судов. В семье всегда отмечался День Военно-морского флота. Возглавив область, Н.А. Антонов оказывал деятельную поддержку Клубу юных моряков.

Авторы воспоминаний отмечают такие черты Н.А. Антонова-руководителя, как любовь к знаниям, неординарный взгляд, независимость, требовательность, при необходимости — строгость. *«У Николая Афанасьевича была хорошая черта — он не стеснялся до конца жизни спрашивать о том, чего он не знал или чего не понимал»* (Е.В. Андреев). Он *«не терпел... поверхностного подхода к делу»* (Н.А. Архипова), но тем, кто самоотверженно вкладывался в дело, всегда готов был прийти на помощь. *«Николай Афанасьевич был очень внимательным, проницательным человеком... Он умел незаметно и быстро входить в любую ситуацию, и самой жизнью был подготовлен к руководящей работе»* (Ф.Р. Кудрин).

С большой любовью и вниманием Н.А. Антонов относился к Новгородскому краю, историческому наследию и культуре родной земли. Он стоял у истоков фестиваля «Русская музыка» в Новгороде, участвовал в создании региональных организаций союзов писа-

телей и художников, был инициатором масштабных выставок и создания новых книг о Новгородской земле.

Книга «Николай Афанасьевич Антонов. Эпоха и личность в документах, очерках, воспоминаниях» дополнена именным и географическим указателями, содержит списки использованных архивных фондов и изданий, перечень опубликованных текстовых документов, сведения об основных датах жизни Н.А. Антонова. Сборник предваряют обращение Губернатора Новгородской области А.С. Никитина, предисловие составителя и краткая характеристика издания от редколлегии.

Сборник посвящён в целом малоизученному периоду послевоенного развития Новгородской области, что, безусловно, определяет его значимость. Многие из опубликованных архивных документов ранее не привлекали внимание исследователей, некоторые документы недавно прошли рассекречивание.

Период 70-х — первой половины 80-х годов XX века в истории получил название «застоя», и, конечно, содержал множество недостатков (и некоторые из них нашли отражение в издании). Проблемы, постигшие страну на исходе столетия, имели свои истоки в более раннем отрезке времени. Но годы руководства Николая Афанасьевича Антонова остались в памяти новгородцев эпохой достижений в экономике и культуре, вдумчивого управления, грамотной кадровой политики. За этот сравнительно небольшой, но важный исторический период было создано очень многое, заложены основы для дальнейшего развития региона.

Елена Барканова

ВИРТУАЛЬНЫЙ ДИАЛОГ

Дружбе двух городов с многовековой историей — Новгорода и Билефельда, более трёх десятков лет. Всё это время соглашение о сотрудничестве не было формальностью. Брунхильд Хильф, председатель общества дружбы «Билефельд — Великий Новгород», считает побратимские связи между городами частью большой *«работы, проделанной совместно немцами и русскими в области взаимопонимания и примирения после катастрофы, развязанной немцами»*¹. Альбом «Враг на войне, а братья в искусстве», изданный на двух языках в Билефельде в 2022 году,

стал, по мнению издателей, «Новым мостом дружбы...».

Выходу альбома в Германии предшествовала выставка «Два берега одной войны». Эта выставка работ двух художников, воевавших по разные стороны фронта, Готтфрида Грунера и Семёна Пустовойтова, проходила в новгородском Музее изобразительных искусств несколькими годами ранее, в 2016 году. Брунхильд именно её называет *«отправной точкой»* для этого издания, в главах которого и «сухая» биография художников, и яркие моменты жизни и творчества, и, конечно, произведения мастеров, позволившие провести связующие нити.

Полномасштабно увидеть образ Новгорода, запечатленного художниками во время Великой Отечественной войны и после её окончания, помогают известные историки Борис Ковалёв, Дмитрий Асташкин, передать эмоции и чувства акварелистов — дочь Семёна Ивановича Пустовойтова Ирина Савельева,

¹ Письмо Брунхильд Хильф, лето 2022 года.

вдова Готтфрида Грунера художница Трауте Грунер.

Нельзя не согласиться с обер-бургмистром Билефельда, который в предисловии к книге отмечает, что «своё видение города оба "изложили" с большой любовью и восхищением к нему».

Действительно, авторы работ были свидетелями происходящего, оба искренне передали кистью и красками, что увидели и прочувствовали.

Фрау Хильф уподобляет их акварели «детям художников», которые «могли бы начать мирные переговоры друг с другом»², не подозревая, что своим сравнением даёт ответ на заданный в одном из писем (по случаю открытия выставки акварелей в ратуше Билефельда) вдовой Готтфрида Гунтера вопрос: «Солдат, война и искусство — как такое совместимо?»³.

Иллюстрациями издания послужили не только переданные супругой 12 акварельных работ 1942—1943 годов немецкого художника и скульптора и столько же картин С.И. Пустовойтова, но портретные фотоснимки и рисунки самих художников.

Сначала эпидемиологическая, а сегодня и политическая ситуации практи-

Грунер.
Автопортрет. 1943 г.

Пустовойтова.
Портрет С.И. Пустовойтова.
1962 г.

чески исключают возможность открытого общения, тем более значим такой диалог на языке творчества — диалог, которому не суждено было состояться при жизни художников.

Зародившаяся в годы холодной войны одна из самых успешных историй дружбы и сотрудничества российского и немецкого городов, по словам исполняющего (на момент появления издания) обязанности мэра Великого Новгорода Владимира Ерёмкина, ждёт счастливого продолжения, а представленный альбом — «это ещё одно подтверждение того, что как дружеские, так и общественные контакты и связи сохраняются и могут быть возобновлены»⁴.

² Письмо Брунхильд Хильф, лето 2022 года.

³ Письмо Трауте Грунер членам куратория, 2013 год.

⁴ Письмо Брунхильд Хильф, лето 2022 года.

БАЖМИНА Наталия Николаевна, преподаватель русского языка и литературы

БАРКАНОВА Елена Владимировна, журналист, главный редактор альманаха «Новгородика», начальник отдела поддержки социокультурных инициатив ОАУКИ «НОТКА»

ВИТУШКИН Сергей Фёдорович, журналист, главный редактор областной Книги Памяти

ВОЛОДИНА Татьяна Владимировна, кандидат искусствоведения, ведущий научный сотрудник Новгородского музея-заповедника

ВОСТРОВ Алексей Владимирович, исследователь, преподаватель Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого

ГАЛИНОВА Анастасия Михайловна, кандидат филологических наук, переводчик

ИГНАТЬЕВ Андрей Александрович, историк, старший научный сотрудник Боровичского филиала Новгородского музея-заповедника

КОВАЛЕНКО Геннадий Михайлович, кандидат исторических наук, доцент

КОЗЛОВ Сергей Александрович, кандидат филологических наук, арт-директор Театра драмы им. Ф.М. Достоевского

КОЛОТУШКИН Валерий Геннадьевич, заведующий отделом по научно-информационной работе и переводу документов на открытое хранение Государственного архива новейшей истории Новгородской области

КОНЕЦКИЙ Владимир Яковлевич, кандидат исторических наук, археолог, историк

МАЛИНОВСКИЙ Никита Александрович, студент магистратуры Билефельдского университета

МЕЛЬНИКОВ Илья Андреевич, кандидат культурологии, научный сотрудник Новгородского музея-заповедника, доцент кафедры истории России и археологии НовГУ

РАННЕ Александр Игоревич, протоиерей, клирик Новгородского Софийского кафедрального собора, председатель Отдела по религиозному образованию и катехизации Новгородской епархии Русской Православной Церкви

РУКАВИЧНИКОВА Валентина Викторовна, кандидат филологических наук, заведующая редким и ценным фондом отдела книгохранения Научной библиотеки НовГУ

САВИНОВА Ирина Дмитриевна, журналист, писатель, исследователь

СЕКРЕТАРЬ Людмила Андреевна, историк, Заслуженный работник культуры РФ

СМИРНОВ Виктор Григорьевич, кандидат исторических наук, писатель, сценарист, телеведущий, Почётный гражданин Великого Новгорода

СПЕРАНСКАЯ Ирина Николаевна, исследователь

ФИЛИППОВА Людмила Андреевна, историк, искусствовед, лауреат Всероссийской премии «Хранители наследия»

ХВОЩИНСКАЯ Наталия Вадимовна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории материальной культуры Российской академии наук

ЯДРЫШНИКОВ Владимир Алексеевич, историк, искусствовед

Научно-популярное издание

Дизайн *Алексей Востров*
Корректор *Елена Ефимова*
Техническое редактирование и вёрстка *Элина Белоножка*

Фотографии предоставлены авторами статей,
взяты из открытых источников

В оформлении использованы прориси новгородских печатей из книги
Янин В.Л., Гайдуков П.Г. Актовые печати
Древней Руси X—XII вв. Т. 3. М., 1998

ООО «Издательство «Вече»

Адрес фактического местонахождения:
127566, г. Москва, Алтуфьевское шоссе, дом 48, корпус 1.
Тел.: (499) 940-48-70 (факс: доп. 2213), (499) 940-48-71.

Почтовый адрес:
127566, г. Москва, а/я 63.

Юридический адрес:
129110, г. Москва, пер. Банный, дом 6, помещение 3, комната 1/1.
E-mail: veche@veche.ru
<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 25.12.2022.
Формат 70 × 100 1/16. Гарнитура Minion Pro.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Печ. л. 14. Тираж 500 экз.
Заказ №

ISBN 978-5-4484-4173-8

9 785448 441738

